Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

выпуск 5

На февраль 2011 года планируется издание сборника статей «Беларусь превыше всего: О национальной беларуской идее»» (224 – 240 стр.). Тираж ограничен. Желающим ее приобрести (в т.ч. по почте наложенным платежом) следует послать предварительный заказ по адресу:

А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131.

Интернет-адрес: skramasaks@inbox.ru

Содержание сборника

Предисловие: А. Тарас. Суть проблемы

Часть I.

А. Шеин. Христианство и беларуская национальная идея

О. Кравцов. Концепция беларуской национальной идеи

Д. Сосновский. О форме и содержании беларуской идеи

Ю. Ходыко. Национальная идея и наши символы

Часть II

И. Бобков. Генеалогия беларуской национальной идеи

Н. Кацук. Социология беларуской идеи

П. Бич. Западнорусизм вместо беларуской идеи

В. Ляндра. Реалии беларуского двуязычия

З. Шибеко. Проблемы становления беларуской нации

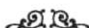
Часть III

Т. Кузё. Историческая память и формирование наций на постсоветском колониальном пространстве

Р. Шпорлюк. После коммунизма – национализм

А. Грицанов. Имперский дискурс России – стимул для национализма в бывших колониях

Заключение: А. Тарас. Быть беларусом – сегодня!

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 5

Минск
«Харвест»
2010

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2010. – 200 с.

ISSN 2075–5376
ISBN 978-985-16-9244-2

В пятом выпуске дайджеста помещены 15 статей, а также материалы дискуссии между историками Беларуси и Летувы. Хронологически эти работы охватывают период с середины XVII века до последней четверти XX столетия. Публикуемые статьи сгруппированы в четырех тематических разделах. Кроме того, публикуется одна рецензия.

ISSN 2075–5376
ISBN 978-985-16-9244-2

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОТ ЛИТВЫ К БЕЛАРУСИ

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ НАСЛЕДИЕ ВКЛ? 4

Андрей Сулима-Каминский. СТОЛКНОВЕНИЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА НА БЕЛАРУСКОЙ ЗЕМЛЕ (Об антиимперском понимании беларуской истории) 19

Виталий Макаревич. «АНТИРАЗБОР» ШЛЯХТЫ: ПОДДЕЛКА ДВОРЯНСКИХ ДОКУМЕНТОВ В БЕЛАРУСИ В XIX ВЕКЕ 26

Андрей Пятчиц. «ТОРЖЕСТВО» ПРАВОСЛАВИЯ В БЕЛАРУСИ: ИМПЕРСКИЙ ВАРИАНТ ... 40

II. КОГДА-ТО СРЕДЬ НАС ЖИЛИ ЕВРЕИ

Андрей Буровский. ТАЙНА ЕВРЕЕВ АШКЕНАЗИ 56

Илья Курков. ЕВРЕИ В БССР: ИЛЛЮЗИИ И НАДЕЖДЫ 84

Анатоль Великий. РАЗГРОМ ЕВРЕЙСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ. «Еврейский вопрос» в Беларуси в 40–50-е годы 90

Максим Петров. 1948 ГОД: УБИЙСТВО В МИНСКЕ 95

III. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ «ДАВИЛОВКА»

Илья Курков. ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ В «ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ» (По документам ЦК КПБ) 104

Владимир Давыдовский. ГОЛОДОМОР В БЕЛАРУСИ.................... 110

Ирина Романова. НАРОДНАЯ МОЛВА О ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ (На примере 1930-х годов) 116

Иван Матлаш. В КОГТЯХ СОВЕТСКОГО «ПРАВОСУДИЯ».................... 130

Альберт Лазакович. ГИБЕЛЬ МАШЕРОВА: Несчастный случай или убийство?........... 136

IV. СЛАВНЫЕ ИМЕНА

Анатоль Тарас. ГЕНИЙ АРТИЛЛЕРИИ: КАЗИМИР СЕМЕНОВИЧ 141

Анатоль Тарас. ГРАФ ВАЛИЦКИЙ — ИГРОК И ФИЛАНТРОП 156

Лев Горошко. СУДЬБА ЕПИСКОПА — СУДЬБА ЦЕРКВИ 167

V. НАДО ПРОЧЕСТЬ

Александр Грицанов. НАЗАД — В БУДУЩЕЕ 195

I. ОТ ЛИТВЫ К БЕЛАРУСИ

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ НАСЛЕДИЕ ВКЛ?

Участники дискуссии

Александр Белый, историк, автор книг «Хроніка Белай Русі: Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы» (2001) и «Наша страва: Сапраўдная беларуская кухня» (2009).

Зигмас Зинкявичюс, академик АН Летувы, лингвист, автор ряда научных и научно-популярных работ по этнической истории балтов и проблемам балто-славянских отношений.

Вячеслав Носевич, историк, директор Беларуского научно-исследовательского центра электронной документации, автор книг «Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы» (1993), «Генеалагічныя табліцы старадаўніх княжацкіх і магнацкіх беларуских родаў XII–XVIII ст.» (1993), «Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе» (2004).

Йонас Тринкунас, этнолог, профессор Виленского университета, лауреат государственной премии Литвы имени Йонаса Басанавичюса, глава общества балтской религии «Romuva», председатель Всемирного конгресса этнических религий.

Вопросы

(1) Как влияет наследие давней Литвы на современную жизнь: вашу, вашего края? Как ВКЛ напоминает о себе в наше время?

А. Белый: На меня лично влияет непосредственно, вплоть до решения переселиться в ту часть Беларуси, где это напоминание наиболее ощутимо. Меня, например, очень интересует «кулинарно-гастрономическое» наследие ВКЛ, которое в Беларуси изучено недостаточно.

З. Зинкявичус: Наследие древней Литвы является для меня примером национальной толерантности, а для моего отечества, современной Летувы, — составной частью его истории, истоками государственности. Современным литовцам и беларусам не надо претендовать на прежние земли ВКЛ, но следует радеть о собственных этнических территориях.

В. Носевич: Наследие давней Литвы довольно активно влияло на жизнь Беларуси в начале 1990-х гг., когда его пытались использовать в политических целях. Когда попытка захлебнулась, значение этого наследия сместилось преиму-

Из журнала «Arche», 2007, № 10. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

щественно в сферу культурной жизни (геральдика, туризм и т.п.). Остался сравнительно небольшой круг людей (по социологическим опросам – несколько процентов взрослого населения), у которых наследие ВКЛ и теперь доминирует в их идентичности. Большинство остальных может месяцами не вспоминать, что они живут на земле, где некогда существовало ВКЛ.

Ё. Тринкунас: Наследие давней Литвы без преувеличения является главным фактором, который до сих пор гарантирует существование самой Летувы как таковой. Земля с ее памятниками, традиционная этническая культура, древний язык, история народа – содержание этого фактора.

Я считаю, что Великое Княжество Литовское возникло как государственное оформление территории балтских племен, включавшей также и нынешние беларуские земли.

Идея ВКЛ становится все более актуальной в последние годы, ибо она проистекает из самой логики международных отношений. К тому же появляется все больше исторической информации, активизируется балтское движение и интерес к наследию ВКЛ в Беларуси.

(2) Какое место занимало и занимает наследие ВКЛ в формировании национальных идентичностей беларусов и литовцев?

А. Белый: Пока что оно односторонне интерпретируется в обеих странах. Литовцы пытаются загнать это наследие в прокрустово ложе литовской этнографии XIX века. Факты, которые не вписываются в концепцию чисто литовского государства, их мало интересуют (примерно то же самое можно сказать о беларусах). Среднему литовцу трудно воспринять идею о ВКЛ как общем государстве двух народов. А для большинства средних беларусов ВКЛ вообще остается «чужим» государством, хотя такое отношение в последнее время начало меняться.

З. Зинкявичус: Наследие ВКЛ занимало и занимает важное место при формировании национальных идентичностей беларусов и литовцев. Для литовцев оно является объектом гордости за созданное их предками государство – имена всех князей ВКЛ, без сомнения, литовского происхождения*. Однако нельзя забывать о том, что это государство было создано при активном участии также и предков современных беларусов.

В. Носевич: Для литовцев это наследие стало ключевым моментом при формировании их национальной идентичности в конце XIX – начале XX вв. «Быть литовцем» значило – быть человеком, который помнит, что это его предки создали ВКЛ. Им было значительно проще, чем нам, так как название исторического государства и название той этнографической территории, где формировалась национальная идентичность, совпадали (с той оговоркой, что на самом деле была Жамойтия, но ее с XIX века стали воспринимать как часть Летувы).

В Беларуси же сосуществовали нескольких региональных и этнографических названий, притом ни одно из них не совпадало с границами какой-то политиче-

* Вот типичный пример наглого вранья современных историков из Летувы. Имена ВСЕХ князей ВКЛ не имели ничего общего с жамойтскими. Например, не было ни Альгирдаса, ни Гедеминаса, Витаутаса, а были Альгерд, Гедемин, Витовт. Но, как верно отметил Белый, этих историков (лучше сказать – фантазеров) факты такого рода не интересуют. Они упорно держатся за сказку, придуманную их идейными предшественниками во второй половине XIX века. – *Прим. ред.*

ской единицы прошлого. Отсюда ряд параллельных попыток формирования национальной идентичности на разных исторических фундаментах: здесь и наследие Полоцкого княжества, и кривичи, и литвины ВКЛ, и Западная Русь, и Белая Русь, и Черная... Происходила конкуренция этих идей не только с имперской интеграционной идеей, но и между собой. В этом существенная разница между нами и жителями Летувы.

Тем надо было решить: либо ты подданный императора «единой и неделимой» России, либо литовец или, как вариант, жмудин. У нас же, созрев до понимания, что можно быть не подданным российского императора, а кем-то другим, приходилось выбирать из нескольких вариантов «инаковости»: стать «западнорусом», литвином, кривичем, беларусом, полешуком, ятвягом или кем-то еще. Звучало и предложение с Запада: считать себя поляком (для беларуских католиков оно выглядело привлекательнее, чем для литовских, так как языковое различие значительно меньше).

Все варианты, взятые вместе, своим «весом» могли сравниться с русской имперской идеей, но каждый порознь был намного слабее. Да и между собой их сторонники боролись не менее упрямо, чем с «внешним врагом». Наконец, представление о том, что беларус – это, прежде всего, потомок жителей «русской» части ВКЛ, победило остальных конкурентов, хотя «полоцко-кривичский» и «западнорусский» варианты идентичности еще немного шевелятся (к ним в последние десятилетия добавился новый: беларусы – это ославяненные балты).

Но на эту победу было потеряно время, за которое в Летуве литовская идентичность победила имперскую (наследие которой, в свою очередь, позже успешно восприняла советская идентичность). В Летуве давно господствует единодушие, у нас же конкуренция главных идентичностей еще не завершена.

Ё. Тринкунас: Национальная идентичность наших народов формировалась преимущественно на осознании исторического наследия ВКЛ, но разная религиозная и языковая принадлежность разъединила беларусов и литовцев. Несмотря на это, мы должны стремиться идти навстречу друг другу. Для осознания нашего единства требуется новое национальное сознание, основанное на общей балтской традиции.

(3) Насколько принципиальна разница в оценке ВКЛ беларуской и литовской историографиями?

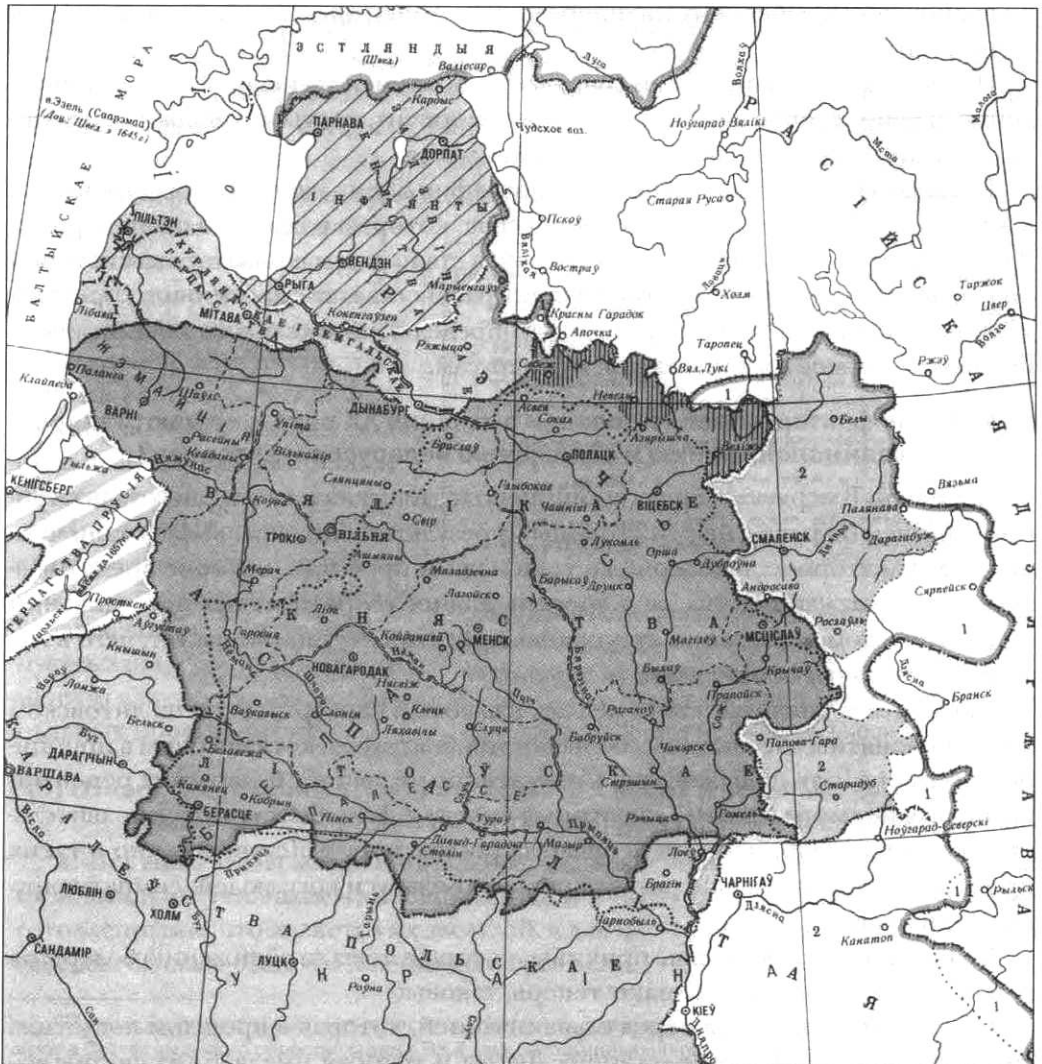
А. Белый: Полностью преодолеть разницу вряд ли удастся, как и в оценке партнера по браку женщиной и мужчиной. Но стремиться к этому следует. Стихийное сближение наметилось в последние 2–3 года /дискуссия происходила в начале 2007 года, – *Ред.*/, что не может не радовать.

Обе историографии склонны к полному игнорированию вклада соседей, но в Беларуси абсурдность такого подхода поняли раньше, и теперь мы чуть ближе к объективности, хотя и не все. Например, если бы трехтомная «Энциклопедия Великого Княжества Литовского» готовилась в Литве, вряд ли беларуские земли, персоны и события получили бы столь полное освещение, как литовские в беларуском издании. Литовцы изучают и интерпретируют «историю метрополии» (т.е. Жамойтии и Аукштайтии), а «периферийные территории» (Беларусь, Украина) их интересуют только в тех случаях, когда недостает фактов

для иллюстрации какого-нибудь конкретного явления (например, значение Скорины в истории книгопечатания). Но в целом они наработали лучшую фактологическую базу, поэтому до сих пор без особых трудностей отражали плохо построенные попытки беларусов оспорить свое право на общее наследие ВКЛ.

З. Зинкявичус: Беларуская историография до недавнего времени оставалась по своей сути продолжением – пусть с некоторыми изменениями – историографии имперской России. Между тем литовская историография начала освобождаться от искажений имперской российской историографии еще в XIX веке. И этот процесс продолжается до сих пор.

В. Носевич: Литовскую историографию создали люди, в сознании которых эта идея закрепилась раньше, чем они стали историками. Потому для них нет сомнений в том, что решающую роль в создании ВКЛ сыграли их предки.

ВКЛ в XVII–XVIII веках

А среди тех, кто создавал (и создает сегодня) беларускую историографию, есть много людей, успевших стать историками до того, как они построили свою национальную идентичность. Естественно, что в глазах «советского человека», «литвина», «кривича» или «ославяненного балта» одни и те же исторические факты выглядят по-разному. Поэтому до сих пор нет единой беларуской историографии, но есть зафиксированные на бумаге следы борьбы идентичностей.

Если ограничиться только сегодняшним временем, то можно назвать три главных течения: 1) постсоветское (согласно ему, беларусы в ВКЛ были завоеванным и подчиненным большинством), 2) национально-романтическое (беларусы под именем «литвинов» создали ВКЛ и господствовали в нем над предками современных литовцев, которых тогда называли исключительно «жмудинами»); 3) «позитивистское» (историки приводят объективные исторические факты, по возможности избегая их интерпретации с точки зрения современных идентичностей).

Первое из них практически совпадает с позицией нынешней литовской историографии, второе абсолютно ей противоречит, третье позволяет вести цивилизованный диалог, обходя «скользкие» места.

Ё. Тринкунас: Сегодняшняя историография обоих народов формировалась в XX веке на фоне политических процессов, которые разделяли наши народы. В результате прошлое беларусов и литовцев стало рассматриваться как история обособленных субъектов. Но эта историография связана с достаточно коротким периодом политической истории, когда определяющим являлось влияние внешних сил, враждебных и литовцам, и беларусам.

(4) Какие факторы препятствовали в течение XX века и мешают теперь взаимопониманию и сближению беларусов и литовцев?

А. Белый: В первую очередь амбиции политических и культурных авантюристов, причем больше с нашей стороны. В результате литовцы выработали чуть ли не рефлекторное недоверие ко всем нашим проектам, которое вредит возможности сотрудничества, ибо уровень наших теоретических исследований и практической реализации культурных проектов неуклонно растет, чего в Летуве до сих почти не замечают.

Кроме того, диалогу сильно мешает языковый барьер: тексты на литовском языке непонятны абсолютному большинству беларусов, хотя литовцы в принципе могут понимать по-беларуски. Существенно не хватает беларуских рецензий на литовские книги и другие культурные проекты. Если бы литовское правительство поддерживало, например, беларускую диаспору в Летуве именно в таких проектах, это значительно расширило бы в Беларуси круг людей, симпатизирующих литовцам.

З. Зинкявичус: Основные причины, которые мешали сближению беларусов и литовцев в прошлом и мешают теперь, таковы:

(1) опасения литовцев перед славянизацией, которая в прошлом поглотила значительные территории «старой» Литвы и которая имела тогда формы насильственной русификации и полонизации;

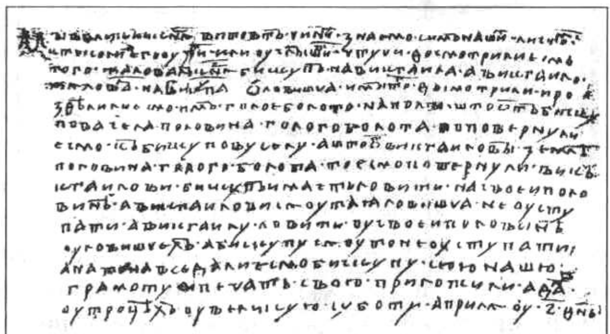
(2) некорректная трактовка со стороны беларусов канцелярского языка ВКЛ (т.е. старобеларуского – *Ред.*) как государственного языка в собственном смысле этого слова.

Упомянутый язык был на самом деле одним из рабочих языков канцелярии ВКЛ вместе с латинским (равно как последний был также и канцелярским языком Польши до XVI века). При этом нередко забывается о том, что истоки славянского канцелярского языка ВКЛ ведут к церковнославянскому языку, приспособленному для нужд элиты ВКЛ и позже он испытал влияния со стороны местных славянских диалектов, в частности тех, на базе которых складывались беларуский и украинский языки (в период создания ранних текстов времен великого князя Витовта)*.

В. Носевич: Взаимопониманию людей, одержимых разными идеями (или одержимого с неодержимым), препятствует уже сам факт одержимости одного или обоих. Понять друг друга могут люди одержимые одинаково или вообще лишенные одержимости. Применительно к национальной идентичности последнее означало бы космополитов, но космополиты – не беларусы и не литовцы. Что касается первого случая («одинаковой одержимости»), то беларусы с литовцами договорились бы, если бы ощутили себя, например, европейцами.

Ё. Тринкунас: Главная причина, которая поныне нас разделяет, – политическая, но большое значение имеют также языковое и религиозное различия. Христианская религия, разделенная на враждующие конфессии, разрушила единое балтское пространство и расколола родственные народы по религиозному признаку.

Мне это напоминает Югославию, распавшуюся вследствие религиозных различий (православные – католики – мусульмане), что стало фундаментом для собственно национальных противоречий.

Грамота великого князя Витовта на старобеларуском языке. Фантазеры-летувисы называют его Витаутас, несмотря на то, что он не был жамойтом. Кстати, во времена его правления в ВКЛ (1392–1430 гг.) у жамойтов еще не было письменности.

(5) Отчего «разошлись» наши народы в XX веке? Насколько существенна разница между нами по сравнению с другими соседями?

А. Белый: Литовское национальное возрождение было значительно более глубоким и длительным, и литовцы пришли к 1918 году несравненно лучше подготовленными, что является их заслугой, а для нас – примером. «Тащить» нас на себе как балласт было бы для них очень тяжело.

*И снова Зинкявичус лжет. Он относится к числу тех фантазеров, которые наиболее упорно отстаивают в Летуве выдумку о существовании в ВКЛ двух принципиально разных языков – канцелярского (славянского) и государственного (жамойтского). М.Н. Петров в своей работе «Литвины и жамойты» (2010 г.) прекрасно показал всю абсурдность этого измышления. – *Ред.*

Есть по крайней мере два принципиальных различия между нами. Во-первых, 400-летний период между крещением Киевской Руси (988 г.) и Кревской унией (1385 г.), который для Летувы имеет очень малое значение, а для нас явился определяющим. Этот период и предопределил наше расхождение.

Во-вторых, надо учесть непродолжительный, но чрезвычайно важный период между двумя мировыми войнами с 1919 по 1939 год, когда развитие наших народов происходило в принципиально различных условиях.

В результате беларусы своей системой моральных ценностей сегодня значительно ближе к русским (даже в северо-западной части Беларуси), хотя 100 лет тому назад они были значительно ближе к литовцам.

Герб «Погоня» в Статуте ВКЛ 1588 года

З. Зинкявичус: Разница — существенная.

Литовско-беларуский «симбиоз» является более древним по сравнению с соответствующим литовско-польским «симбиозом». Литовцев с латышами объединяет генетическая близость. Литовско-российские отношения омрачались великорусской захватнической политикой, литовско-польские отношения страдали от эгоистичной великодержавной политики Польского государства в межвоенное время. На отношения между литовским и немецким народами негативный отпечаток отложили горькие воспоминания о грабительских походах крестоносцев в далеком прошлом и период гитлеровской оккупации в новейшее время.

Ничего подобного никогда не было в отношениях между литовцами и беларусами. Главной причиной того, что наши народы «разошлись» в XX веке, я считаю русско-польский и советский империализм. Его следствием и стал разрыв естественных связей между нашими народами.

В. Носевич: Причина расхождения беларусов и литовцев (точнее, их национально одержимых элит) та же, что и в недавнем расхождении народов Югославии. Большинство тех и других желало одного: отделиться от постсоциалистического лагеря и пристать к западноевропейскому, но готовность к этому была разной. Так, католические Хорватия и Словения решили, что без балласта в виде православных сербов и боснийцев-мусульман они сделают это значительно быстрее.

Такой же выбор был и перед первым поколением политиков Летувы в начале XX века: длинный и мучительный путь вместе с беларусами или более быстрый — без них. Они тоже избрали второй вариант. Его историческая оправданность проявилась не так скоро, как у словенцев, но все же проявилась. А вот интеллектуалы Галиции в свое время сделали другой выбор — в пользу единой

Украины. В результате по-настоящему единой она до сих пор не стала, а где была бы теперь Львовщина при другом раскладе – каждый может думать сам...

Ё. Тринкунас: Мой ответ будет таким же: политические игры третьих сил, религиозный фактор как фактор разграничения некогда единого региона, языковые процессы.

(6) Какие имеются свидетельства движения наших народов навстречу друг другу в прошлом и сегодня? Что ждет нас в будущем?

А. Белый: С беларуской стороны – «Энциклопедия ВКЛ», весьма дружелюбная по отношению к Летуве. С литовской – обустройство ЕГУ в Вильне (хотя остается открытым вопрос, насколько ЕГУ пробеларуский проект). Хотелось бы верить, что нас ждет более масштабная интеграция в научных исследованиях (в истории, этнографии, лингвистике).

Наиболее плодотворным сотрудничество между нашими народами было в начале XX века, значительно меньше в его середине (Мартин Кухта, Владас Дрема, Вацлав Ластовский, Язеп Дроздович, братья Ивановские, Александр Ружанцов и т.д.). Но охлаждение отношений в конце XX века не случайно. Углубляясь в прошлое, можно вспомнить и гражданскую войну между Свидригайло и Сигизмундом в 1430-е годы, и летописный свод 1520-х гг., составленный под редакцией Альбрехта Гаштовта, из которого старательно вычеркивались факты, которые могли бы способствовать политическому патриотизму «русинов».

Традиционный герб Жамойтии — Медведь (Локис), а не «Погоня»

З. Зинкявичус: Литовцы и беларусы по происхождению – крестьянские народы. Это обстоятельство их сближает.

Восстания 1831 и 1863 гг., организованные поляками, в нашем крае свершали литовцы и беларусы. Наши народы объединяла борьба против российского империализма и польского гегемонизма.

В дальнейшем сотрудничество будет успешным только в том случае, если у беларусов не будет намерения славянизировать литовцев.

В. Носевич: Мой ответ следует из того, что я успел сказать раньше. Движение навстречу может происходить или через деградацию национальных идентичностей в пользу общечеловеческой (что мне кажется маловероятным в близком будущем), или через замещение их региональной либо цивилизационной идентичностью. Последний процесс идет и там и здесь, но скорость его все время была разной, а после вступления Литвы в Евросоюз разница будет только увеличиваться. Если же в Беларуси установится не европейская, а, скажем, евразийская цивилизационная идентичность, дальнейшее сближение станет на определенное время вообще невозможным.

Ё. Тринкунас: Агрессивные соседи у литовцев и беларусов были одни и те же. Оба народа вместе защищали свою индивидуальность и свободу, в этой борьбе у нас было много общего. И в будущем мы окажемся перед лицом одинаковой опасности – глобализации, которая всегда, в какой бы форме она ни выступала, стремится уничтожить самостоятельность и самобытность народов.

(7) Какие причины вызвали к жизни ВКЛ: литовская экспансия на Восток, этнокультурная близость предков беларусов и литовцев, геополитическая ситуация в этой части Европы в XII–XIV вв., нечто иное?

А. Белый: Предыдущий опыт совместной жизни под властью Полоцкого княжества в X–XII вв. и литовская экспансия на Восток (под натиском германской экспансии). Вообще, обе историографии недостаточно занимались реконструкцией взаимных отношений X–XII вв. Если же этой проблемой заняться последовательно, то историю совместного проживания придется рассматривать не с середины XIII века, а примерно на 200 лет раньше.

З. Зинкявичус: Литовскую экспансию на восток вызвала смертельная угроза со стороны немецких рыцарских орденов, а также стремление к возврату бывших балтских земель, где в то время еще оставались балтоязычные пространства. Важную роль в этом процессе сыграла и этнокультурная близость предков беларусов и литовцев, а также особая геополитическая ситуация – ослабление Киевской Руси в результате татаро-монгольского нашествия.

В. Носевич: Этот вопрос – своеобразный тест на определение личной идентичности. Очевидно, что первый ответ предопределен для литовца или «советского человека», второй – для «ославяненного балта», третий – для «позитивиста». Мне остается только признать себя «позитивистом», ведь я неоднократно высказывался в своих публикациях за третий вариант.

Действительно, я убежден в двух вещах: в том, что среди возможных интерпретаций имеются безусловно ошибочные, и в том, что существуют научные процедуры, которые позволяют их определить (в этом смысле я скорее позитивист, чем постмодернист).

Для меня очевидно, что национально-романтическая интерпретация образования ВКЛ (наиболее ярко сформулированная Николаем Ермоловичем) такой процедуры не выдерживает и поэтому она ошибочна.

То же самое касается теории этнокультурной близости предков. На основании того, что я знаю как историк, могу утверждать, что у беларусов с литовцами она никак не больше, чем у тех же беларусов с поляками или у литовцев с латышами. Потому в качестве объяснения того, что произошел беларуско-литовский политический союз, а не беларуско-польский и не литовско-латвийский, она просто не подходит.

С версией о литовской экспансии несколько сложнее: никому не удалось убедительно ее доказать, но нельзя сказать и того, что она полностью ошибочна. Скажем так: то, что литовская экспансия имела место, – это факт, но значение этого факта существенно зависит от интерпретации. Остается многофакторное толкование: и то способствовало, и это, но ни одно воздействие не было решающим само по себе.

Однако такое объяснение многим кажется отказом от объяснения. Интуитивно люди ждут простого и однозначного ответа и не успокоятся, пока его не получат. Для себя я выработал форму «простого» ответа, которая, на мой взгляд, наименее искажает действительность: ВКЛ образовалось благодаря совпадению интересов (и, как следствие, общей деятельности) предков литовцев и беларусов в определенной геополитической ситуации 2-й половины XIII века.

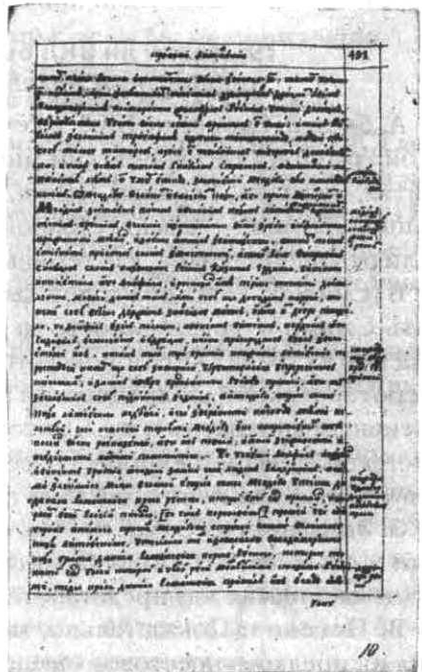
Ё. Тринкунас: Литовская экспансия на восток была своеобразной запоздалой попыткой вернуть балтские территории, границы которых к настоящему времени достаточно надежно определили лингвисты, археологи и историки. Хотя эти территории и испытали уже сильное славянское влияние (в чем значительную роль сыграла православная церковь), общая традиционная культура еще оставалась очень близкой, иногда вплоть до тождества, именно поэтому власть литовских князей могла восприниматься положительно, фактически как «своя».

(8) Какие отличительные черты следует выделить в государственно-политической и культурной жизни ВКЛ?

А. Белый: Центром европейской мысли мы никогда не были, в основном следовали западным и русским образцам. Но не исключено, что наш консерватизм (Литвы в XIII–XIV вв., Беларуси на грани XX–XXI вв.) может в перспективе сыграть позитивную роль в сохранении европейских ценностей на стадии их распада.

З. Зинкявичус: В первую очередь — большую толерантность князей ВКЛ применительно к народам, населявшим его, что способствовало сохранению местных порядков и обычаев.

В. Носевич: Отличительных черт много, но достойны рассмотрения в первую очередь те, что как-то перекликаются с современностью. С этой точки зрения государственно-политическая система ВКЛ определялась своеобразным раскладом трех главных деятельных сил: государственного аппарата, экономической элиты и народа. Большинство времени существования ВКЛ государство была заметно слабее элиты, и это — основание для того, чтобы тот период мало привлекал сегодняшних сторонников сильного государства.

«Хроника Литовская и Жамойтская» (конец XVII века) была написана на старобеларуском языке

А роль народа была почти неощутимой. Даже по сравнению с традиционно «державнической» Россией, где время от времени голос народа все же звучал в «медном бунте», в восстаниях Разина или Пугачева, и по сравнению с таким же элитарным Польским королевством,

где в его украинской части существовало мощное казацкое движение. Эту традиционную пассивность народа надо учитывать отечественным сторонникам форсированной демократизации.

Из других черт следует подчеркнуть сравнительно бесконфликтное существование в одном государстве разных этносов и конфессий. Непринятие «инаковости» никогда не перерастало в ненависть. То, что такое положение могло устойчиво существовать столетиями, – исключительно важный факт всемирного значения, он дает надежду всей сегодняшней цивилизации. Но механизмы поддержания такой ситуации не изучены, и даже интереса к их изучению не ощущается.

Ё. Тринкунас: В качестве такой отличительной черты я назвал бы всю систему литовской языческой государственности, создавшую чрезвычайно благоприятные условия для свободного сосуществования разных народов, культур и религий. Об этом в свое время хорошо сказал великий князь Гедемин: «христиане уважают Бога своего по-своему: русины по-своему, поляки по-своему, а мы уважаем Бога по нашему обыкновению»... Именно на этой установке основывалось более позднее правило литовских властителей «старины не рушим, новины не вводим», которое характеризовало «бархатный» характер политической власти в ВКЛ, особенно заметный при сравнении с Московией.

(9) Может ли ВКЛ быть примером и альтернативой теперешним моделям европейской интеграции?

А. Белый: Скорее не ВКЛ, а Речь Посполитая, возможно, вместе с Вышеградской группой («Ягелоновский мир» конца XV века). Все эти страны (Польша, Литва, Беларусь, Украина, Чехия, Венгрия, Словакия, возможно – Молдова, Румыния, Латвия – с каждой страной надо «разбираться отдельно») сильно пострадали от колониализма, как германского, так и российского.

В условиях, когда оба колониализма терпят крах, было бы логично не разделять с ними ответственность за долги прошлого, которые не мы создавали. Именно в странах «Ягелоновского мира» были выработаны политические идеи (веротерпимость, политический плюрализм, контроль общества над административным аппаратом и т.д.), которые были неприемлемы в тогдашней абсолютистской Западной Европе. Но сегодня, к сожалению, в наших странах господствует комплекс неполноценности.

З. Зинкявичус: Отчасти – да, если иметь в виду сохранение местных традиций и обычаев, что было характерно для ВКЛ, а также взаимную терпимость в отношениях между представителями разных народов и конфессий.

В. Носевич: Показательно, как изменилась в Летуве оценка противостояния их предков «крестовой» экспансии с Запада. В советское время оно считалось образцом героического сопротивления, а на пути к евроинтеграции стало восприниматься как трагическая ошибка. Но современная интеграция происходит на основе совсем других ценностей, чем доминировавших в Средневековье, и в этом смысле прошлое не может быть образцом.

А вот насчет альтернативы... При желании историю ВКЛ можно рассматривать как пример прочного сохранения ситуации «пограничья», когда население определенной территории устойчиво балансирует между двумя интеграци-

онными центрами. Тогда такими центрами были Рим и Москва, теперь мы видим столкновение интеграционных процессов Западной Европы и Евразии. Пример ВКЛ доказывает, что в контактной зоне можно долго держаться, не делая окончательного выбора и извлекая определенные выгоды из своей пограничной ситуации.

Ё. Тринкунас: Кое-кто из историков считает балтскую культуру достаточно отсталой в цивилизационном смысле. Дескать, в европейском контексте многое у нас отстало – и крещение, и признаки цивилизованности и т. д. Утверждают, что такая оценка является объективной, подкреплена фактами.

Но может быть и другая оценка, а само понятие «отсталости» достаточно относительно. «Отсталость» иной раз превращается в «авангард», а поговорка «нет такого плохого, что не стало бы лучшим» – одна из формул, объясняющих жизнь.

Языческая система государственности времен Гедемина может быть актуальной в современной Европе. Утверждение, что Европа должна основываться только на христианской основе – бесперспективно. Античное наследие, локальные этнические традиции – все это необходимо для понимания особенностей европейской цивилизации.

(10) Как могла бы выглядеть карта Европы, если бы не произошло разделов Речи Посполитой и исчезновения ВКЛ? Какая судьба постигла бы ВКЛ и его народы в XIX–XX вв.?

А. Белый: В качестве одного из вариантов можно представить себе ВКЛ как единое государство беларусов и литовцев, похожее на Бельгию. Но и тогда неминуемо существовали бы конфликты, похожие на фламандско-валлонский. Поэтому зафиксировать единство «навечно» было бы очень трудно. Но не исключено, что именно разделы Речи Посполитой уберегли и беларусов, и литовцев от польской ассимиляции.

З. Зинкявичус: К разделам Речи Посполитой, и соответственно ВКЛ, привело отсутствие нужных реформ и эгоистичные устремления многочисленных шляхетских группировок.

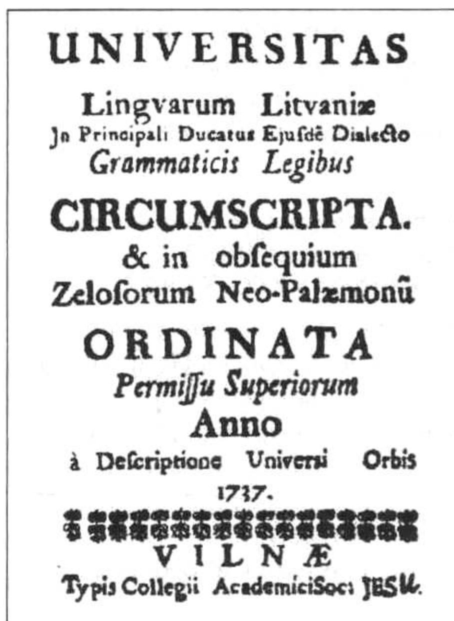
В случае сохранения Речи Посполитой и осуществления в ней жизненно важных реформ судьба ВКЛ зависела бы от дальнейшей национальной политики в общем государстве. В том случае, если бы верх взяли польские националистические интересы, это неизбежно привело бы к ассимиляции беларусов, литовцев и других народов ВКЛ. А если бы Речь Посполитая стала действительно федеративным государством, то все ее части и народы, включая литовский, беларуский, польский, могли бы достигнуть подлинного процветания.

В. Носевич: Если бы в Речи Посполитой своевременно (то есть – не позже середины XVIII века) произошли процессы, которые позволили бы ей избежать разделов, это имело бы огромное значение для обитателей данной территории. Но это должны были быть радикальные процессы: усиление государства за счет перехода на его сторону части элиты, жестокое поражение остальной элиты и установление эффективного абсолютистского правления... Честно говоря, я с трудом представляю себе такой сценарий.

Ё. Тринкунас: Благодаря толерантной политике литовских князей в межэтнических и межрелигиозных отношениях, большая часть центральной и восточной Европы избежала бы множества страданий и сохранила бы единое культурное пространство. Думаю, что и литовцы с беларусами остались бы не просто соседями, а братскими народами, объединенными общими этническими корнями, культурными традициями и историческим прошлым.

(11) Может ли произойти возрождение ВКЛ, иначе говоря, могут ли «воссоединиться» Беларусь и Литва? На каких условиях?

А. Белый: Это чрезвычайно маловероятно и вряд ли принесет пользу обеим странам. Каждая из них должна развиваться самостоятельно, другое дело, что современный уровень кооперации сильно разочаровывает. Общее прошлое обязывает нас к большему.

UNIVERSITAS
Lingvarum Litvaniæ
Jn Principali Ducatus Ejusdē Dialecto
Grammaticis Legibus
CIRCUMSCRIPTA.
& in obsequium
Zelosorum Neo-Palæmonū
ORDINATA
Permissu Superiorum
Anno
à Descriptione Universi Orbis
1737.
VILNÆ
Typis Collegii AcademiciSoci JESU.

Первая жамойтская грамматика появилась только в 1737 году

З. Зинкявичус: Возрождение ВКЛ – неосуществимая мечта, анахронизм. То же самое следует сказать о проекте воссоединения Беларуси и Летувы. Это неизбежно привело бы к славянизации литовского народа, на что литовцы никогда не пойдут. Нужно не «воссоединение», а поддержание дружеских отношений и культурное сотрудничество.

В. Носевич: Это кажется мне утопией. Единственное, что может произойти через довольно длительное время – воссоединение Беларуси и Летувы в рамках надгосударственной политической системы. Проще говоря, если бы Беларусь вошла в Евросоюз или Летува вышла из него и присоединилась к радикально преобразованному ЕВРАЗЭС. Но оба этих варианта тоже кажутся маловероятными, особенно второй. Раньше, чем они произойдут, мир может измениться так, что в нем не будет ни Евросоюза, ни ЕВРАЗЭС.

Ё. Тринкунас: ВКЛ может возродиться только тогда, когда мы преодолеем политические преграды и влияние внешних сил, господствующих сегодня также в культуре и религии. У беларусов и литовцев не только общая история, но и очень богатая традиционная этническая культура, имеющая балтскую основу. Все это, вместе взятое – живительный источник для нашего общего будущего.

(12) Какая из частей прежней Литвы более достойно репрезентует ее наследие в мире?

А. Белый: Однозначно – Республика Летува. Беларусь в мире никто не знает как часть ВКЛ. Это не «коварная интрига жмудинских летувисов», а вполне справедливая оценка наработок интеллектуалов обеих стран за последний век.

З. Зинкявичус: На мой взгляд – современная независимая Летува, сохранившая свой национальный язык – древнейший из современных индоевропейских языков.

В. Носевич: Однозначно – литовская. Достаточно сравнить число томов «Метрики ВКЛ», изданных у них и у нас. И это вполне понятно. Более чем столетие литовцы последовательно и единодушно позиционируют себя как единственных наследников ВКЛ и успели убедить в этом большинство зарубежных интеллектуалов.

Мы же сами еще не определились – считаем ли себя наследниками ВКЛ вообще. Какая уж презентация в мире... Но первые сдвиги есть. Если удастся довести до издания первый том «Большого исторического атласа Беларуси», то это будет очень весомый шаг в презентации истории ВКЛ долюблинского времени. Во втором томе планируется отразить таким же образом период после Люблинской унии. Но весьма показательно и то, что беларуское государство этот проект никак не финансирует – его реализует на собственные средства предприятие «Белкартография»*.

Ё. Тринкунас: Пожалуй, не будет ничего странного, если я назову современную Летуву, но при этом хочу подчеркнуть, что она никогда не будет полноценной без своей второй половины – Беларуси. Потому я надеюсь и верю, что беларусы переживут столь сложный для национального становления сегодняшний период своей истории, так же, как пережили сходные моменты литовцы, и возродятся – в истинном смысле этого слова.

(13) Ваше отношение к так называемой «краевой идее»?

А. Белый: Чрезвычайно позитивное, но это мое отношение не столько к литовско-беларускому сотрудничеству (разве что частично), сколько к модели возможного будущего федеративного устройства самой Беларуси.

В каком-то смысле литовские деятели начала XX века больше других противились «краевой идее» и отстаивали концепцию «малой» (моноэтнической) Летувы, потому что их культурные наработки могли быть реализованы только на такой территории.

Современной же Беларуси федерализм (по крайней мере, культурный, но, возможно, и земельный) нужен значительно больше, чем Летуве. Например, в составе беларусов имеются субэтносы «литвинов» и «западных полешуков», развитие которых могло бы служить лучшему выявлению человеческого потенциала. Поэтому «краевая идея» могла бы получить у нас новое наполнение.

З. Зинкявичус: На этот вопрос мне трудно ответить, так как не совсем ясна суть современной «краевой» идеи.

В. Носевич: В историческом смысле наследие Речи Посполитой представляет не меньше интереса, чем сосредоточение исключительно на наследии ВКЛ, которое установилось и в беларуской, и в литовской историографии. Изучением истории Речи Посполитой как общей истории поляков, литовцев, беларусов и украинцев никто, кроме поляков, не занимался, и такое обращение можно было бы только приветствовать.

* Первый том этого атласа издан в 2009 году. Выход второго тома планируется на весну 2011 г. – *Ред.*

А если рассматривать эту идею как политическую, то ее время прошло. Возрождать Речь Посполитую, пусть только в культурном или регионально-межгосударственном смысле сегодня так же бесперспективно, как и возрождать ВКЛ. Очень уже сильные центры притяжения действуют в других направлениях.

Ё. Тринкунас: Да, я симпатизирую «краевой» идее, хотя ее следовало бы дополнить идеей общей балтской цивилизации.

(14) Ощущаете ли Вы себя «гражданином ВКЛ»?

А. Белый: Безусловно. Я открыто отношусь к проектам сотрудничества с Летувой и очень симпатизирую этой стране. Жаль, что до сих пор так мало общих культурных и научных проектов. Литовцы могли бы активнее привлекать беларуский интеллектуальный потенциал – но им для этого не хватает «культурного империализма».

Наши северные соседи недооценивают роль Беларуси как потенциальной площадки для реализации своих культурных амбиций и как своеобразного «зеркала» литовской культуры, которая западному миру значительно менее интересна, чем нам.

З. Зинкявичус: Нет!

В. Носевич: Теперь я отчетливо ощущаю себя гражданином Беларуси. При определенных условиях могу вспомнить себя гражданином СССР, представить гражданином Европы. «Гражданство» ВКЛ имеет для меня значительно более низкий приоритет по сравнению с этими идентичностями.

Ё. Тринкунас: Если понимать ВКЛ как государство, где уважались этнические различия и господствовала религиозная толерантность, допускавшая существование официально признанной языческой религии, то я, безусловно, считал бы себя его гражданином.

СТОЛКНОВЕНИЕ ЗАПАДА И ВОСТОКА НА БЕЛАРУСКОЙ ЗЕМЛЕ

(Об антиимперском понимании беларуской истории)

Андрей Сулима-Каминский

Для начала сделаю два замечания. Первое касается прошлого, а второе – будущего, однако оба они тесно связаны с чувством национальной идентичности беларусов, которое переживает сейчас серьезный кризис.

Тому есть ряд причин, но важнейшая из них заключается в утрате собственной истории. Незнание отечественной истории является настолько глубоким, что беларуские семиклассники в одном из опросов назвали национальными героями – наряду с Янкой Купалой и Франциском Скориной – Екатерину Великую(!), фельдмаршала Суворова и царя Петра I. А величайшими преступниками XX века они сочли Гитлера и Горбачева! Преступлением последнего школьники, вероятно, полагают развал Советского Союза. Зато Сталина, числом своих жертв превзошедшего Гитлера, упомянули лишь несколько подростков.

Читая работы беларуских социологов или политологов, невольно обращаешь внимание на отсутствие обращений к прошлому при анализе современности и выработке прогнозов на будущее. Поэтому создается впечатление, что, несмотря на усилия определенной группы историков – таких, как Геннадий Саганович, Захар Шибеко или Александр Кравцевич, – войну за «свою» отечественную историю деятели из демократического лагеря не рассматривают в качестве необходимого условия победы в борьбе против заповедника «советизма», сохраняющегося в Беларуси.

Между тем для всех соседей Беларуси история является сокровищницей аргументов, призванных обосновывать современные политические замыслы. Отечественная история рекомендует им способы действий, проверенные многовековым опытом, помогает идти на риск, позволяет проклинать или оправдывать от имени прадедов. Понятно, что, руководствуясь своими текущими нуждами, политики более склонны слушать политологов, экономистов и социологов, а не историков, ибо это упрощает сбор сведений, на основании которых принимаются решения. Но ни одна из «великих» политических дискуссий не обходится без обращений к «голосам предков».

Так, споры об оценке реформ Петра I разделили в XIX веке интеллигенцию России на два противоположных лагеря («западников» и «славянофилов»), отстаивавших принципиально различные общественно-политические программы. Сталин видел в фигурах Ивана Грозного и Петра I «историческое обоснование» своей собственной роли в истории. Владимир Путин, создавший автократический аппарат власти и задушивший свободную прессу, хочет восстановить памятник палачу Дзержинскому, а не бунтовщику Пугачеву, и одновременно демонстративно подчеркивает свою гордость за «великую историю России».

Можно продолжить экскурс, напомнив о восхвалении героев 1848 года в горячие дни накануне венгерского восстания 1956 года. Можно вспомнить то зна-

чение, которое сербы до сих пор придают битве на Косовом поле (1389 г.), а чехи сожжению Яна Гуса (1415 г.) и Пражскому восстанию 1618 года.

Однако не буду множить примеры, призванные убедить читателя в том, что история в руках современников призвана обосновывать их политический выбор. Лучше скажу, что стремление контролировать историю или навязывать какую-то конкретную интерпретацию ее (особенно в школьных учебниках, на радио и телевидении) обычно сопутствует борьбе за власть. Можно заламывать руки над столь корыстным искажением исторической правды, можно петь осанну историческому объективизму, но нельзя отрицать значение исторического сознания в жизни любой нации.

Шляхтичи-беларусы XVI века

Все мы знаем, что победители (идеологи и «певцы» империй) берут на себя работу по сочинению истории завоеванных ими народов. Часто эта имперская трактовка приобретает форму общепринятой и даже – «научной истины». Именно по этой причине историкам колониальных наций бывшей Российской империи (и Советского Союза) до сих пор трудно ввести в мировую науку свои собственные, антиимперские концепции национальной истории.

Эта извечная борьба за интерпретацию истории является также и борьбой за суверенитет или, по крайней мере, за выживание нации. Иногда в такой борьбе можно даже утратить свой язык, зато выжить, как выжили ирландцы. Помните только, что они никогда не включали английских героев в свой национальный пантеон.

Вот почему целенаправленная борьба за отечественную историю и культуру представляется мне одним из важнейших требований к сторонникам любой (не только беларуской) самоуправляемой демократии, а также национального суверенитета.

* * *

Сегодня немало беларусов, несмотря на неприязнь к НАТО, хотело бы присоединиться к Европейскому Союзу. Не знаю, сколько из них понимает при этом, что для Беларуси это было бы не «путешествием в неизвестность», а возвращением к той цивилизации, частью которой их предки являлись на протяжении более чем 300 лет.

Напомню, что тогдашние беларусы-европейцы участвовали в государственной жизни, занимая высокие посты в Сенате, посольской избе (палате представителей) и канцеляриях (министерствах), подобно Билевичам, Огинским, Пацам, Потеям, Радзивиллам, Сапегам, Тышкевичам или Хрептовичам. Это также многочисленные православные и униатские священники, например Мелетий Смотрицкий, Симеон Полоцкий, Иосиф Вельямин Руцкий, Антоний Селява,

Якуб Суша, Рафаэль Корсак и другие, которые принадлежали к двум, если не трем, европейским культурам.

Помимо своего родного языка, все они свободно владели (письменно и устно) польским, латинским, а нередко еще и греческим. Их произведения и богатая корреспонденция удивляют своим интеллектуальным уровнем, оригинальностью мысли, тонким анализом, прекрасным знанием жизни и человеческой натуры. Многие из них чувствовали себя «как дома» и в Риме, и на святой горе Афон, и в столичной Вильне, и в знаменитых Сапеговых Смургонях. Не их вина в том, что большинство нынешних соотечественников не знает о них абсолютно ничего.

Европейцами были и многочисленные педагоги иезуитских и пиарских коллегиумов, а также базилианских школ в Беларуси. Взять хотя бы Василия Рудомича, ректора Замойской академии*. Его огромный, чрезвычайно интересный дневник до сих пор не переведен на беларуский язык, а между тем Рудомич делал записи в нем, в зависимости от настроения, на трех языках – латинском, старобеларуском и польском. Выяснение того, какие темы, эмоции или обстоятельства влияли на выбор языка автором, могло бы открыть нам много неизвестных страниц из истории беларуского сознания XVII века.

Шляхтичи-беларусы XVII века

Европейцами, умевшими отстаивать свои гражданские права, были также жители (мещане) городов и местечек Беларуси. Нам чрезвычайно импонирует гражданское сознание беларуских мещан, их уважение к праву и вера в его действенность, приверженность городскому самоуправлению, веротерпимость. Хочу подтвердить свою мысль словами мещан Могилева, Орши, Витебска, Кричева XVII века, опубликованными в 1889 году в Санкт-Петербурге в сборнике источников «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссиею», том 14. Этот том называется «Присоединение Белоруссии, 1654–1655».

Сначала небольшое уточнение. В 1654 году, после принятия запорожских казаков Богдана Хмельницкого в число своих подданных, царь Алексей Михайлович (отец Петра I) начал войну за Великое Княжество Литовское и балтийские порты. Этой агрессии он придал характер религиозного крестового похода, якобы призванного освободить православных братьев, терпящих «неволю египетскую», разгромить унию, уничтожить в Литве (Беларуси) католическую и евангелическую церкви, а евреев наказать смертью или изгнанием, видимо за то, что они посмели жить вблизи границ его державы. Отсылаю заинтересован-

* Город Замостье (Zamoscie) ныне находится в Польше. Когда-то в нем действовала базилианская школа («академия»). – *Прим. ред.*

ных читателей к великолепному исследованию Конрада Бобятыньского «Ад Смаленска да Вільні» (журнал «Arche», 2008, № 7–8, с. 188–365), а сам ограничусь несколькими фактами.

Царь в своих указах и письмах призывал православных священников, православную шляхту и мещанство поддержать его войска в войне с врагами православия – «еретиками ляховской веры». Он призывал также представителей всех епархий, воеводств и городов Литвы прибыть в его полевую штаб-квартиру и присягнуть на верность ему. Сам царь взял в осаду Смоленск, тогда как отряды его воевод и казаки Хмельницкого двинулись завоевывать Литву-Беларусь.

Во многие беларуские города и местечки западнее Смоленска были посланы эмиссары, призванные убедить православных мещан открыть городские ворота. Но даже там, где ворота в самом деле открыли, повсюду, в том числе в наиболее лояльном Могилеве, мещане упорно домогались сохранения прежней правовой ситуации, и открывали ворота только после уверений в том, что их требования будут выполнены. Очевидно, что они хотели избежать судьбы «тяглого» населения городов Московии, боялись своеволия царских дьяков (чиновников) и воевод.

Они наивно желали сохранить именно тот образ жизни, от которого их хотел «освободить» православный царь. Они требовали сохранения выборного самоуправления, городскога суда, более того – сохранения прав иноверцев или, по крайней мере, гарантий их безопасного ухода в Литву либо Польшу. Они повсюду просили разрешить им одеваться по-своему, а не по-московски.

Их просьбы и требования везде очень похожи. Иногда просили, прежде чем сдаться Москве, разрешить направить послов в Смоленск и другие еще не покоренные города – чтобы принять общее решение. Иногда обещали сдаться только вместе с другими городами. Таким образом, энтузиазма в отношении к незваному «освободителю» не было. Впрочем, вот их подлинные слова:

Ян II Казимир, король Речи Посполитой в 1648–1668 гг.

«Бьём челом Вашему Царскому Величеству, чтобы права и привилегии, месту Могилеву наданые, целые и нерушимые водле обещания Царского Величества, оглашенные нам, были сохранены, и чтоб все мещане, что живут в Могилеве, водле даных прав и привилегий через бурмистров, райцов, лавников, а также войта, которые от всех согласно на каждый год, отдельно кто из мещан при выбрании выбран быть мог, одним неразделимым судом и правом магдебургским суждены были; а позыванье, когда кому приговор не понравится, чтобы ни к кому другому, но к самому стольцу Вашего Царского Величества было разрешено, и то только в делах больших» (с. 260).

«И чтоб все мещане, в месте Кричеве жители, водле давних прав и привилегий через бурмистров, райцов и лавников, а также и войта, которые от всех согласно с мещан выбранные быть мают, вот одним и неделимым судом и правом магдебургским суждены

были. А когда кому приговор не понравится, чтобы ни к кому другому, только до самого стольца Вашего Царского Величества зазывные грамоты иметь разрешены были, и то в больших делах» (с. 413).

Интересно, что, обращаясь к царю, кричевцы бьют челом «Вашему Царскому Величеству, чтобы нам, мещанам, сохранил давние привилегии и вольности, от славных памяти королей польских на торговлю даные» (с. 413). Кроме того кричевцы, как и жители других городов, не забывали во время величайшей угрозы заступаться за «своих соотечественников жидов»:

> «Бьём челом Вашему Царскому Величеству за подстаросту кричевского, чтобы в здоровье со всем своим достоянием и жидами, которые есть в Кричеве, был отправлен в Литву либо, с милости Вашего Царского Величества, чтобы ему разрешено было впредь жить в Кричеве» (с. 413).

Похожую просьбу отпустить подстаросту с евреями подали и могилевчане, в связи с чем специальная царская комиссия позже провела следствие (с. 370–380). А представители Витебщины выделили эвакуацию евреев и шляхты под военной охраной как условие прекращения ими борьбы и перехода под власть царя (с. 292). В заключение добавим, что могилевчане, подобно жителям других городов, «били челом Царскому Величеству чтобы одежду мещане могилевские по давнему обыкновению имели» (с. 261).

Требования эти столь похожи одно на другое, что трудно не заметить: именно там, под Кричевом, Витебском, Оршей, Мстиславлем и Старым Быховом, произошло столкновение мира понятий, традиций, социальных и правовых структур Востока и той цивилизации, которую мы сегодня называем западной, и которая еще в XVI веке закрепилась в бассейне Днепра. Московские законы, традиции и понятия были здесь чуждыми и, за исключением православия, нежеланными.

А ведь Беларусь защищали от войск Алексея Михайловича прежде всего те люди, кого документы XVII века называют «белорусцами» — в отличие от ляхов и литвинов*. Еще в 1976 году я в одной из своих лекций обратил внимание на отношение мещан и в целом беларуского населения к евреям во время московской агрессии. Лекция вызвала удивление (которое всегда наблюдается там, где ставятся под сомнение стереотипы). Между тем эту страницу из истории Беларуси нельзя предать забвению. Она должна, вместе со многими другими, появиться в книгах, посвященных европейской истории гражданских обществ.

Алексей Михайлович,
царь Московский
в 1645–1676 гг.

К концу XVIII века границы европейской цивилизации, защищенные прежде Магдебургским

* В отечественной историографии это «русины». — *Прим. ред.*

правом, Статутами ВКЛ и конституциями Польши, а также местным самоуправлением, были отодвинуты на запад. Имперские власти России уничтожили гражданское общество в Литве (Беларуси).

После этого не только западные европейцы, но и сами беларусы стали забывать, что некогда благодаря поветовому (уездному) и городскому самоуправлению, Статутам Литвы и Литовскому трибуналу границы Европы доходили до Днепра. Россиянин, переехав эту границу, впадал в полное остолбенение, в чем легко убедиться, взяв в руки хотя бы путевой дневник Петра Толстого (приезд в Могилев и описание города). Но 200 лет господства царской, а затем советской России истребили либо искалечили память о европейском наследии.

Сегодня граница между объединенной Европой и Евразией «по Дугину» проходит не только вдоль границ государств ЕЭС, но и вдоль линии, обозначенной символами принципиально различных ценностей. Европейский дух не терпит символов тоталитаризма и останавливается там, где по сей день красуются памятники Ленину и Свердлову, где, забыв о ГУЛАГе и голодоморах, по-прежнему венчают дома красной звездой или знаком серпа и молота. Борьба с этими символами так же важна, как и с символами нацизма: те и другие продолжают служить тем, кто по-прежнему мечтает уничтожить демократический мир Европы, основанный на гражданских правах и свободах, на самоуправлении и толерантности.

Невидимая граница, обозначенная памятниками коммунистам, продолжает разделять беларусов, украинцев и россиян.

Московский боярин XVII века

Давно угасли огни киевского майдана, а Виктор Ющенко с треском проиграл выборы. Драматическая победа украинской оппозиции захлебнулась не только ввиду силы олигархии, мелочных ссор партийных лидеров и кропотливой работы спецслужб России, но и в результате хаоса в мире ценностей, а также отчуждения рядовых граждан от власти даже низшего уровня (в микрорайоне, поселке, сельсовете).

Украинцы, пытаясь возродить традиции несуществующего сегодня гражданского общества, обратились к истории своего казачества и парламентаризма времен австрийского господства в Галиции.

Вот и беларусы могут обратиться сегодня к гражданским традициям Полоцка, Витебска, Кричева, Могилева или Слуцка. Близкое знакомство с этой традицией поможет всем борцам за самоуправление, пытающимся утверждать демократию снизу. Более того, концентрация внимания на сфере духовных ценностей и сознательного морального выбора послужит хорошим ориентиром на пути в Европу. Без существенных изменений в бе-

ларуском национальном сознании любые политические трансформации на центральном уровне дадут результаты, полезные исключительно для победившей группировки.

* * *

Свобода, принесенная извне, всегда опасна. Например, освобождение Красной Армией стран Восточной Европы от нацистов принесло им новую оккупацию и утрату реального суверенитета под господством местных коллаборантов-коммунистов. Привнесение извне законов и конституций, призванных создать гражданское общество и построить демократию, тоже опасно. Вся история постколониальных стран Африки в XX веке, а также опыт современного Ирака и Афганистана показывают это наглядно и чрезвычайно убедительно.

И все же в истории многих стран имеются традиции, дающие основание для самостоятельных, соотнесенных с новыми условиями попыток возрождения самоуправления и создания на его основе истинной демократии, контролирующей как правительство, так и парламент.

Московский царь и его служилые люди (дворяне). XVII век

У беларусов, в отличие от многих других наций, есть богатые традиции городского и местного самоуправления — этой основы основ гражданского общества. Глядя на своих далеких предков, беларусы имеют все основания для гордости. Правда, сегодня они мало что знают о них, но это нетрудно исправить. Нельзя больше терпеть историческое невежество и лицемерную ложь, навязанную извне. В противном случае, руководствуясь стремлением к спокойствию, привычками последних десятилетий и страхом перед неизвестностью, беларусы могут выбрать дорогу в Евразию. А те жители Беларуси, которые продолжают сожалеть о распаде Советского Союза, но не сожалеют об утрате национального языка, уже далеко зашли по этому пути.

Остальные могут и должны возродить духовную связь со своими предками, которые смогли создать такие шедевры правоведения как Литовские Статуты и с оружием в руках воевать против московско-казачьих орд. Никто за них это не сделает, а без такого усилия любая модернизация и любые реформы будут держаться на шатких основаниях.

«АНТИРАЗБОР» ШЛЯХТЫ: ПОДДЕЛКА ДВОРЯНСКИХ ДОКУМЕНТОВ В БЕЛАРУСИ В XIX ВЕКЕ

Виталий Макаревич

Проникновение в среду шляхты лиц, не принадлежавших к привилегированному сословию, было известно еще в период существования Речи Посполитой. Анджей Китович, хронист времен Августа III, правившего в 1734–1763 гг., писал, что плебеи, даже крепостные, привесив на бок саблю, выдавали себя за шляхту, либо сам господарь выдавал их за шляхтюков.

В определенной степени этому способствовала система государственного устройства Речи Посполитой, где в политической жизни доминировали несколько магнатских родов. В магнатских владениях, фактически являвшихся «государствами в государстве», на службу к магнатам нанимались и получали наделы для поселения сотни людей под названиями свободных слуг, земян, бояр, казаков, оброчников и т.п. Все они исполняли в основном военные функции. По своему фактическому, а иногда и правовому положению, эти люди приравнивались к мелкой шляхте, а в начале XIX века стремились утвердиться в составе шляхты официально, получив через это и достоинство дворянина Российской империи.

Отсутствие в ВКЛ и Речи Посполитой учреждения, которое бы занималось учетом шляхты и контролировало «чистоту» сословия (похожего на российскую герольдию), хаос в документации, политическая анархия в стране, генеалогическая путаница – все это упрощало проникновение в привилегированное сословие сотням и тысячам таких людей. Чаще всего путь к дворянским привилегиям открывали деньги и протекция магнатов. Борьба между магнатскими группировками требовала постоянного содержания боеспособных войск, что умножало число служилой шляхты. В результате Речь Посполитая превратилась в страну, где численность привилегированного населения была самой большой в Европе – около 10 % всех жителей.

Хранение актовых книг, содержавших документы, способные служить законным документальным подтверждением шляхетского происхождения того или другого лица в Речи Посполитой было очень небрежным. Закон об актовых книгах фактически не действовал – многие из них не были прошиты, редко исполнялось требование об обязательном подписании актов служебными лицами. Тем не менее, подделка актов с целью незаконной нобилитации в XVIII веке не получила широкого распространения. Без серьезной протекции она была непростым для реализации делом, ибо намного существеннее любых бумаг и свидетельства предков по мужской линии было то, чтобы шляхетское достоинство конкретного человека признавала местная корпорация шляхты. А корпорации эти были достаточно замкнутыми. Попасть в них простому человеку можно бы-

Из журнала «Arche», 2008, № 11. Перевод А.Е. Тараса.

ло лишь в одном случае – оказавшись среди военных слуг магната. Круг, таким образом, замыкался.

Традиционная корпоративная солидарность шляхты во времена Речи Посполитой обеспечивала сохранение относительной «чистоты» сословия. Нарушить ее фактически могли только магнаты, чем они и пользовались, увеличивая свои частные армии во время политических и военных событий XVIII века.

После присоединения беларуских земель к Российской империи политическая система «шляхетской демократии», складывавшаяся в течение столетий, была разрушена. Магнаты вместе с запретом иметь собственные войска утратили и ведущую политическую роль.

Полномочия шляхетских сеймиков, преобразованных в уездные и губернские дворянские депутатские собрания, были ограничены, а состав их участников значительно сужен имущественным цензом.

Шляхетский «диплом» М. Гибенера с подписью Яна Альбрехта Радзивилла, 1615 г.

Тем не менее, этим собраниям царские власти доверили контроль за «чистотой» шляхетского сословия, но они исполняли эту обязанность не слишком усердно. С момента включения беларуских земель в состав империи и вплоть до конца 20-х гг. XIX века дворянские собрания рассматривали подаваемые шляхтой документы и подтверждали их дворянство формально, по упрощенной схеме, что создавало возможность для фальсификаций документов.

В конце XVIII и в первые два с лишним десятилетия XIX века процедура доказательства дворянства была скорее формальной, а шляхетская корпорация в результате сокращения ее роли утратила контроль за «чистотой» сословия. Именно в это время многие лица налогового сословия, скрываясь от налоговых, рекрутских и других повинностей, записывались во время ревизий шляхтичами, что особенно проявилось в ходе VI ревизии, проведенной в 1811 году. Ревизские «сказки» после ревизии использовались как свидетельство принадлежности и к дворянству. Даже воинские дезертиры, изменив имена, записывались в ревизских «сказках» оброчной шляхтой. Аналогичные факты фиксировались и в украинских губерниях, где ситуация была похожей на беларускую.

Увидев возможность получать неплохое дополнение к своим заработкам путем «нобилитирования» налогооблагаемых категорий населения, к делу фальсификаций подключились алчные чиновники. Так, в 1804 году представители Подольского губернского дворянского собрания изготовили и реализовывали населению, в том числе крепостным крестьянам, поддельные бланки дворянских грамот. Случаи фальсификации дворянских документов, выданных дворянскими собраниями, не были единичными и в следующие два десятилетия. Ситуация угрожала выходом из-под контроля. Бюджет империи и без того не получал значительную часть поступлений из западных губерний от подушного налога, а ар-

мия — солдат, ибо 10 % населения беларуско-литовских и украинских губерний принадлежали к привилегированному сословию, то есть не платили подушного налога и не давали рекрутов.

Мешанец

Микулич

Гербы беларуской шляхты

В Петербурге безуспешно искали средства, чтобы остановить дальнейшее увеличение численности шляхты в западных губерниях. Начальник Главного штаба И.И. Дибич в ноябре 1824 года потребовал объяснений от Н.Н. Новосильцева, который был одним из основных разработчиков политики России в отношении присоединенных земель Речи Посполитой по поводу выявленных «безобразий»:

«...крестьяне, в результате злоупотребления у местных властей за деньги приобретают себе удостоверения о дворянском достоинстве и остаются свободными от всякой повинности».

Выявленные случаи подделки дворянских удостоверений до 20-х гг. XIX века касаются только незаконной нобилитации крестьян, так как членам шляхетских корпораций фальшивые документы не были нужны. По Жалованной грамоте дворянству 1785 года, достаточным для них доказательством благородного происхождения считалось письменное свидетельство 12 дворян о дворянском достоинстве данного лица, на основе которого дворянское собрание могло признать шляхетность и выдать диплом.

Первые неудачные попытки взять под контроль численность шляхетского сословия на присоединенных беларуских землях российские власти делали уже в первые годы после присоединения этих территорий. Так, указ от 13 сентября 1772 года требовал:

«...дворянству подать от себя в губернские города списки об их дворянстве, чтобы в будущем без верховной воли никто себя этим достоинством не чествовал, и тому бы надлежащим только дворянству правом, кроме настоящих дворян, не мог никто пользоваться».

Генерал-губернатор З.Г. Чернышев направил циркуляры губернаторам «присоединенных губерний» с приказом, чтобы местная шляхта подала в губернские канцелярии списки членов всех дворянских семей «с подробным описанием происхождения рода, гербов и со всеми свидетельствами и документами».

В 1800 году власти вторично назначили шляхте двухгодичный срок для подачи на рассмотрение в дворянские депутатские собрания документов о дворянском происхождении. Но, как и в первый раз, шляхта фактически проигнорировала эти требования. Пойти на радикальные меры и лишить дворянских прав шляхту, не подтвердившую своего происхождения, власти не решились, опасаясь массовых выступлений с протестом.

Тем не менее, власти не оставили намерения взять под контроль прежде всего мелкую шляхту, численность которой непрерывно росла. В 1816 году в губернии был послан приказ: выявлять и записывать в состав налогооблагаемых категорий всех лиц, незаконно пользующихся дворянскими привилегиями.

Микулинский

Местные власти взялись за сверку сведений разных ревизий. Тех, кто по V (1795 г.) или VI (1811 г.) ревизиям был записан в состав податнообязанных категорий, а по VII (1815 г.) уже считался шляхтой, возвращали в прежнее состояние. Правда, таких лиц выявили немного. В Гродненской губернии, например, как сообщала Гродненская казенная палата в Министерство финансов, таковых оказалось только 82 человека. Число крайне незначительное, если учесть, что всего шляхты в этой губернии тогда насчитывалось около 23 тысяч человек.

Милидар

Гербы беларуской шляхты

Несмотря на указы и требования властей подавать доказательства дворянского происхождения (при довольно простой процедуре утверждения), до 1828 года доказательства и генеалогические таблицы подала в дворянские депутатские собрания далеко не вся шляхта беларуских губерний. Многие, особенно мелкие шляхтичи, уклонились от этой процедуры.

Более настойчивыми власти стали только в первые годы после прихода к власти царя Николая I. Его указ 1828 года обязал высылать на ревизию в герольдию все решения дворянских комиссий относительно дворян, поступавших на государственную службу, упоминались также замеченные «многие злоупотребления и в Депутатских собраниях в присоединенных от Польши губерниях».

В 1828 году власти приняли решение об обязательном утверждении герольдией решений комиссий дворянских собраний, признававших дворянство. Ранее дворянские собрания вполне самостоятельно выносили решения на основании представленных им доказательств. Отныне они потеряли фактически неограниченные и неконтролируемые полномочия в этом вопросе.

В том же году постановили создать комитет для составления правил для проведения ревизии деятельности дворянских собраний и «точного определения настоящих дворянских родов».

В 1829 году решили создать комиссию для составления положения о шляхте в губерниях, «присоединенных от Польши». Комиссия немедленно начала сбор сведений относительно уклада жизни мелкой шляхты по губерниям, чтобы рассмотреть дальнейшие шаги, как отмечалось в документе, для «обустройства ее быта». А в 1830 году власти ввели особый порядок определения подлинности дворянского происхождения шляхетских родов «по Остзейским и присоединенным от Польши губерниям».

Все упомянутые шаги правительства в 1828—30 гг. предвещали более радикальные меры. Власти только ждали удобного момента.

Момент наступил после подавления восстания 1830—31 гг. Изданный вскоре после этого указ от 19 октября 1831 года дал шляхте двухгодичный срок на подачу доказательств о дворянском происхождении. Такими доказательствами теперь признавались королевские грамоты о даровании шляхетства, документы, которые бы подтверждали, что шляхтич или его предки владели дворянским недвижимым имуществом, а также выписки из метрических книг, подтверждавшие родство с такими лицами. Тех, кто не исполнял этого требования, приказывалось записывать в специально созданные налогооблагаемые категории населения — в «однодворцев» или в «граждан западных губерний».

Именно с этого времени подделка документов приобрела неслыханные ранее масштабы. Такова была реакция местного дворянства на намерение властей провести «чистку» шляхетского сословия «западных губерний». Перед лицом угрозы потери дворянских привилегий шляхта массово обратилась к нелегальным методам — подделка документов стала приобретать характер эпидемии. Виленский архивариус И.Я. Спрогис назвал 1830—1850-е годы основным периодом, когда подделывались документы. А больше всего фальсификаций имело место в период между 1835 и 1842 гг.

Чаще всего подделывались документы актовых книг, в которых хранились документы, касавшиеся недвижимого имущества. Книги сохранялись в подсобных архивах различных учреждений, например судов. Доступ к ним имели разные чиновники, которые часто сами происходили из мелкой шляхты, вследствие чего проблема предоставления доказательств стояла также и перед ними, и перед их родственниками.

В Западном комитете, созданном при Кабинете министров для выработки проектов о слиянии западных губерний с российскими, отмечалось, что в связи с очевидным способствованием шляхте со стороны местных чиновников и особенно дворянских собраний, в состав которых входили исключительно «поляки» (т.е. дворяне католического вероисповедания — *Ред.*), меры эти, то есть принятые после 1831 года (указ от 19 октября 1831 года о разборе шляхты. —

Авт.), не достигли желаемой цели. Они создали только основания для подделки в огромных размерах документов о дворянском достоинстве.

Поскольку сами чиновники, ответственные за хранение документов, были вовлечены в дело подделки, разоблачались только немногие такие случаи. Например, в конце 1820-х – начале 1830-х гг. удалось выявить ряд подделок документов в Могилевском дворянском собрании. В 1833 году была раскрыта группа фальсификаторов из девяти человек, действовавшая на территории Виленщины и Жамойтии. Приходили сообщения о подделке документов из Гродненской губернии.

Но наибольший размах изготовление фальшивых документов приобрело в Минске. Так, после доноса одной минчанки на некоего Чайковского полиция провела у него обыск и нашла много бумаг, «среди которых бланки бывших польских королей, чистая, древнего клеймения бумага, на некоторых листах которой было уже начато писание фальшивых документов». Видимо, за фигурой Чайковского стояли влиятельные и очень богатые лица, так как ему удалось бежать из тюрьмы.

В Витебской губернии у коллежского секретаря Романовского нашли фальшивые документы для восьми родов, уже подготовленные к вставке в актовые книги Полоцкого уездного суда.

Дворяне западных губерний Российской империи (начало XIX века)

Для изготовления фальшивок использовалась гербовая бумага, взятая из архивных актовых книг времен Речи Посполитой. Подделывали почерк и печати, после чего сфабрикованный документ вставляли назад в фолиант. Подделывались также выписки из актовых книг и метрик, особенно из уничтоженных пожаром, вследствие чего их сверка с оригиналами была невозможна. Что до масштабов явления, то, по словам чиновника, который вел следствие по одному из уголовных дел о подделке документов, «в Минском дворянском депутатском собрании находилось очень много поддельных документов... ибо почти нет чиновника, который бы в этом мало или много не участвовал».

В подделке документов участвовал даже будущий писатель Винцент Дунин-Марцинкевич, который в 1830-е гг. подрабатывал в Минске в нотариальной конторе Ю. Барановского. Он стал членом подпольного синдиката, занимавшегося массовой подделкой документов в Минске.

Известно также дело 1838–39 гг. об изготовлении фальшивых документов бывшим минским адвокатом Кучинским и секретарем Могилевской римо-католической консистории. По этому делу проходило более 100 человек, воспользовавшихся незаконными услугами. Дела о подделке документов заводили и в других губерниях. Так, в архивном фонде Витебского дворянского депутатского собрания имеются документы за 40–50-е гг. XIX века, связанные с делом о подделке дворянских документов разными лицами.

Число фальшивок, вставленных в актовые книги, было огромно. По словам виленского архивиста 1920-х годов Р. Меницкого, из них могла состоять половина фолианта отдельной архивной книги, а Минск был «столицей» фальшивок. Такая роль Минска объясняется тем, что в Минской губернии проживало множество бывшей ординатской шляхты Радзивиллов, в своем большинстве никогда не имевшей населенных поместий и королевских грамот. Соответственно, эта часть шляхты не имела и выписок о том, что ее предки владели поместьями. Именно такая шляхта стала основным потребителем услуг в подделке документов. Об этом прямо свидетельствует цитата из воспоминаний Эдварда Войниловича, который очень хорошо знал работу губернского чиновничьего аппарата:

Винцент Дунин-Марцинкевич — писатель, драматург, а также изготовитель фальшивых документов

«Дворянские выборы (в 50–60-е гг. XIX ст. в Минске. – *Авт.*) ...происходили в доме секретаря губернского председателя дворянства Гаусмана, который для этого построил красивое каменное строение в сквере (Центральный сквер в Минске, пересечение современных улиц К. Маркса и Красноармейской. – *Авт.*), а средства для этого взял от мелкой шляхты, преимущественно «ходачковой», которую разные царские указы существенно затрагивали и которую вследствие отсутствия документов для доказательства дворянства записывали в категорию людей «податного сословия», что угрожало им рекрутской повинностью и другими трудностями. Потому каждый из них собирал последние деньги и втискивался в канцелярию комиссии, которая занималась делами доказательства дворянства (которая и решала дело), а Гаусман всегда умел в архивах полазать либо приписать к уже утвержденным в дворянстве родам».

О Гаусмане (называя только первую букву фамилии) писал и виленский архивариус Р. Меницкий:

«Он с неизвестным до сих пор мастерством подделывал почерк и печати, которых имел у себя множество, а за хорошие деньги брался за наиболее рискованные подделки, и ни одна самая сложная подпись не смущала его, не страшила – в мгновение ока он имитировал любую, даже ту, что первый раз видел. Он оставил в наследие множество поддельных актовых документов в минских актовых книгах, заработав этим

ремеслом фольварк, красивое каменное строение на одной из улиц (в Минске. – *Авт.*) ...и, наконец, судебный процесс, на котором выкрутился, объяснив владение коллекцией печатей своим огромным интересом к древности».

Одним из наиболее распространенных методов подделки документов была фабрикация выписок (например, купчих) из уничтоженных актовых книг. Сверить подлинность таких выписок с актами было невозможно. Власти не решились объявить выписки недостаточными для доказательства шляхетности, ибо то были официальные документы, удостоверенные государственными чиновниками. В Витебске фальсификаторы документов знали, за какие годы пожары уничтожили актовые книги, и потому именно на них ссылались в сфабрикованных выписках.

Единственное, что могли делать власти в таком случае – сверять подлинность подписей на выписках с другими документами. В 1843 году этим поручили заниматься стряпчим гражданских палат. В 1846 году Минское дворянское собрание направило на сверку подписей документы 56 родов, которые доказывали свое дворянство. Ни одна из них не была признана «непохожей». Выходило, что качественную подделку подписи, произведенную чиновником, имевшим доступ к оригиналам, фактически невозможно было раскрыть, ибо сверить ее можно было только с оригинальной подписью в другом документе, доступном чиновнику, подделавшему документ. Виленский архивариус И.Я. Спрогис не без оснований считал всех сотрудников тогдашних архивов «присутственных мест», где хранились актовые книги, участниками махинаций по подделке документов.

Помимо подделок документов, подтверждавших дворянство, подделывались и сами удостоверения о дворянстве. В таких случаях рисковал пользователь услуг, поскольку он не был включен в дворянские списки и при самом минимальном разбирателстве его недворянское происхождение легко разоблачалось. Поэтому такие подделки обычно использовали для устройства на службу в другой губернии, чтобы осложнить возможный разбор дела, либо для освобождения от рекрутчины. Однако военные власти были довольно внимательны и часто инициировали разбирательства в сомнительных случаях, о чем свидетельствуют часто встречающиеся в архивах однотипные запросы военного ведомства.

Центральные власти с начала 1830-х гг. стремились противодействовать массовой подделке документов. В 1833–34 гг. они создали три комиссии для проверки актовых и метрических книг. В каждую комиссию входили чиновники от МВД, Министерства юстиции, Корпуса жандармов и губернский стряпчий.

Первую комиссию образовали для Виленской, Гродненской губерний и Белостокского округа, вторую – для Минской, Витебской и Могилевской губерний, третью – для Киевской, Волынской и Подольской губерний.

Сотрудники комиссий должны были пронумеровать страницы, перечеркнуть пробелы, прошить и пропечатать страницы актовых и метрических книг, хранившихся в уездных судах, приходах и консисториях. Тем самым предполагалось не дать возможности делать в них заметки и вставлять листы. Священники были обязаны подать копии всех выданных ими удостоверений о крещении в уездные суды. Следовало также составить опись копий части метрических книг костёлов и униатских церквей XVIII века, хранившихся в римо-католичес-

кой коллегии. Копии метрик должны были служить дополнительным источником для проверки подлинности метрик, поданных в качестве доказательства. В приходы и монастыри командировались чиновники для проверки метрических книг. Особое внимание в указе обращалось на проверку патентов, которые часто подделывались с использованием подлинных королевских бланков.

Работа комиссии получила негативную оценку уже от современников. Так, нумерация и перечеркивание были очень неаккуратными и настолько небрежными, что на некоторых перечеркнутых листах поздние фальсификаторы писали вставки. Шнуровка была сделана очень тонким шерстяным шнурком, который быстро перетирался. Кроме того, не все члены комиссий участвовали в ревизии актовых книг. Так, полковник Мергер, член комиссии для Могилевской, Витебской и Минской губерний, не подписал почти половину просмотренных комиссией книг. Наибольшим же просчетом комиссии, по словам витебского архивариуса С. Сазонова, было то, что она пропустила сотни актовых книг.

Деятельность комиссий не остановила фальсификации документов: печати комиссий 1833—35 гг. нарушались и подделывались, концы шнуров вынимались из-под печатей и опять подклеивались, старая бумага с водяными знаками немного обкуривалась, чтобы придать ей более древний вид. Подделывалась нумерация страниц, а фальшивый документ чаще всего вклеивался в актовую книгу взамен вырванного настоящего акта.

Кроме комиссий по проверке актовых книг, в 1834 году были созданы губернские комиссии с целью ревизии деятельности дворянских депутатских собраний. Задачей комиссий было выявление злоупотреблений в делах о придании дворянского достоинства. Комиссии должны были проверить законность тех решений дворянских собраний о дворянстве, которые были вынесены до введения в 1828 году правила об утверждении таких решений герольдией в Петербурге. Комиссии также должны были проверить правомочность внесения дворян в родословные книги, проследить правильность ведения дворянской документации в собраниях, составить списки дворян как утвержденных собраниями, так и неутвержденных. В функции комиссии также входила выдача удостоверений о принадлежности дворянина к одному из разрядов «бывшей польской шляхты», для чего комиссии контактировали с ревизскими отделениями казенных палат. Оттуда комиссии получали сведения о наличии (согласно ревизиям) населенных поместий у самого просителя или его предков.

Для исправления недостатков и злоупотреблений работы первой комиссии по проверке актовых книг за дело в 1842—52 гг. взялись уже новые комиссии. Ибо соответствующий указ отметил:

> «...правительство не достигло вполне той цели, которой ждало от них, поскольку и снова выявляются в тех книгах непорядки и злоупотребления, похожие на прежние».

В состав новых комиссий вошли: уездный председатель дворянства, судьи, стряпчие и воинский начальник, а также прикомандированный губернский стряпчий, при условии, что он не участвовал в работе предыдущей комиссии.

Эти комиссии с целью недопущения вставок в актовые книги фальшивых актов, должны были их просмотреть и составить описи с обозначением номеров

документов в актовых книгах по порядку, краткого их оглавления и даты составления. В отдельной графе требовалось отмечать, признается документ подлинным или нет, и почему.

Описи следовало составлять в двух экземплярах и подписывать всем членам комиссии, а также прошнуровывать, подписывать и скреплять личными печатями членов комиссий. Один экземпляр описи оставался в учреждении, в котором производилась проверка, второй направлялся в губернское управление, где должен был использоваться для справок и сверок. Наблюдение за деятельностью комиссий возложили на губернаторов.

Однако работа и второй комиссии получила негативную оценку современников и историков в первую очередь из-за большого вреда, нанесенного документам. Очень пострадали актовые книги земских и городских судов и магистратов конца XVIII века, где фальсифицированные документы встречаются в огромном количестве.

Практический же эффект работы обеих комиссий был незначителен. За деньги чиновники актировали нужные документы даже при переплете. Некоторые из таких подделок выявили в середине XIX века тогдашние архивариусы в ходе обязательной сверки копий, подававшихся шляхтичами, с документами из актовых книг. На таких документах красным карандашом ставили отметку «сомнительный».

Российские чиновники середины XIX века (худ. В. Маковский)

Комиссии 1842 года пропечатали и опять прошнуровали книги, но далеко не всегда они исправили ошибки или фальсификации в нумеровании листов актовых книг, сделанные предыдущей комиссией. Более того, по свидетельству архивариусов Витебского центрального архива древних актов, комиссии шнуровали книги довольно оригинально. Если книга была не слишком велика, на 100–300 листов, то комиссия шнуровала ее всю, тогда как в книгах на 1000–2000 листов брали с конца книги 20–100 листов, которые прошнуровывали и в конце закрепляли печатью комиссии. Некоторые книги прошнуровали далеко от переплета и затянули мертвым узлом так, что их невозможно было развернуть, чтобы прочесть документы. Не выявили витебские архивариусы в 1860-е гг. и ни одной описи, которые должны были составить комиссии 1842 года.

С другой стороны, составление описей и описание в них содержания каждого документа с обозначением замечаний и сомнений комиссии относительно подлинности актов было для комиссий в целом непосильной задачей, даже при условии добросовестного выполнения членами комиссий своих функций. По-

следние не были даже минимально подготовлены к своей миссии, в частности, не могли читать почерки XVI–XVII веков. Современник писал:

«Многие слабо знали русский язык, не говоря уже о старобелорусском – уездные стряпчие... бывали иногда весьма способны в современной канцелярской казуистике, однако для чтения актов, часто пересыпаных латинскими макаронизмами, явно не имели никакой подготовки; что же касается уездного воинского начальника... область археографии была для его terra incognita».

Кроме постоянных комиссий, создавались и временные следственные комиссии для проверки работы того или другого архива. Так, зимой 1851 года появилась комиссия для проверки архива минских городских книг. Комиссия заметила, что в книгах имеется множество подозрительных документов, а часть книг находится в очень скверном состоянии. Действовала и гродненская комиссия для обнаружения создателей поддельных документов. Она выявила «в некоторых уездных судах по актовым книгам многочисленные ошибки в нумеровании листов, в описях, в смене печатей и внесении в книги поддельных документов». В 1848–51 гг. действовала также Витебская следственная комиссия по делу о составлении поддельных актов, которая выявила ненастоящие и сомнительные акты, касавшиеся самое малое 27 родов. Правда, не все эти акты в итоге признали ненастоящими.

В 1843 году, чтобы облегчить работу департамента герольдии Сената, перегруженного документами шляхтичей, присланными на окончательное утверждение, создали Виленскую центральную ревизионную комиссию. В ее функции входила проверка документов, выданных шляхтичам Виленским, Минским, Гродненским и Ковенским дворянскими депутатскими собраниями. Комиссия также выдавала справки, подтверждавшие дворянство. Многие отосланные в комиссию комплекты подготовленных для утверждения документов были отправлены ею на дополнение. Комиссия действовала до 1847 года и фактически дублировала некоторые ревизионные функции герольдии.

В 1852 году в западных губерниях создали три центральных архива древних актов – в Витебске, Вильне и Киеве. Они, получив актовые книги из присутственных мест, взяли на себя и функции ревизионных комиссий по проверке актов и выявлению фальшивок, поэтому в том же году все ревизионные и проверочные комиссии прекратили свое существование.

В центральные архивы передавались документы и актовые книги, датированные периодом до 1799 года. К моменту создания архивов эти актовые книги хранились в подсобных архивах разных учреждений, что было очень неудобно для работы ревизионных комиссий. Именно желание остановить массовую фальсификацию актовых документов, которая продолжалась, несмотря на работу ревизионных комиссий, стало главной причиной архивной реформы 1852 года в западных губерниях.

Архивы стали более надежной преградой для фальсификаций. По словам первого заведующего Виленским архивом М. Горбачевского, из 100 документов, которые поступали на подтверждение в Виленский архив, законным оказывался один. Скорее всего, архивариус преувеличивал, но, несомненно, тенденцию он отразил.

С момента открытия центральных архивов только они могли выдавать выписки из актов. Для выдачи каждой выписки заведующий архивом приглашал нескольких лиц – уездного председателя дворянского собрания, в Витебске еще и директора гимназии, а в Вильне председателя комиссии для разбора и издания древних актов. Комиссия сверяла подготовленную выписку с актом и определяла, признается он (акт) несомненным или наоборот. За выдачу выписки стали брать пошлину. Оригиналы актовых книг запретили выдавать любым учреждениям и частным лицам.

Но, хотя передача актовых книг на хранение в центральные архивы и уменьшила фальсификацию документов, полностью она ее не искоренила. В 1862 году опять появляются сведения о массовых фальсификациях в Северо-Западном крае. В 1867 году власти вынуждены были остановить рассмотрение дел в дворянских собраниях и герольдии, которые были основаны на документах Киевского центрального архива, в связи с массовыми фальсификациями. Создали комиссию для перепроверки решений, вынесенных на основе документов этого архива. Однако комиссия быстро признала свою некомпетентность, ибо она «не могла определить признаков, согласно которым можно было бы отличить настоящие акты XVIII столетия от подделанных».

Дворяне западных губерний Российской империи (середина XIX века)

Кроме подделки актов и выписок, остались и другие возможности незаконной нобилитации – например, приписка к роду, уже утвержденному в дворянстве. В таком случае фабриковалась метрика или подделывалась выписка из метрической книги. Выявить, сколько лиц получили нобилитацию таким образом, не представляется возможным. В подделку сведений из метрических книг были вовлечены и некоторые священники.

Фальсифицируя документы, многие подделывали и родословные, причем мифотворчество в данном случае процветало. Известный витебский мемуарист Максимилиан Маркс (1816–1893) писал:

> «При строгом рассмотрении дела может один какой-то сотый смог бы доказать свое дворянство... отрывочные и какие-то частные купчие и жалованные грамоты по-настоящему никак не могли служить родовыми документами. Надо было обратиться к доказательствам другого характера, более сильным, которые не могли быть отклонены. И вот помещики все без исключения показали свое дворянство, выводя себя напрямую от легендарных Антеноров, Лехов, Пястов, Витолиев и др., а бедные оброчники были зачислены в однодворцы, хотя родители их, несомненно, были из шляхты, ибо в последних шляхетских ополчениях служили офицерами... Значительно нажились тогда чиновники депутатского собрания».

По сохранившимся свидетельствам современников, процедура подделки «полного пакета» дворянских документов в вместе с их легализацией стоила около 50 рублей серебром.

«Испытание бумагою» дворянского достоинства изменило отношение к документам. Мелкая шляхта и зажиточные помещики стали уделять исключительное внимание всякого рода официальным бумагам, которые у многих прежде небрежно сохранялись в чемоданах на чердаках. Особо заботились о тех документах, которые касались доказательства дворянства. Каэтан Крашевский описал способ чрезвычайно усердного хранения таких бумаг шляхтой Пружанского повета:

> «держат их обычно в заклеенных горшках, подвешенных в удобных местах на виду, чтобы всегда нетрудно было их спасти из огня».

Деньги могли открыть дорогу к нобилитации фактически любому лицу. Шляхтичи, которые не смогли по разным обстоятельствам закрепиться в российском дворянстве на основании подлинных документов, пользовались «черным» рынком услуг. Приблизительно половина мелкой шляхты Беларуси – от 150 до 200 тысяч человек – правдами или неправдами в 30–90-е годы XIX века сумела-таки «втиснуться» в дворянское сословие, несмотря на все преграды центральных властей. Строгость и даже жестокость российской автократии в отношении шляхты в значительной степени смягчалась продажностью и взяточничеством чиновников, реализовывавших имперскую политику.

Надо отметить, что фальсификация документов, и не только о дворянском происхождении, в XIX веке была распространенным явлением. Так, на гродненского губернского секретаря Александрова в 1852 году завели дело за изготовление вкладной книжки сберегательной кассы. В той же губернии в 1881 году один из местных жителей устроился чиновником по поддельному паспорту. Факт подделки выявился только в результате разбирательства, устроенного

после того, как этот человек исчез в неизвестном направлении после совершения преступления.

Как следует из архивных дел, подделывались также кредитные билеты, документы о залоге поместий и правах на них, удостоверения о смерти для уклонения от воинской повинности, другие разнообразные удостоверения, векселя, доверенности, завещания, казенные печати и, особенно часто, бумажные деньги, притом не только российские. Так, помещик Беликович и литограф Шульц из Виленской губернии, создав своеобразный симбиоз капитала и мастерства, основали подпольный цех для подделки денежных знаков.

Таким образом, подделка документов, подтверждавших дворянское происхождение, в Беларуси в XIX веке была весьма распространенным явлением. Первопричиной массовых фальсификаций стало стремление имперских властей «очистить» дворянское сословие «западных губерний» от мелкой шляхты путем проверки их документов на право шляхетности, что и создало спрос на подделки последних. С другой стороны, чиновники стремились обогатиться, что создало рынок предложения нелегальных услуг.

Массовая подделка документов значительно смягчила результаты политики «разбора шляхты», дав десяткам тысяч мелких и средних шляхтичей возможность сохранить привилегированный статус. Польский исследователь К. Акулич верно отметил:

> «Неумелая, ленивая, продажная рука российской администрации не была способна реализовать все детальнейшие русификаторские инструкции, которыми ее осыпали власти».

Поскольку фальсификация документальных доказательств о дворянском происхождении была чрезвычайно распространенным явлением, родословные, которые составлялись и составляются теперь на основе архивных документов, необходимо тщательно проверять, в том числе сверять с другими архивными документами.

«ТОРЖЕСТВО» ПРАВОСЛАВИЯ В БЕЛАРУСИ: ИМПЕРСКИЙ ВАРИАНТ

Андрей Пятчиц

Входит некто православный,
Говорит: Теперь я главный!
И. Бродский

В популярной русскоязычной литературе XX века события, связанные с распространением православия на территории Северо-Западных губерний, обычно подаются как единый и монолитный порыв «отчужденной братии» к истокам своей истории и культуры. На самом же деле этот процесс имел намного более сложный и многогранный характер.

«Возвращение» местных жителей-униатов в лоно русской православной церкви в 1839 году — якобы добровольное — стало только началом целого ряда мероприятий, направленных на фактическое утверждение православия в Северо-Западном крае. Поддержанные администрацией меры с самого начала настолько расходились с провозглашенными имперской пропагандой лозунгами о братском единстве белороссов и великороссов, что вызвали негативную реакцию в тех общественных кругах, которые имели непосредственное отношение к тому, что происходило. Именно этим объясняется тот факт, что многие государственные чиновники, понимая выгодность применяемых мер для российских интересов в целом, довольно критически (а иногда и презрительно) относились к непосредственным исполнителям этих мероприятий.

В особенно сложном положении оказалось «воссоединенное» из униатов местное духовенство. Эти священники — кто под нажимом, кто из корыстных соображений, кто просто из-за своей социальной пассивности — были втянуты в политические игры империи. Все это сразу же проявилось в разнообразных обвинениях в их адрес. Один из главных деятелей по распространению влияния православия в крае — Иосиф Семашко — в своем полном отчаяния письме московскому митрополиту Филарету писал:

> «...я получал неоднократно удары, не зная, откуда они направлены. Я не знаю: кто действовал против меня по личному недоброжелательству, а кто по заблуждению; кто как орудие польско-католической партии, а кто по собственным видам или мелочной зависти и самолюбию? Да судит их Бог и собственная их совесть! ...я ожидаю одного лишь страдания, одних препятствий с той именно стороны, откуда должен ожидать помощи и защиты; когда за приготовленную погибель подарят меня разве гримасой фарисейского сожаления; когда, вероятно, будут чернить имя мое и станут преследовать его клеветой даже за гробом»... (1)

И действительно, авторитет этого руководителя православной церкви в Северо-Западном крае в глазах современников был невысок. Например, И. Бибиков 2-й (брат генерал-губернатора Северо-Западного края Д. Бибикова), исполнявший обязанности виленского генерал-губернатора в конце 1840 — начале 1850-х г., публично называл Семашко «простым, но хитрым попом, который во всех своих поступках имеет личные виды» (2).

Такое отношение генерал-губернатора к митрополиту Литовскому вполне объяснимо. Сам Семашко в докладной записке на имя обер-прокурора Святейшего Синода графа М. Протасова характеризовал Бибикова 2-го как человека, который «подобно многим у нас великороссам, покровительствует нескольким древлеправославным попам и порицает воссоединенное ведомство» (3).

Не имел Семашко большого авторитета и среди православных иерархов. Многие из владык высказывались о нем с нескрываемым презрением. Например, руководитель Полтавской православной епархии епископ Гедеон называл его «Иудою предателем».

Митрополит Иосиф Семашко

Не приходится удивляться, что отношение к православию не было одинаковым и среди широких слоев местных жителей. В некоторых регионах края коренное население относилось к распространению православия с открытой враждебностью. Тот же Семашко характеризовал столицу региона (Вильню) как город, «кипящий ненавистным фанатизмом против православных, лежащий вне круга православного населения». Поэтому идея правительства насчет переноса епархиального управления в политическую, культурную и религиозную столицу бывшего ВКЛ казалась ему «крайним отягощением для всех лиц, принадлежащих к этому управлению, и для большей части прочего духовенства!».

Негативное отношение лично к Семашко со стороны некоторых государственных чиновников и церковных иерархов можно объяснить той неприглядной ролью, какую он сыграл в ликвидации Унии (4). Что до реакции местного населения на укрепление позиций православной церкви в Северо-Западном крае, то она усиливалась еще и тем, что действия администрации в этой сфере очень часто имели характер, далекий от религиозных целей. Они основывались, в первую очередь, на внешне- и внутриполитических интересах империи, а не на искреннем стремлении к воссозданию «русской духовности» в западных губерниях. Яркое свидетельство истинного характера этой политики содержится в секретном обращении того же митрополита Семашко к обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову зимой 1855 года:

«Теперь дело не о Православии, не о народности западных губерний, но о настоящем политическом положении государства — и молчание с моей стороны об указанном выше было бы преступно. Не мне одному известно, что уже накануне последнего польского мятежа /1831 г./ еще не верили людям, предостерегавшим об оном. Кто же может уверить, что латино-польская партия не имела в виду нынешних событий, при устройстве, столь сильного своего преобладания в здешней стране. Я не говорю, чтобы эта партия сама собою была теперь столь сильна материально, дабы слишком беспокоить правительство. Но, в случае движения на Россию всего Запада, не приготовлено ли в здешней стране для врагов самое благоприятное управление? И не ли-

шено ли правительство нужных орудий для полезного в ней действия, во все течения могущих продолжаться военных происшествий, и в случайных обстоятельствах?».

Особенно много сложностей в распространении православия имперская администрация встретила на территории Литовской православной епархии, в юрисдикцию которой входила большая часть современной Беларуси. Как следует из частной переписки Семашко, введение православия на этих землях имело определенные трудности еще и потому, что:

> «...семьсот тысяч Православных разбросаны по трем губерниям, среди полутора миллиона одних Римских Католиков... В Литовской /епархии/ вся паства почти исключительно состоит из воссоединенных. Сами воссоединенные в других епархиях не столько было отступили от русской народности и постановления Восточной Церкви, как в Литовской, бывшей преимущественно под продолжительнейшим влиянием иноверчества и иноземства. Очевидно, что я имею и большее право и большую обязанность – просить правительство о преимущественном охранении Литовской паствы от влияния господствующих здесь чуждых элементов. Мне одному это не по силам».

Обращение Семашко за помощью к правительству вполне объяснимо: католичество в крае к тому времени пустило глубокие корни. Поэтому укрепление православной традиции на местной почве развивалось сложно, иногда создавая двусмысленные ситуации. Например, Семашко, обращаясь к графу Протасову в 1846 году, пишет, что ему было бы целесообразно уехать из Вильни в провинцию:

> «..этим я избегну Виленской масленицы, продолжающейся и первые дни нашего (православного – *Авт.*) поста, а также устранюсь на нынешний год от известного богослужения в неделю Православия (которое сопровождалось анафемой персонам, отлученным от православной церкви. – *Авт.*) – оно теперь было бы некстати – а полезнее ли, чем вреднее, будет в следующем году, покажут обстоятельства».

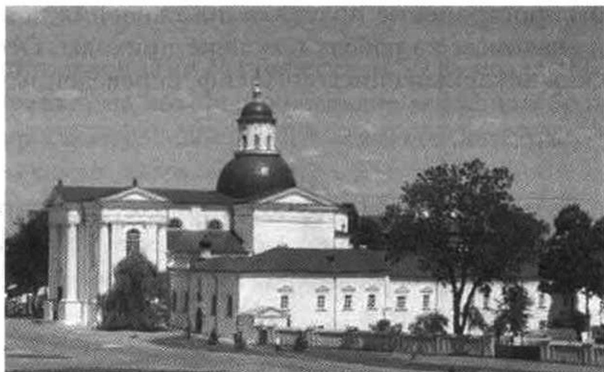
Православные священники даже высокого уровня иногда отчетливо проявляли симпатии применительно к отмененной унии. В письме, датированном 1864 годом, некий россиянин, которого цитирует А. Миловидов, пишет, что по приказу ректора Полоцкой духовной семинарии Анатолия Станкевича в учебных залах и классах были вывешены портреты известных униатских священников: Кирилла Терлецкого, Адама Потея, Флориана Грабницкого и других.

> «Восхваляя перед учениками их достоинства и указывая на них своими украшенными перстнями пальцами (явно западная традиция. – *Авт.*), ректор приговаривал со вздохом: «Вот то были владыки, настоящие крулики (королевичи. – *Авт.*)!» (5).

Эти портреты убрали из семинарии только в 1865 году по приказу генерал-губернатора Муравьева.

Непросто складывались отношения с имперской администрацией и у рядового православного клира западных губерний. «Воссоединенные» священники иногда высказывали открытое несогласие с политикой властей. Наибольшее недовольство вызвало у них решение Святейшего Синода от 1859 года направлять в этот край из великорусских губерний священников «известных своим поведением и ученостью, в виде **миссионеров** для укрепления в православии присоединенных к восточной церкви».

Это решение высшей церковной власти вызвало недовольство даже митрополита Семашко, который считал, что верующие этого региона (бывшие греко-католики) имели тот же иерархический порядок, то же богослужение, те же догматы, что и Русская православная церковь, за исключением двух различий – в филиокве (богословской проблеме о происхождении Святого Духа) и в примате римского епископа. По мнению Семашко, после присоединения местные православные и так находились в безоговорочном подчинении у РПЦ. Он считал, что искоренение некоторых несущественных особенностей церковной жизни, существовавших в крае, привело бы не к объединению православной церкви, а к ее расколу.

Свято-Успенский монастырь в Жировичах, основанный в 1597, с 1609 по 1839 был униатским (базилианским). После ликвидации унии передан РПЦ

Направление священников в качества миссионеров из великорусских губерний митрополит Иосиф Семашко считал вредным по многим причинам и предлагал использовать в этих целях «древлеправославных» священников из Полоцкой и Литовской епархий, знакомых с местным языком и особенностями культуры. Но Семашко смог задержать этот процесс только до 1863 года, когда по инициативе М.Н. Муравьева начался период массовой миграции российских священников в Северо-Западный край. Местный клир расценил эту акцию как отстранение его от исполнения своих священнических обязанностей. Практика перевода великорусских священников в западные губернии получила такое развитие, что вызвала необходимость предостережения даже со стороны церковного руководства. Так, в своем письме могилевскому епископу Евлампию Московский митрополит Филарет написал в начале 1865 г.:

> «Неужели требуете, чтобы воссоединенных совсем не было на службе? Куда девать тех, которые есть? Воссоединенного священника, любимого прихожанами за честную службу и жизнь, отрешать от прихода неудобно и сие значило бы не успокаивать, а раздражать. Такого, а через него приход, надобно советом и надзором соблюдать от ветхого кваса унии» (6).

Местное духовенство (как православное, так, естественно, и римо-католическое) враждебно относилось к пришельцам. Их в среде коренного духовенства называли «наездом», они получили репутацию людей не только алчных, но и некультурных.

Некоторое время мысль о нецелесообразности и даже вредности приезда в Северо-Западный край великорусских священников поддерживал и известный профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Коялович, уроженец Гродненской губернии, суждения которого высоко ценили в столице империи. Он считал, что те, кто вознамерился на такой переезд, – далеко не луч-

шие представители русского православного духовенства; они не известны местному начальству, потому возможны многочисленные ошибки во время их назначения. Они также не знают местного языка и быта; местное население отдает предпочтение местным уроженцам; и вообще пришельцы не в состоянии заменить собой местных, более образованных священников. Как отмечал Коялович, большинство тех священников, которые приехали, настолько аморальны, что уже бывали заключены в монастырях (7).

Еще одной существенной причиной приезда в западные епархии империи великорусских священников было то, что здесь к середине второй половины XIX века не осталось ни одного архиерея из местных уроженцев. Потому получила распространение практика приглашения новыми владыками родственников и знакомых на работу в лучшие приходы. Особенно отличался в этом виленский викарный епископ Иосиф, переведенный позже на Смоленскую кафедру.

Крестовоздвиженский костёл в деревне Быстрица (ныне в Островецком районе) в 1863 году был превращен в православную церковь

Все это привело к возникновению антагонизма между православным духовенством края, разделившимся на два враждебных лагеря. Иногда доходило до явных стычек. Так, Коялович упоминает о каком-то училищном съезде православных священников, где депутаты разделились на две части, обзывая друг друга «москалями-кацапами» и «поляками-униатами».

Наличие таких разногласий и проблем не способствовало укреплению авторитета православия среди местного населения. По мнению митрополита Московского Филарета, связь «воссоединенного» духовенства с его паствой, которая оценивалась довольно высоко во время воссоединения и которая должна была бы со временем укрепляться, получилась, наоборот, непрочной. Виной тому было, прежде всего, административное использование православной церкви в политических целях.

В то же время религиозные торжества католиков не только привлекали множество местных православных жителей, но иногда служили поводом для смены конфессии. Например, в 1859 году произошел торжественный перенос в г. Янов (Janyw Podlaski) мощей мученика Виктора, полученных римо-католическим епископом Вениамином Шиманским от папы Пия IX. Весть об этом быстро разошлась по всему региону и во время торжеств, посвященных этому событию, многие из верующих-православных перешли в латинский обряд. И хотя в большей степени это явление касалось территории Царства Польского, оно вызва-

ло определенную реакцию и в западных губерниях: так, в Литовской епархии в приходе деревни Клещели «совращено было в латинство до 300 человек», а в деревне Кляницы жители «оказали сопротивление совершению крестного хода по чину православной церкви» (8) .

Российская администрация поняла опасность таких явлений и приложила заметные усилия в привлечении симпатий деревенского населения на свою сторону. Эмигрантская антиправительственная газета «Колокол», иронизируя над попытками царской администрации «сыграть на крестьянском вопросе», в самом начале восстания 1863–64 гг. опубликовала под названием «Правительственная пугачевщина» обращение генерал-губернатора Северо-Западного края В. Назимова.

В своей речи, спекулируя постановлениями Манифеста от 19 февраля 1861 года /об отмене крепостного права/, на который крестьяне возлагали большие надежды, Назимов убеждал крестьян способствовать «охранению в крае общественного спокойствия» и тем самым «...содействовать для собственной вашей пользы скорейшему открытию действия проверочных комиссий, которые должны окончательно устроить ваш поземельный быт, и коих учреждение было бы замедлено и затруднено возникновением беспорядков» (9).

В первые месяцы восстания шансы присоединения крестьян на свою сторону колебались довольно заметно. Вот какую тревожную оценку тогдашней ситуации мы находим в проправительственной газете «Северная Пчела»:

> «Нужно знать, что литовское (имеется в виду сельское население западных губерний. – *Авт.*) крестьянство, которое польские агитаторы всячески старались склонить на свою сторону, стало в последнее время колебаться, уступая фанатическому красноречию ксендзов и агентов центрального комитета, пустившего корни, как видно, и на литовской почве. 19 февраля наступило, а настоящей свободы все еще нет».

И действительно, невыполнение российским правительством постановлений Манифеста от 19 февраля 1861 года было одним из самых весомых аргументов повстанцев для привлечения селян на свою сторону. В воззваниях под названием «Мужицкая правда», которые появились в начале восстания в местечках и деревнях всего края, центральный литовский повстанческий комитет от имени «Яськi, гаспадара з-пад Вильнi» простым языком убеждал крестьян присоединиться к повстанцам, чтобы «сражаться с москалями и освобождать отечество» (10).

В ответ на пропаганду повстанцев российская администрация спланировала и провела массовую кампанию выражения крестьянами своих верноподданнических чувств. При ее подготовке и проведении основной расчет был сделан на религиозные чувства местных крестьян и на их надежды, связанные с Манифестом от 19 февраля 1861 г. Православная церковь сыграла главную роль при осуществлении этой акции. Весной 1863 года, по инициативе Министерства внутренних дел империи, вместе со специально составленным текстом «Всеподданнейшего Адреса» был разослан примерный текст проповеди, обращенной «К временнообязанным крестьянам, по случаю получения ими полной личной свободы 19 февраля 1863 г.»:

«Предлагается молиться за Царя-Освободителя, но есть еще один способ сколько-нибудь возблагодарить вашего Освободителя. Душа его теперь болезнует от восстания против Него ваших недавних владельцев польских; они хотят отделить наш край от родной и единоверной России, вырвать его от покровительства православного Царя русского, вашего Освободителя и, может быть, снова закабалить вас в то тяжкое рабство, от которого вы ныне освобождены Им. Они уже просили об этом Царя и даже осмелились сказать в этой просьбе, что вы сами желаете отделиться от Него, от России и присоединиться к Польше. Вижу Ваше всеобщее негодование при одном известии об этой гнусной, возведенной на вас клевете перед Освободителем; верю от всей души, что вас оклеветали перед Царем нашим; но Он-то, Отец наш, почем знает, что это клевета, пока мы сами не скажем, что это точно клевета.

Что же нам делать, спросите вы? А вот что: напишем на бумаге, что нас перед Царем оклеветали, что мы клянемся за себя и наше потомство жить и умереть под властью нашего Освободителя и Его преемников русских Государей в одной семье с роднею и единоверною Россиею, а Польши и польских панов и знать не хотим, – и пошлем эту бумагу к Самому Царю.

Примечание: Когда после этой речи последует взрыв единодушного согласия на подпись адреса, тотчас же представить его и подписывать. Можно это сделать после молебна, лучше перед молебном. Речь должна быть читана на память, без тетрадки, а во всяком случае без печатного лоскутка, потому что весь процесс дела должен быть покрыт глубокою тайною для врагов наших, доведомою одному Богу».

Вот так малограмотных крестьян-верующих связывали клятвой на верность российскому императору. Эта клятва перед алтарем на какое-то время могла быть гарантом того, что сельское население массово не поддержит повстанцев, а тем самым правительство выиграет время и, собрав силы, задавит восстание. Расчет сбылся: если бы местные крестьяне в то время не имели иллюзий относительно Манифеста, то расклад сил в восстании мог бы сложиться иначе. Крестьяне настолько прониклись услышанными с амвонов речами, что в самый сложный период восстания в июне 1863 года М.Н. Муравьев даже принял решение о создании для борьбы с повстанцами вооруженных «сельских караулов». Особенно активно эти караулы действовали в восточных районах края, где влияние католичества было традиционно слабее.

Но уже через несколько лет после подавления восстания отношение местных жителей ко всему русскому стало меняться. Многие крестьяне-беларусы, особенно в западных районах края, в конце 1860-х – начале 1870-х г. открыто жалели, что не поддержали восстание 1863–64 гг.:

«Не вовремя тогда паны бунт сделали; ах, если бы теперь случилось то, о чем мы думаем, тогда бы все пошли воевать» (11).

С середины 1860-х годов местные жители начали проявлять открытое недовольство и религиозной политикой империи.

По словам упомянутого смоленского епископа Иосифа, особенно сильной была тяга к римо-католической традиции среди «воссоединенных» в Виленской губернии. Среди причин, толкавших крестьян к переходу в латинский обряд, он называл: давление со стороны соседей-католиков, которые не пускали домашнюю скотину православных к воде и на выпас; православный парень не мог жениться на девушке-католичке, а православных невест не брали в католические семьи. Во время встреч епископа Иосифа с жителями южных приходов Вилен-

ской губернии (ныне это северная часть Гродненской области – *Авт.*) в 1871 году от владыки требовали – «некоторые со слезами, некоторые с неистовством» – перевода их в латинский обряд. В этом регионе нередки были случаи, когда православных священников не пускали в хаты, пугали ими детей, называя их «медведями» и «злою бородастою чучелой». Увидев православного священника, дети прятались или с криком убегали.

Иногда доходило до открытого неподчинения. П. Батюшков упоминает 100 православных прихожан местечка Порозово (в Гродненской губернии), которые перешли в латинский обряд в 1858 году, «которые впрочем стараниями преосвященного Иосифа Семашко возвращены на лоно православия». Но Батюшков замалчивает тот факт, что в 1871 году в Порозовском приходе высказали желание перейти в католичество уже 491 человек.

Созданная для разбора дела специальная комиссия, основывая свои выводы на том, что все эти люди с 1866–67 гг. бывали на исповеди и у святого причастия в местной православной церкви, пыталась запретить им смену конфессии. Но прихожане проявили твердость, и комиссия вынуждена была 464 из них «оставить в том же состоянии», в каком они хотели находиться, впрочем, не объявляя им этого официально.

Как видим, положение в регионе было достаточно напряженным. Поэтому члены комиссии решили, что время сделает свое дело и уничтожит недоверие несклонных к православию. Если же они и останутся при своем мнении, то этот факт, оставшись не объявленным, не будет служить примером для других. Впрочем, на всякий случай, местного православного священника обязали составить список непокорных и внимательно следить за ними.

Иногда крестьяне, которые не хотели пользоваться услугами православного священника и не имели возможности совершить обряд у ксендза, оставляли своих детей некрещенными почти год, а это, по тогдашней традиции, было чрезвычайным фактом. В той местности, где верующие склонялись к католичеству, неприятие православных священников на бытовом уровне иногда бывало очень активным, даже близким к бойкоту. Например, в деревне Селявичи Гродненской губернии жители запрещали своим детям посещать

Костёл Св. Марии Кармелитской в Старом Мяделе, превращенный в православную церковь в 1866 году

местную православную школу, одновременно предлагая хозяину дома, в котором проходили занятия, платить деньги за аренду помещения. Во время рождественских праздников жители этой деревни не пустили ни в одну хату православного священника, который хотел отслужить у них молебен. Когда этот священник все же как-то собрал крестьян на беседу, они объявили, что пойдут в церковь только тогда, когда православные поклонятся Папе римскому. Одна из прихожанок при этом сказала: «Если бы ангел с неба сошел, то мы и тогда поверили бы только тому, чему учит каплан» (12). Интересно, что и в этом случае крестьяне смогли защитить свою позицию.

* * *

Среди различных административных мероприятий, использованных правительством в религиозной политике на территории западных губерний, особый интерес представляют многочисленные судебные дела «о совращениях» (13).

По закону XIX века, всем подданным Российской империи, «как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя б то и христианскую».

В случая выявления «совращенных» епархиальное руководство было обязано «внушением» возвратить их в лоно православной церкви, параллельно сообщив о факте «совращения» в Святейший Синод. Если же те, кто переменил веру, продолжали требовать своего, то, по закону, у них отбиралось право управления своим имуществом, им запрещалось жить в «имениях, населенных православными». Надзор и вся ответственность по таким делам относились к компетенции Министерства внутренних дел, а меры «к охранению православия» детей семьи «совращенного» должны были использоваться на «усмотрение Его Императорского Величества установленным порядком».

По закону, за «совращение» из православия в какую-нибудь другую веру виновник осуждался «...к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житие в Сибирь или к отдаче в правительственные арестантские отделения». Если при этом для склонения к смене конфессии были применены насилие или принуждение, то виновник должен был наказываться «лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в Сибирь». Те лица, которые «в проповедях или сочинениях» будут склонять православных к смене вероисповедания, первый раз должны были наказываться тюрьмой на срок от 8 до 16 месяцев; второй раз заключением в крепость на срок от двух лет и восьми месяцев до четырех лет и лишением некоторых прав; третий раз такие лица лишались всех прав и преимуществ и высылались в Сибирь либо отдавались в исправительные арестантские отделения.

Родителей или опекунов, обязанных воспитывать своих детей в православной вере, которые крестили или приобщили их к другим таинствам в каком-то другом обряде, следовало лишать свободы на срок от 8 до 16 месяцев. Детей в таком случае передавали на воспитание родственникам или опекунам православного вероисповедания.

Те же, кто каким-то образом препятствовал верующему перейти в православие, должны были терять свободу на срок от 2-х до 4-х месяцев, а в случае применения ими угроз и насилия – от одного года и четырех месяцев до двух лет и лишались определенных прав и преимуществ. Даже те лица (в том числе муж

с женой и родственники), которые всего лишь не помешали отходу от православия, по закону должны были лишаться свободы на срок от трех дней до трех месяцев и, кроме того, «если он православный, предаваться церковному покаянию».

Священники «иностранных исповеданий» за сознательный допуск православных к исповеди, причащению или «елеосвящению» наказывались: первый раз – удалением с места службы на срок от шести месяцев до одного года; второй раз – лишением духовного сана. За преподавание детям православных катехизиса или «делании им противных православию внушений, хотя и без доказанного намерения совратить их», наказывались «удалением от своих мест и должностей» на срок от одного до трех лет. Если нарушение повторялось, они лишались духовного сана и осуждались на срок до одного года и четырех месяцев. У тех священников, которые совершили над православными какой-нибудь обряд, что означало смену вероисповедания, отбирался духовный сан. За принятие в это вероисповедание неправославных подданных Российской империи у священников после ряда предупредительных мер могли отобрать гражданские права и сан.

Свято-Николаевская церковь в деревне Дубно (Мостовский р-н Гродн. обл.), раньше была униатской

Судебные разбирательства «о совращениях» получили широкое распространение в середине XIX века. Кампания их заведения и проведения находилась под пристальным вниманием правительства. Например, серия дел «о совращениях», которая касалась бывших греко-католиков кончается постановлением «О прекращении дел о совращении и отступничестве от православия в бывшую унию и тяжб между древле-православными и воссоединенными церквами о присвоении одним из них собственности других». То есть, судебные процессы, которые имели широкий отклик, подготовили, насколько возможно, вместе с другими мерами, общественное мнение к ликвидации унии, и администрация законодательным порядком завершила развязанную кампанию.

* * *

Но, несмотря на категоричность российских законов, на практике применительно к римо-католикам их сначала употребляли очень редко. Положение изменилось только после начала восстания 1863–64 гг.

Видимо, получив одобрение на самом высоком уровне, в этот период М.Н. Муравьев начал решительные действия не только по удержанию местных жителей в православии, но и по возвращению «совращенных» католиков в лоно православной церкви.

Вот, например, как происходило присоединение «совращенных» из православия римо-католиков в государственном поместье Куродичи Минской губернии: в рапорте помощника военного начальника Мозырского и Речицкого уездов руководителю губернии сообщается, что «начальник жандармского управления на основании сведений, полученных от своих сотрудников», сообщил 20 октября 1861 года, что казенные крестьяне деревни Куродичи католического вероисповедания решили принять православие (270 человек. – *Авт.*), и 25 октября 1864 года в присутствии 5 официальных лиц обряд совершен. Меры по препровождению обряда приняли: речицкий судебный следователь, местный пристав и православные священники самых близких приходов.

Далее документ сообщает, что крестьяне, якобы «добровольно пожелавшие перейти в православие», поставили условие: направить своих представителей к мозырскому декану ксендзу Александру Кершанскому за советом и чтобы узнать, действительно ли их предки, согласно утверждению чиновников, 100 лет тому назад были православные.

В своем ответе Кершанский посоветовал крестьянам «уйти в лес», если принуждение будет продолжаться. Параллельно он подал жалобу генерал-губернатору края насчет противозаконности действий военных и гражданских чиновников в деревне Куродичи и обратил его внимание на непредсказуемость результатов таких действий.

Переписка многочисленных военных, полицейских и гражданских чинов по этому делу кончается вердиктом самого М.Н. Муравьева, в котором он предлагает минскому губернатору незамедлительно:

«1. Командировать на место в казенную деревню Куродичи благонадежного чиновника для произведения точного дознания о противодействии Мозырьского декана ксендза Кершанского к принятию православия крестьянами означенной деревни и, если действительно подтвердится по этому дознанию, что со стороны ксендза Кершанского оказываемо было противодействие, то взыскать с него штраф в размере 200 рублей серебром, употребив эти деньги на устроение школы в с. Куродичи, ксендза Кершанского перевести в другой приход, учредить над ним строгий полицейский надзор.

2. Согласно желанию прихожан закрыть и вовсе упразднить находящийся в Куродичах римско-католический костел и, по соглашению с Высокопреосвященством Михаилом, архиепископом Минским и Бобруйским, обратить оный в православную приходскую церковь, употребив на устройство оной 1500 рублей серебром из дополнительного 10-процентного сбора по вверенной Вам губернии.

3. Принадлежащие костелу земли, угодья и строения передать в ведение православного духовенства для обеспечения церковного причта.

4. Вследствие изъявленного крестьянами желания переименовать селение Куродичи в Казанское.

5. Озаботиться о скорейшем открытии в селе Казанском сельского приходского училища, под ближайшим и непосредственным ведением православного приходского священника.

Об исполнении всех изложенных выше распоряжений прошу Ваше Превосходительство мне донести и вместе с тем принять зависящие меры, чтоб со стороны римско-католического духовенства не могло было допускаемо на будущее время какое-либо противодействие к переходу крестьян, по их желанию, в православие, если же где-либо таковое будет обнаружено доносить мне для дальнейших распоряжений относительно виновных в таком противодействии. При этом почитаю необходимым уведомить Вас, милостивый государь, что вместе с сим высылаю 400 мельхиоровых наперстных крестиков к архиепископу Минскому и Бобруйскому для раздачи новообратившимся крестьянам; равным образом сообщено Высокопреосвященному Михаилу относительно зависящих со стороны его распоряжений об устройстве в с. Казанском православной церкви и особого прихода».

Далее приписано: «за обращением же в православную церковь костела, не оставьте распорядиться, по соглашению с епископом Войткевичем о причислении остающихся в с. Куродичи прихожан-католиков к другому ближайшему приходу.

Генерал от инфантерии Муравьев».

Этот документ достаточно точно отражает тогдашнее положение. В ЦДГА в Минске хранятся несколько таких дел по Минской губернии. Обычно события разворачивались одинаково: крестьянам объявляли, что их предки были православные и они «насильно совращены» в римо-католичество, но документов, которые бы подтверждали это, не показывали, а посредством различных угроз и посулов заставляли крестьян сменить вероисповедание. Возражения или жалобы местного ксендза кончались обвинением его в подстрекательстве, измене и сопровождались высылкой из прихода и передачей костела с и недвижимостью в собственность православной епархии.

Генерал-губернатор М.Н. Муравьев

О возможных последствиях употребления методов силы при переводе верующих-католиков в православие предупреждали и некоторые православные авторы-реалисты. В статье «О массовых переменах вероисповедания» известный российский публицист М. Гиляров-Платонов обращал внимание российской общественности на то, что:

«...новое приобретение церковное потому лишь может быть признано крепким, что возвратное движение запрещается законом под страхом наказаний: а это еще не великое приобретение!» (14).

И действительно, отношение некоторых местных жителей к православию заметно изменилось после замены жестокого режима правления, введенного Муравьевым и продолженного Е. Барановым. Этот факт констатируют российские государственные чиновники:

«С назначением в 1868 г. в Северо-Западный край, вместо графа Е.Т. Баранова, другого губернатора (А. Потапова. — *А.П.*), — влечение католического населения к православию прекратилось, так как новая администрация стала покровительствовать по-

лякам, и ксендзы, начавшие вводить русский язык в проповедь и молитвы, поплатились за эти попытки» (15).

В связи с этим следует вспомнить факт появления в 1870-е годы прошений о пересмотре неправильных присоединений к православию. Правда, такие просьбы удовлетворялись очень редко. Обычно отказ аргументировался так:

> /просители в 1860-е гг./ «...присоединились из латинства в православие, выдав предварительно установленную записку, были у исповеди и святого таинства причастия... и по сношению о том православной консистории, ...римско-католическая консистория исключила их из списков римско-католических прихожан».

Несколько иной была религиозная политика империи среди высших слоев населения региона. Присоединив его к России, имперская администрация столкнулась здесь с неожиданной для себя проблемой: абсолютное большинство местной шляхты и чиновников были не только римско-католического вероисповедания, но и, за малым исключением, получили польское воспитание и образование, считали себя носителями польско-католической культуры. Этот факт подметили уже первые российские чиновники, которые занимались статистическими исследованиями в Северо-Западном крае:

> «...длительное политическое господство Польши и влияние римо-католичества практически уничтожили в этом регионе национальность древнего русского дворянства, которое уже давно присвоило себе, вместе с Католическим исповеданием, польскую национальность» (16).

В первой половине XIX века прямые конфликты между местной шляхтой и российской администрацией в религиозных вопросах были скорее эпизодическими. Действие законов «о совращениях» употреблялось применительно к шляхте намного реже, чем к более низким слоям населения. Хотя иногда имперское руководство занимало в этих вопросах однозначно твердую позицию. Так, дело о переходе из православия в латинский обряд богатой помещицы Елизаветы Вегтковской не только стало известным самому императору Николаю I, но и повлекло за собой ряд правительственных распоряжений в духовной сфере, вести о которых дошли и до Рима (17).

К концу 50-х годов XIX века недовольство местной аристократии политикой России возросло и стало принимать активные формы на бытовом уровне. Среди прочего это проявлялось в неподчинении служебным лицам, и даже в протестах против административного присоединения беларуских земель к России. Так, в 1861 году дворяне Минской губернии во главе с губернским «предводителем дворянства» Лаппой составили обращение к императору Александру II с просьбой присоединить губернию в административном отношении к Царству Польскому. Поводом для такого присоединения было то, что «губерния эта... сплошь заселена католиками и поляками». Такое же обращение было направлено императору дворянским собраниям Могилевской губернии. Впрочем, оба обращения были отклонены, но интересно, что среди подписавшихся под этими прошениями были и «русские (православные. – *Авт.*) дворяне» (18).

П. Брянцев, описавший этот факт, утверждал, что доказательства дворян были «чистейшая ложь: в Минской губернии в то время считалось католиков 168.000, а православных 740.000». Формально данные цифры близки к подлин-

ным (19), но если учесть, что еще два десятилетия тому назад не менее 60 % православных этой губернии были греко-католиками под сильным польско-католическим влиянием, то нетрудно предположить, в какую сторону могли склониться их симпатии в период до земельной реформы 1861 года.

Ситуация существенно изменилась во время восстания 1863–64 гг. Местные дворяне-католики стремились доказать лояльность правительству и начали переходить в православие. Эти переходы приобрели довольно широкие масштабы и часто были настолько спекулятивными, что администрация вынуждена была употребить некоторые ограничительные меры в этой области. Например, в циркуляре председателя виленской следственной комиссии от 8 февраля 1864 года читаем:

> «Заявления о принятии православия со стороны лиц, состоящих под следствием и судом, не должны быть принимаемы во внимание, впредь до окончания производящихся о них делах и следующих по ним конфирмаций, ибо весьма часто преступники-иноверцы прибегают к таковым в надежде смягчить предназначенную меру взыскания, либо же снискания помилования».

Число католиков из высших слоев общества, принявших православие в тот период, довольно значительно. Только за один год (1865–66) в Северо-Западном крае перешло из католичества в православие более 30 тысяч местной шляхты. Несмотря на очевидные мотивы, которые подтолкнули большую часть местной аристократии к принятию православия, в официозных исследованиях XIX века эти переходы подавались приблизительно так:

> «Русское народное сознание пробудилось даже в местном католическом населении. Вскоре после мятежа многие из совращенных в прежнее время и ополяченных местных русских, смущенные позорным участием в мятеже многих из латинско-польского духовенства, почувствовали потребность быть единой веры с Царем-Освободителем. В 1866 году в одной Минской губернии присоединилось к православию 20.705 католиков. В Литовской епархии общее число лиц, оставивших латинство в 1865 и 1866 годах, простиралось до 29.488 душ, для которых учреждено было 19 новых приходов. Принимали православие не только простолюдины, но и лица образованных классов, как напр. князь Радзивилл, князь Любецкий, помещики Лопацинский, Деспот-Зданевич, Белинский, Белнинг, многие чиновники, дворяне и несколько ксендзов».

В некоторых случаях те, кто перешел в православие, стремились перевести в православие еще и крестьян своих поместий. Примером может быть дело о перестройке костёла в церковь помещиком Канчевским (стал православным в 1864 г. – *Авт.*) в его поместье Слободка в 1868 году.

Помимо всего прочего, расширению и укреплению позиций православия в Северо-Западном крае способствовало и то, что царское правительство передавало в собственность помещиков (бывших военнослужащих) из великорусских губерний конфискованные поместья участников восстания. Понятно, что новые хозяева всячески стремились перевести зависимых от них крестьян-католиков в православие.

ИСТОЧНИКИ

1. Литовский митрополит Иосиф Семашко в 1839–1844 г. // Русская старина. 1889, май. С. 317.

2. Там же. С. 319, 322.

3. Протасов Николай Александрович (1799–1855) – граф, генерал от кавалерии, член государственного совета и обер-прокурор Пресвятого Синода. Последнюю должность занял в 1836 г. и оставался на ней до смерти. // Русская старина. 1889, май. С. 314.

4. В 1827 году преподобный Иосиф, который был тогда асессором Католической коллегии от Луцкой епархии, подал на имя директора департамента духовных дел Г.И. Крашевского записку, где обратил его внимание на «тяжелое положение униатов». Эта записка «послужила исходным моментом уничтожения унии» и одновременно проложила дорогу И. Семашко к карьере. Уже в 1829 году он был рукоположен в епископы и получил во время этого православное облачение. В 1831 году Семашко поставили во главе Литовской униатской епархии. В 1833 году при его участии были закрыты 15 базилианских монастырей.

На основе «особой записки» Семашко 13 января 1834 г. появилась секретная инструкция православным епископам региона, утвержденная Николаем I, в которой давались рекомендации по присоединению униатов к православию. 26 мая 1836 г. для подготовки полной ликвидации унии был основан Особый секретный комитет. Наравне с высшими государственными сановниками туда вошел и Семашко. После смерти в 1838 г. униатского митрополита И. Булгака и епископа пинского И. Жарского, какие были против присоединения к православной церкви, Семашко назначили председателем Греко-Униатской Коллегии.

Чтобы сломить сопротивление духовенства беларуской епархии в присоединении к православию, он употребил ряд полицейских мер: священников направляли в другие епархии, переводили в дьяки, отбирали у них приходы, ссылали в монастыри, высылали в великорусские губернии. Такие наказания были применены ко всем 111 священникам, которые подали прошение на имя императора, чтобы их оставили в унии.

12 февраля 1839 года Семашко передал на имя обер-прокурора Протасова «соборный акт» с просьбой присоединения к русской православной церкви. После обсуждения в Пресвятом Синоде Николай I утвердил этот акт 25 марта 1839 г. (См.: Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. СПб., 1902. С. 829-830.)

5. Миловидов А. Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 42.

6. Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния Православной Церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. Москва, 1899. С.164.

7. Коялович М. Состояние православного духовенства на западной окраине России в связи с некоторыми вопросами, касающимися всего русского духовенства // Церковный вестник. С.-Петербург, 1882. № 44. С. 2.

8. Батюшков П.Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. С.-Петербург, 1890. С. 368.

9. Колокол. 1863. 8 марта. № 158. С. 1313.

10. Автором «Мужицкой правды» был один из главных руководителей восстания 1863-1864 г. на территории Северо-Западного края К. Калиновский.

11. Извеков Н.Д. Исторический очерк... С. 268.

12. Интересно, что и сегодня прихожане Селявицкого католического прихода отличаются своей активностью. Уже после «перестройки», как только появилась возможность, они на свои средства построили в деревне Селявичи деревянный костел.

13. В российской юридической терминологии XIX века таким термином обозначалось «отвлечение и отступление от веры» (см. §§ 36-39 в Своде Законов Российской империи. Ч. I. СПб., 1890 (далее – СЗР...). Т. XV. С. 74.

14. Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы Веры и Церкви. Сборник статей 1868-1887 г. Т. I. Москва, 1905. С. 16.

15. Корнилов И.П. Памяти графа М.Н.Муравьева... С. 231–322.

16. Этнографический Атлас Западно-Русских губерний и соседних областей. Составлен Р.Ф. Эркертом, гвардии полковником, действительным членом Императорского Русского географического общества. СПб, 1863. Таб. III.

17. Theiner A. Vicende della Chiesa Cattolica di amehdue i riti nella Polonia nella Russia. Libro quinto. Della Chiesa Cattolica Latina in Polonia e nella Russia. Da Caterina II sino a'nostri di. Lugano, 1843. P. 545.

18. Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 147.

19. См.: Соотношение древле-православных и греко-католических приходов: Зелинский И. Материалы для географии и статистики России, ... собранные офицерами генерального штаба. Минская губерния. Часть 1. Спб., 1864. С. 570. Или см. количество священников Минской губернии разных вероисповеданий в 1834 г. по: Materials to the history of manufacture of White-Russia of the period of the downfall of feudalism № 1 (1796–1840). Minsk, 1934. P. 262.

II. КОГДА-ТО СРЕДЬ НАС ЖИЛИ ЕВРЕИ

ТАЙНА ЕВРЕЕВ АШКЕНАЗИ

Андрей Буровский

С*правка:* По мнению отечественных историков, евреи и хазары (те из них, кто исповедывал иудаизм) начали селиться в княжествах Руси еще в IX веке. В то время они прибывали сюда с территории бывшего Хазарского каганата.

Первые письменные упоминания о евреях в ВКЛ – это грамоты князя Витовта, выданные в 1388 и 1389 гг. евреям Берестья (Бреста) и Гародни (Гродно).

К 1560 году численность евреев в ВКЛ достигла 20 тысяч человек, к 1628 – 40 тысяч, к 1788 – 157 тысяч. А через 110 лет, по данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в пяти беларуских губерниях проживали 1.202.129 евреев. Они составляли 14,1 % всего населения Северо-Западного края и 35,9 % городских жителей.

По состоянию на январь 1939 года в тогдашней маленькой БССР было 375 тысяч евреев. После присоединения Западной Беларуси их численность возросла примерно в два с половиной раза.

Холокост, а затем эмиграция привели к тому, что еврейское население Беларуси с 1941 года неуклонно сокращалось. В 1950 году – около 150 тыс. чел., в 1970 – 148 тыс., в 1979 – 135 тыс., в 1989 – 112 тыс., в 1999 – около 28 тыс., в 2009 году – 18,5 тыс. (0,2 % населения страны).

Таким образом, евреи в Беларуси фактически исчезли. Но не следует забывать, что свыше 500 лет их присутствие в нашей стране было весьма ощутимым.

1. Откуда в Польше евреи?

Простота и понятность

Ашкенази – это евреи Восточной Европы, то есть говорящие на идиш обитатели Польши, Летувы, Беларуси, Украины, Словакии, Венгрии, Молдавии, Румынии, Болгарии. Происхождение этой ветви еврейства, составлявшей до 1939 года две трети всех евреев мира, до сих пор остается загадочным. Все просто и понятно только на первый взгляд:

«Монгольское нашествие в XIII веке оставило Польшу без организованной и признанной системы централизованной власти. Лишь во второй половине XIII века положение в Польше стало стабилизироваться, постепенно начали набирать силу местные князья. Для укрепления экономики государства польские короли стали приглашать переселенцев из более развитых стран, в основном из Германии. Они были

По материалам издания: Буровский А.М. Евреи, которых не было. Книга 1. Москва – Красноярск, 2004, с. 316–390.

очень заинтересованы в росте городов, развитии ремесел и торговли, поскольку население Польши было, главным образом, крестьянским. Поэтому торговцам и ремесленникам предоставлялись особенно выгодные условия. Тысячи и тысячи немцев начали переселяться на восток, а с ними и многие евреи, которым были обещаны особые привилегии.

Поначалу евреи жили в больших городах и в областях, примыкавших к немецким княжествам, откуда они прибыли. Постепенно, освоившись в стране и вследствие притока все новых еврейских переселенцев, они стали перебираться в другие районы. В конце XIV века много евреев поселилось в Литве...» (8, с. 158).

«Вслед за немцами они были вторым по важности переселенческим элементом, восстановившим польские города, разрушенные татарскими полчищами» (8, с. 268).

Выходит, что «еврейское население Восточной Европы представляло собой в основном лишь ответвление западноевропейского еврейства» (18, с. 292).

В общем, вполне логичная картина. Ее не меняет тот факт, что «еврейская община Польши начала формироваться еще до изгнания евреев из Западной Европы. Уже в 1264 году, за 20 лет до изгнания их из Англии, в Польше были даны привилегии евреям всей западной части страны» (12, с. 157).

/Ведь/ «немецкие евреи, спасаясь от грабежей крестоносцев, осели в Польше уже к 1100 году. Здесь они процветали. Все больше и больше евреев бежало из Германии и Австрии в Польшу, где их принимали с распростертыми объятиями. Король Болеслав V даровал евреям либеральную привилегию самоуправления» (8, с. 309).

«Полагают, что уже со времен Карла Великого еврейские купцы из Германии приезжали в Польшу по делам, и многие там оставались на постоянное жительство» (9, с. 381).

Предположение логичное, но только на правах гипотезы. Потому что лично я понятия не имею, кто из ученых так «полагает». Не встречал я книжек по этому вопросу, где кто-то всерьез утверждал нечто подобное. А если Соломон Дубнов может назвать имена этих «полагающих», то интересно было бы узнать, на какие документы они опираются. Потому что документов нет. Есть фольклор.

Если все так просто и понятно, то почему авторитетная книга говорит:

«О том, как и когда евреи появились в Польше, не существует единого мнения — это событие окутано легендами, мифами и вымыслами» (15, с. 16).

Ее автор Джон Дойл Клиер входит в число наиболее авторитетных еврейских историков. При этом он наименее идеологичен. И именно он отказывается дать однозначное объяснение появлению евреев в Королевстве Польском, а также предложить какие-то определенные даты. В чем же загадка?

Переселение непереселившихся

Первая часть загадки в том, что переселяться на восток было некому. В своей книге доказательству этого тезиса я посвятил 8 страниц, здесь же выскажусь очень кратко.

Во всех городах Германии, Англии, Франции, Швейцарии речь идет об очень маленьких еврейских общинах. Их всегда было мало севернее Пиренейских гор и берегов Средиземного моря. К моменту падения Римской империи евреев было много лишь вокруг этого моря: в странах Италии, Испании, Северной Афри-

ки, на Ближнем Востоке; там и климат привычный, и с местным населением давно установились сравнительно стабильные отношения.

Сколько было евреев в Испании XIV века, трудно сказать; называют цифры от одного до двух миллионов. Если учесть, что в Испании жило всего 8 миллионов человек – христиан, мусульман и евреев,– то процент очень высокий.

Еврейский погром во Франкфурте в 1614 г.

В 1391 году в Испании начались спровоцированные монахами нападения на евреев. Цель гонений сводилась к тому, чтобы крестить всех евреев, этих врагов Христа! Известно, хотя бы примерно, число убитых и крестившихся. Убито было около десяти тысяч, крестилось примерно полмиллиона человек. Сколько бежало в Португалию, Марокко и Алжир, никто точно не знает. Счет шел на сотни тысяч.

Крещеных евреев испанцы называли «марранами», то есть «отверженными», а сами евреи – «анусим», что значит «невольники». Общее число марранов и людей смешанной крови в тогдашней Испании историки определяют в интервале от 600 тысяч до миллиона.

Наконец, в 1492 году король Фердинанд, подстрекаемый главой инквизиции Фомой Торквемадой, решил изгнать из Испании тех евреев, которые еще придерживались веры своих предков. Их набралось примерно 300 тысяч. Около 100 тысяч изгнанников добралось до Турции, столько же осело в Северной Африке, примерно 100 тысяч либо погибли, либо были проданы в рабство в страны Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока.

Итак, большинство из 300 тысяч евреев, изгнанных из Испании, а также 100 тысяч изгнанных в те же времена из Франции, перебрались в страны вокруг Средиземного моря. Лишь очень небольшое число французских евреев направило свои стопы с юга страны в далекую Германию. Впрочем, большинство беглецов из Франции осело в Эльзасе и Лотарингии, то есть на территории, пограничной между Германией и Францией.

Появление этих евреев в Германии не прошло бесследно, так как городские архивы здесь всегда содержались в порядке. Хорошо известно, какие именно евреи и в каком числе прибыли в немецкие города. Например, общину во Франкфурте-на-Майне основал раввин Элиазар бен Натан, который пришел сюда с семьей из Майнца в 1150 году. Такая же точность царит во всех остальных случаях. Цифры набираются совершенно ничтожные. Ведь Германия для евреев была холодной и дикой страной, где они селились не от хорошей жизни.

Итак, чем дальше от берегов Средиземного моря, тем меньше евреев. Вдобавок огромную разрядку в этом малолюдстве произвели погромы XI–XIII веков, а также пандемия чумы в XV веке.

Евреи, изгоняемые из Франции, Англии и Нидерландов увеличили число немецких евреев максимум на 30 тысяч человек. Во Франкфурте, признанной столице немецких евреев, в 1499 году их было всего 1543. Эти цифры включают всех евреев, в том числе младенцев (25, s. 48). Как видим, в XIV–XV веках в Германии жило очень мало евреев.

В Новое Время евреям разрешили вернуться в Англию и Нидерланды, и это тоже хорошо документировано. В Англии группа революционных офицеров приняла решение о широкой веротерпимости, «не исключая турок, и папистов, и евреев». 12 ноября 1655 года Оливер Кромвель поставил перед Национальной ассамблеей вопрос о допущении евреев в Англию без ограничений в правах. Из Испании в Англию перебралось несколько десятков тысяч марранов.

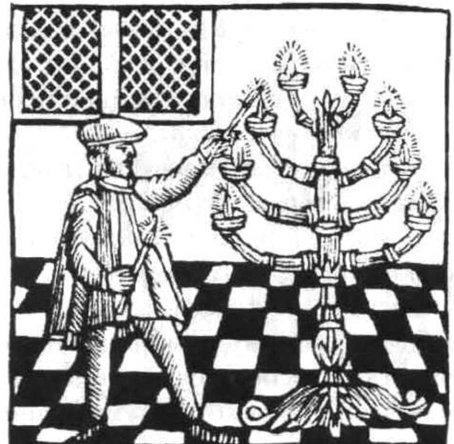
Во Франции с 1648 года, после присоединения Эльзаса по Вестфальскому миру оказались местные евреи, от 20 до 30 тысяч человек. Вскоре после этого правительство разрешило въезд в страну итальянским и испанским евреям. До 1700 года их приехало столько же, сколько было «трофейных» евреев в Эльзасе в 1648 году.

Как видим, в средиземноморских странах евреев было много, а в Германии очень мало. Несмотря на это, многие ученые не сомневаются в том, что именно с территории Германии шло еврейское заселение Польши. Но вот какая интересная деталь: переселение в Германию и Голландию документировано, указан чуть ли не каждый переселенец, при необходимости можно поднять архивы и установить имена многих переселенцев. А переселение в Польшу не документировано никак. Нет конкретных сведений о том, какие семьи и когда переехали в тот или иной польский город.

Может быть, дело в напряженных отношениях между Германией и Польшей? Но Германия как единое государство возникла только в XIX веке. До того каждое княжество проводило свою политику, далеко не всегда враждебную Королевству Польскому. Кроме того, многие города имели самоуправление (Магдебургское право) и вели свои архивы. Никогда ратуша таких городов не допустила бы, чтобы граждане уехали, а их отъезд не учли. Да и не было никаких причин не отметить,

Богослужение в синагоге

Праздник Ханука

что, скажем, «двадцать семей евреев в 1240 году переехали из Магдебурга в Краков». Но таких документов нет.

И самое главное – численность евреев в одной только Польше, без Руси (Украины) и Литвы (Беларуси) к 1400 году составила не менее 100 тысяч человек. К 1500 году их уже сотни тысяч. Каким образом крохотные германские общины могли создать столь огромное сообщество? Численность польских евреев (якобы переселенцев) значительно больше, чем в стране, откуда идет расселение!

Кто такие ашкенази?

Вообще-то Ашкеназ – это Германия на иврите. Ашкенази – немецкие евреи. Правда, автор статьи в журнале «Лехаим» относит к ашкенази не всех немецких евреев, а только «тех, кто говорит на идиш» (24, с. 40).

Но это очень сомнительно. Ведь понятно, что Элиазар бен Натан, пришедший во Франкфурт из Майнца в 1150 году, говорил не на идиш (тогда и немецкого-то языка еще не существовало), а объяснялся на иврите и латыни.

Впрочем, авторитетная книга по истории евреев понимает слово «ашкенази» еще шире! В ней написано следующее:

> «Еще в период Крестовых походов ашкеназские евреи устремились на восток – а затем и в славянские страны» (18, с. 341).

То есть для авторов этой книги «ашкеназские евреи» – вообще все евреи, жившие в христианской Европе, в том числе в Западной Европе.

Так думают не только они. В учебнике, который я цитировал в самом начале статьи, на странице 156 помещена странная карта. В ней показано стрелками: из Испании в Северную Африку, Францию и Англию приезжают сефарды. В Африке они так и остаются сефардами, а вот из Франции и Англии в Германию тянутся уже ашкенази... (12, с. 156).

То есть авторы учебника всерьез полагают, что сефарды, переселяясь в XI–XII веках в Англию, каким-то таинственным образом становились ашкенази и в 1290 году покидали эту страну уже в новом качестве. Для любого историка или этнографа это крайне сомнительно.

Если использовать самый надежный признак народа – язык, то получается, что сефарды (тот еврейский народ, который сложился в Испании в VII–VIII веках) существовали по крайней мере до XVII века. Именно они заселяли христианские страны Европы.

Однако сефарды вовсе не тождественны ашкенази. Более того – не тождественны и евреям Германии! Евреи, поселившиеся в Германии с давних времен или бежавшие туда из Англии и Франции, превратились в другую этнографическую группу. Они говорили на немецком языке и вели себя, одевались и даже молились не так, как сефарды.

Ашкенази – это самоназвание польско-украинско-литовских евреев, которое никогда не использовали немецкие евреи. Ашкенази говорили на идиш, а не на немецком – это хотя и родственные, но разные языки. И они не только говорили, но и вели себя, одевались и молились не так, как германские евреи или сефарды.

Современные еврейские ученые не отрицают существование разных еврейских этносов – они просто их не замечают, не вдаваясь в полемику. Им удобно использовать слово «ашкенази» для обозначения всех евреев, которые жили в христианских странах Европы. Но такое употребление термина вносит большую путаницу, так как исчезают серьезные различия между разными еврейскими народами.

На мой взгляд, общая схема такова: античные евреи (жившие в Римской империи) расселялись в Галлии и Британии еще во II–III веках после Р.Х. Следующая волна расселения состояла из сефардов – выходцев из мусульманских стран (в первую очередь из Испании, из Кордовского халифата), говоривших на языке спаньоль (т. е. из прямых потомков античных евреев). Эта волна только в Италии столкнулась с многочисленным еврейским населением, которое уже имело собственный язык ладино. Во всех других странах христианской Европы сефарды теряли свою прежнюю идентичность евреев Средиземноморья. В Германии евреи перешли на немецкий язык, используя иврит только как культовый, священный язык.

Конечно, это лишь схема, но как ее ни уточняй – мы видим потомков тех, кто пришел с берегов Средиземного моря. Нам ничего не известно о еврейских переселенцах в Европу из Византийской империи или из Персии.

И точно так же мы должны сказать: евреи из Германии никак не могли создать еврейскую общину в Восточной Европе. Там явно жили совсем другие евреи. Тем более, что в Польше еврейское население было еще до Крестовых походов...

Древнее еврейское население Польши

Существует предание, что около 842 года умер польский князь Попель. На вече в Крушевице поляки долго спорили, кого избрать новым князем, и договорились решить дело своего рода «божьим судом»: пусть князем будет тот, кто утром первым придет в город. Этим первым оказался старый еврей Абрам Порохувник. Но он не согласился стать князем и отдал свой жребий деревенскому колеснику Пясту: мол, Пяст тоже умный человек, и он достойнее. Такой поступок не противоречил морали польских язычников и был им вполне понятен.

Я хочу обратить внимание читателя на важное обстоятельство: этот Абрам – еврей со славянской кличкой (или даже с родовым именем) Порохувник, – то есть Пороховник. Судя по отношению поляков к нему, он если и пришелец, то давний, привычный, с устоявшейся и хоро-

Восточные евреи. XVIII век

шей репутацией. А может быть, и потомок переселенцев в нескольких поколениях. Стало быть, и лично Порохувник, и евреи вообще принадлежат к числу знакомых, не вызывающих раздражения. То есть и евреи, и поляки ведут себя в этой истории так, как ведут себя представители двух коренных племен, давно изучившие друг друга.

Есть и другая легенда, что будто бы около 894 года явились из Германии евреи к польскому князю Лешеку и просили допустить их в Польшу. Лешек расспросил делегатов об иудейской религии и дал согласие. Тогда, мол, многие евреи и переселились в Польшу.

Пересказывая эти откровенно легендарные истории, С.М. Дубнов внезапно переходит к тону, каким впору повествовать о реальных исторических событиях, которые хорошо документированы:

> «Движение евреев в Польшу усилилось с конца X века, когда польский народ принял христианство и тем связал себя с западной католической церковью и западными народами, среди которых евреи жили в значительном числе» (9, с. 380).

В этих словах все вызывает удивление, так как нет оснований утверждать нечто подобное. О переселении евреев в Польшу в X или XI веках у нас сведений не больше, чем о биографии и деяниях Абрама Порохувника.

Разумеется, нет ничего странного в том, что уже в раннее Средневековье евреи могли оказаться в Восточной Европе. То, что здесь было древнее еврейское население, не противоречит более поздним волнам расселения из Германии. Ну, было какое-то очень древнее расселение, может быть из Византии. Жили евреи среди полудиких славянских племен, несли им свет цивилизации, насколько могли и насколько местные воспринимали. А потом начались Крестовые походы, и евреи побежали на восток толпами. Волны изгнаний из Англии и Франции XII и XIV веков – вот вам и новая волна переселений в Польшу.

Вполне логично, только принять эту схему мешают четыре обстоятельства:

1. Судя по древним легендам, к евреям в Восточной Европе относились не как к пришельцам, а как к одному из местных (коренных) народов. Может, это связано с тем, что славяне были тогда еще язычниками? Их еще не просветили, кто распял Христа и выпил кровь у христианских младенцев. Возможно, но все же есть в этих легендах некая странность.

2. И гораздо позже, на протяжении всей своей документированной истории (то есть с XII–XIV веков), евреи Восточной Европы вели себя иначе, чем западные. Они жили в сельской местности, но занимались не сельским хозяйством, а ремеслами, торговлей и торгово-посреднической деятельностью. То есть, были своего рода прослойкой между крестьянами и горожанами.

3. У евреев Восточной Европы есть свой особый язык, происхождение которого загадочно. Нигде на Западе не говорили на идиш.

4. Евреи Западной Европы гораздо малочисленнее восточных. Трудно представить себе демографический взрыв, который за десятилетия превратил бы переселенцев из Германии, эти тысячи семей, в сотни тысяч евреев Польши.

Поэтому рассмотрим странности, которых мы пока не касались: язык идиш и поведение восточных евреев.

Таинственный идиш

Язык восточных евреев очень близок к немецкому. Как спаньоль произошел от испанского, а ладино – от латыни (или итальянского), так идиш произошел от немецкого. Авторитетный справочник утверждает:

> /Идиш/ «начал складываться в XII–XIII вв. в Германии, где имелись большие поселения евреев, пользовавшихся в обиходе немецкой речью с употреблением древнееврейских слов и оборотов для обозначения религиозных, культовых, судебных, моральных и др. понятий.
>
> С переселением массы евреев в Польшу и другие славянские страны (XV–XVI вв.), в идиш стали проникать славянские слова и морфемы. Разговорный идиш распадается на три диалекта: польский, украинский и литовско-белорусский (эти названия условны, так как не совпадают с границами данных территорий)» (11, с. 42–43).

Неплохо было бы изучить самые ранние тексты на идиш, написанные еще в Германии, до начала влияния на него славянских языков: многое стало бы ясно. Но таких текстов просто нет. Никто не видел текстов, написанных на идиш в Германии, без поздних славянских примесей. То есть, не существуют тексты, написанные в Германии в XII–XIII веках, когда идиш якобы «начал складываться», или хотя бы в XIV веке.

Все тексты на идиш известны только с территории Речи Посполитой, все они появились не раньше XVI века. Уже самые первые из них отражают заим-

ствования из славянских языков. Следовательно, происхождение идиш не указывает на миграцию евреев из Германии.

При том идиш распространен по всей Речи Посполитой – и в самой Польше, и в Руси (Украине), и в Литве (Беларуси), но возникнуть он мог только в Польше, и только в период с XIV по начало XVI века. Дело в том, что польские города, включая Краков, формировались как немецкие. Только в тот период горожане в Польше говорили на немецком языке (или на смеси немецкого с польским), а позже города стали полностью польскими – кроме еврейских кварталов.

Отметим, что города Поморья (севера нынешней Польши) находились на территории Тевтонского ордена. Смешения немецкого с польским там не происходило, ассимиляции немцев поляками не было. Поляки могли сколько угодно называть Данциг Гданьском, но он оставался чисто немецким городом по языку, составу населения, политической ориентации.

Идиш определенно появился на юге Польши и оттуда распространился в Русь (Украину) и Литву (Беларусь). Говорит ли это о перемещении евреев из Польши на восток? Или заимствовался только язык?

Различия между западными и восточными евреями есть даже во внешности. В Западной и Центральной Европе евреи меньше отличаются от местного населения, чем в Восточной. Еще больше различий в хозяйстве.

> «В XV веке в Южной Германии, в Моравии, Богемии евреи стали заниматься виноторговлей в сельских областях. То есть часть из них стала расселяться по небольшим городкам и селам. Там они занимались посредничеством в оптовой торговле... Евреи скупали лен, шерсть и другое сырье и перепродавали их городским оптовикам. Так начался новый этап экономической деятельности евреев в Германии, формы которой стали впоследствии наиболее характерны для экономики Польши и Литвы, куда с XV века устремились немецкие евреи» (8, с. 292).

То есть лишь небольшая часть западных евреев вела тот же тип хозяйства, который вели восточные евреи на протяжении всей своей истории.

Наконец, есть серьезные отличия в местных версиях иудаизма и в обычаях. Это различия на этническом уровне!

Выходит, что польско-украинско-литовские евреи составляют какую-то особую группу. Эта группа не могла возникнуть вследствие переселения из Германии. Может быть, в формировании польских евреев приняли участие евреи Юго-Западной Руси? Ведь евреи жили здесь задолго до того, как о них стали упоминать поляки.

2. Евреи Древней Руси

В Киевской Руси

Еще в 137 году появилась еврейская колония на Таманском полуострове,— император Адриан сослал туда еврейских пленников после восстания Бар-Кохбы. «Евреи держались и под готами, и под гуннами»,— констатирует Солженицын (21, с. 13). Видимо, он имеет в виду тот факт, что евреи не растворились между другими народами до 933 года, когда князь Игорь временно захватил Керчь и вывел оттуда евреев в Киев.

В Киеве часть города называлась Козары,– наверное, там селились хазары, а ведь они приняли иудаизм. Игорь поселил пленных из Керчи в Козарах. Там же он поселил пленных из Крыма в 965 году, в 969 – хазар из Семендера, в 989 – евреев из Корсуни (Херсонеса), в 1017 году – евреев из Тмутаракани.

Возникла своего рода сборная солянка из византийских евреев и хазар, а в нее добавлялись еще и западные евреи – в силу того, что город стоял на караванных путях. Возможно, сюда добрались беженцы от первого Крестового похода 1095 года (10, с. 516).

Впрочем, историк Авраам Гаркави думал, что еврейская община в Юго-Западной Руси «была образована евреями, переселившимися с берегов Черного моря и с Кавказа, где жили их предки после ассирийского и вавилонского пленений» (17, с. 40).

Гаркави считал, что эти евреи, вообще не испытавшие влияния античной культуры, проникли на Русь (Украину) задолго до падения Тмутаракани от половцев (1097 год) и что по крайней мере с IX века они говорили на славянском языке. Мол, только когда они бежали в XVII веке от погромов казаков Хмельницкого в Польшу, тогда заговорили на идиш. Многое в схеме Гаркави неприемлемо – например, тексты на идиш известны с XVI века, за 100 лет до «хмельничины». Но разве среди евреев Киева не могло быть – кроме «трофейных», захваченных князем Игорем – еще и добровольных переселенцев с Кавказа?

Может быть, «в Киевскую Русь шли еврейские переселенцы из ближних азиатских земель» (9, с. 380). Ведь в Вавилонии (нынешнем Ираке) и Персии (нынешнем Иране) с древнейших времен жили «бесчисленные десятки тысяч иудеев, и невозможно установить их число» – по словам Иосифа Флавия, еврейского историка второй половины I века нашей эры. Эти десятки тысяч в VIII–X веках переселялись на Северный Кавказ, в Дагестан и вполне могли перемещаться на Русь.

Синагога во Львове, построенная в XV веке

Во всяком случае, Киев IX–XIII веков был городом многонациональным – благодаря пути «из варяг в греки» и караванным дорогам. И в этом городе «в первой половине XI века еврейский и хазарский элемент... играл значительную роль» (23, с. 340). В 987 году, когда князь Владимир выбирал веру, недостатка в евреях здесь не было.

По мнению Ю. Бруцкуса, во время массового насильственного крещения в Киеве в 988 году тогда же крестилась часть «козарских евреев» (4). Очень может быть, что из этих «козарских евреев» происходил Лука Жидята – новгородский епископ в 1036–60 годы, автор знаменитого «Поучения к братии», инициатор строительства Новгородской Софии.

В том же Киеве «в новых городских стенах (закончены в 1037 г.) имелись Жидовские ворота, к которым примыкал еврейский квартал» (22, с. 253). Киевские князья использовали евреев примерно так же, как немецкие,— то есть покровительствовали в обмен на денежные дотации.

В 1113 году, в междуцарствие, Владимир Мономах медлил занять киевский престол, и в эту пору безвременья киевляне поднялись на бунт. Побили они многих ненавистных за «неправды» бояр, а также часть «жидов».

Некоторые ученые, модернизируя события, называют эти беспорядки погромами. В действительности они были лишь косвенно направлены против евреев, причем протест вызывала только их экономическая деятельность, точнее то, что евреи выступали проводниками ненавистной соляной монополии, установленной Святополком II, «сидевшим на столе» в Киеве в 1093–1113 гг.

> «...потом Жидов многих побили и домы их разграбили за то, что сии многие обиды и в торгах христианом вред чинили. Множество же их, собрався к их Синагоге, огородясь, оборонялись, елико могли, прося времени до прихода Владимирова». А когда Владимир Мономах подошел, «просили его всенародно о управе на Жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть... Они же многих прельстили в их закон». (13, с. 45).

Владимир ответил киевлянам так:

> «Понеже их /жидов/ всюду в разных княжениях вошло и поселилось много и мне не пристойно без совета князей, паче и противно правости... на убивство и грабление их позволить, где могут многие невинные погибнуть. Для того немедленно созову князей на совет» (22, с. 129).

Еврейские похороны

Отмечу приоритет закона, действовавший в Древней Руси, и поведение князя, который опасается гибели невинных. И еще отмечу, что еврейский погром был вызван жадностью князей. Стремясь получить больше денег, они покровительствовали евреям, а те преступали обычаи и законы не только из жадности, но и потому, что понимали – их пребывание в Киеве и благополучие прямо зависит от сумм, переданных князю.

На княжеском совете было решено ограничить размер процентов при займе, что внесли в соответствующие главы Русской Правды и Правды Ярославичей. Карамзин пишет еще, что по решению совета Владимир «выслал всех жидов; что с того времени не было их в нашем отечестве» (13, с. 89). Но, видимо, он выдал желаемое за действительное, потому что в летописях упоминается, что в 1124 году в большой пожар «погорели Жиды в Киеве».

Были евреи даже в Северо-Восточной Руси (будущей Московии), тогда мало заселенной и дикой. У владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского был, по крайней мере, один приближенный еврей, Ефрем Моизич, то есть Моисеевич (20, с. 546).

Известно, что при Андрее Боголюбском «приходили из Волжских областей много Болгар и Жидов и принимали крещение», а после гибели Андрея (в 1174 г.) его сын Георгий сбежал в Дагестан к еврейскому князю. Кто этот загадочный «еврейский князь», приютивший у себя русского княжича, мы выясним позже.

Или вот история о встрече Ильи Муромца с Жидовином*. При советской власти эту былину старательно изымали из сборников, но теперь нам дозволено знать, что как-то Добрыня Никитич «видит в поле следы от копыт громадные: каждый след величиной с полпечи. Присматривается Добрыня к следу, говорит себе: «Это, видно, Жидовин, чужой богатырь, заехал в наши вольные степи из земли жидовской» (1, с. 53).

Этот Жидовин – настоящий богатырь, ничем не хуже Ильи Муромца – «чернеется громадное: конь как гора, на нем богатырь, словно сена копна, – не видать лица под меховой шапкой пушистой». Палицей он играет «весом в девяносто пудов». Одолев Жидовина, Илья Муромец говорит:

> «Тридцать лет езжу я в поле, братцы мои названные, а такого чуда еще ни разу не наезживал!»

* * *

Как видим, евреев на Руси было немало, знали их хорошо.

Евреи жили на территории восточных славян со времен Киевской Руси. Происхождение еврейства Древней Руси смешанное – это и хазары, и античные евреи из византийских земель, и переселенцы с Кавказа, из Персии, с Поволжья**. Западные евреи если и прибывали, то в минимальном количестве.

В Киеве IX–XIII веков евреи занимали вполне престижное положение. Влияние их на культуру Киевского княжества несомненно.

3. Химерические хазары, или хазарские химеры

Степная империя

Вероятно, многие вопросы снимает изучение Хазарской империи. Это была удивительная степная империя. Ее официальной религией стал иудаизм.

Происхождение племени хазар чаще всего связывают с гуннами – мол, они были одним из племен гуннского племенного союза и пришли вместе с ними. Л.Н. Гумилев считает хазар «потомками гуннских мужчин, которые взяли сарматских жен». Это вполне вероятно, хотя и недоказуемо.

Известно, что хазары и болгары – племена родственные и говорили на тюркских языках. Также известно, что в 571 году Западный тюркский каганат подчинил племена болгар и хазар. Примерно в 650 году хазары отделились от кагана-

---

* Богатырь-жидовин несомненно хазарский воин. – *Прим. ред.*

** Любопытная деталь: По дореволюционному словарю В.И. Добровольского («Словарь русских фамилий, прозвищ, имен»), слово *мордвин* означало в XVII веке *последователь Мордухая* и употреблялось в Московском государстве в смысле *еврей*. Территория нынешней Мордовии была тогда центром *иудаизма* со столицей в городе *Инсерат* (на иврите Насерат – Назарет), ныне это Саранск на реке Инсар, поселками *Кадышево* и *Кадошкино* (от евр. *кадыш* – святой), с деревнями типа *Хананеевка* (т.е. где живут библейские *хананеи*), и т.д. – *Прим. ред.*

та и создали свое государство. Называлось оно Хазарский каганат, а глава государства был каганом.

Хазары то ли сами изобрели, то ли заимствовали у кого-то кольчугу. Прочный пластичный доспех, спускавшийся до колен, был не хуже, чем у европейского рыцаря. Тяжелые всадники на могучих конях, с длинными копьями и саблями стали завоевывать пространства.

Хазары обосновались на стыке степей Северного Кавказа, Каспийского моря и плодородных земель нынешнего Северного Дагестана.

Степи короткой теплой зимой наполняли огромные стада: тут лежали зимние пастбища, на которые отгоняли скот со всех степей восточнее Дона и до Урала. А вдоль Каспия с одной стороны море, с другой – горы. Между морем и горами лежит благодатная земля с субтропическим климатом: город Семендер, столица Хазарского каганата, славился садами. Сам по себе стык земель с разным климатом и типами хозяйства – прекрасное место для развития культуры. К тому же здесь вдоль моря вьется древняя торговая дорога – Каспийский проход. Проход соединял степи Северного Кавказа с цветущей долиной Куры в Азербайджане.

Семендер стоял на перекрестии караванных путей из Персии и Средней Азии в Восточную Европу. Из дремучих лесов по Каме и Волге везли шкуры, кожи, мед, золото. Рудники Южного Урала поставляли бронзу высокого качества. В бесконечных междоусобных войнах степняки захватывали рабов.

К 700 году хазары владели всем Северным Кавказом, Приазовьем, большей частью Крыма, степью и лесостепью Восточной Европы вплоть до Днепра.

Сами хазары в большинстве своем оставались кочевниками-скотоводами. Земледелием занимались в основном бедняки – те, у кого не было скота. Но и на Северном Кавказе и в Дагестане жили многочисленные древние народы земледельцев. В Хазарском каганате официальным языком был хазарский, а хазары – привилегированным народом. Поэтому местное население при малейшей возможности называло себя так же – хазары.

Происходило то, что тысячу раз уже происходило в других империях. Сколько турок, ушедших за ханом Османом, вторглось в Малую Азию? Не более 100 тысяч человек. Сколько византийцев жило на полуострове Малая Азия? Не меньше 6 миллионов. Но турки были завоеватели, они стали главные, и в результате потомки византийских греков до сих пор называют себя турками. Орда тюрок, пересекшая Дунай, не насчитывала и 200 тысяч человек, а славян задунайских было около двух миллионов. Славяне к тому же были несравненно культурнее завоевателей, и тюркский язык дикарей-скотоводов растворился в стихии славянского. Но потомки славян, попавших в подчинение тюркам-болгарам, стали называть себя болгарами.

Так и здесь: число хазар росло намного быстрее, чем они могли размножиться сами. К тому же до середины VIII века империя только расширялась.

Угрозы извне

С 640 года Закавказье было охвачено пожаром войны с мусульманами. Если мусульмане поначалу не шли на Хазарию, то не по доброте душевной – у них просто еще не было сил. А вообще-то они вели священную войну (газават), они хотели покорить весь мир и заставить его принять ислам. После серии мелких сты-

чек, которые хазары вели на чужой территории, в 692 году арабский полководец Мухаммед ибн-Огбай ответил большим походом и взял Дербент. Последовал ряд войн, в которых арабы побеждали чаще: они были и многочисленнее, и лучше подготовлены, чем хазары.

Наконец, в 735 году мусульмане вторглись в Хазарию через Каспийский проход и ущелье Дарьял. Вел их войска Мерван, родственник калифа, и поступил он по-восточному хитро: предложил хазарам заключить мир. Стороны обменялись послами, но хазарского посла Мерван задержал и отпустил на свободу, когда его армия была уже в двух шагах от Семендера.

Каган так испугался, что немедленно бежал, не пытаясь сопротивляться; армия завоевателей только преследовала хазар, занимала их города и грабила в свое удовольствие. А когда хазарская армия, опомнившись, пошла по левому берегу Волги параллельным курсом с арабами, Мерван выбрал момент и темной ночью переправил свою армию по понтонному мосту. Внезапный удар по спящему лагерю хазар — и за несколько часов все было кончено.

Но вскоре выяснилось, что «арабы, не обладая значительными силами, не захотели остаться в стране, им не понравилась холодная и мрачная северная земля» (19, с. 41). «Холодная и мрачная земля» — это сегодняшние Кубань и Ставрополье. Что ж, арабы привыкли к субтропикам, им там нравилось больше. Зимние ночи на 45-й параллели казались им просто жуткими.

Мусульмане воевали не для того, чтобы подчинить себе хазар или уничтожить их страну, а жителей продать в рабство. Они воевали, во-первых, чтобы прекратить их набеги; во-вторых, чтобы вовлечь Хазарию в число мусульманских стран. Единственное условие, которое предъявили арабы поверженному кагану — принять ислам вместе с придворными. Кагану пришлось согласиться. Муллы запретили пить вино и есть свинину, разъяснили основные положения своей веры — и мусульманская армия с множеством пленных и возами награбленного имущества пошла назад.

Выбор веры

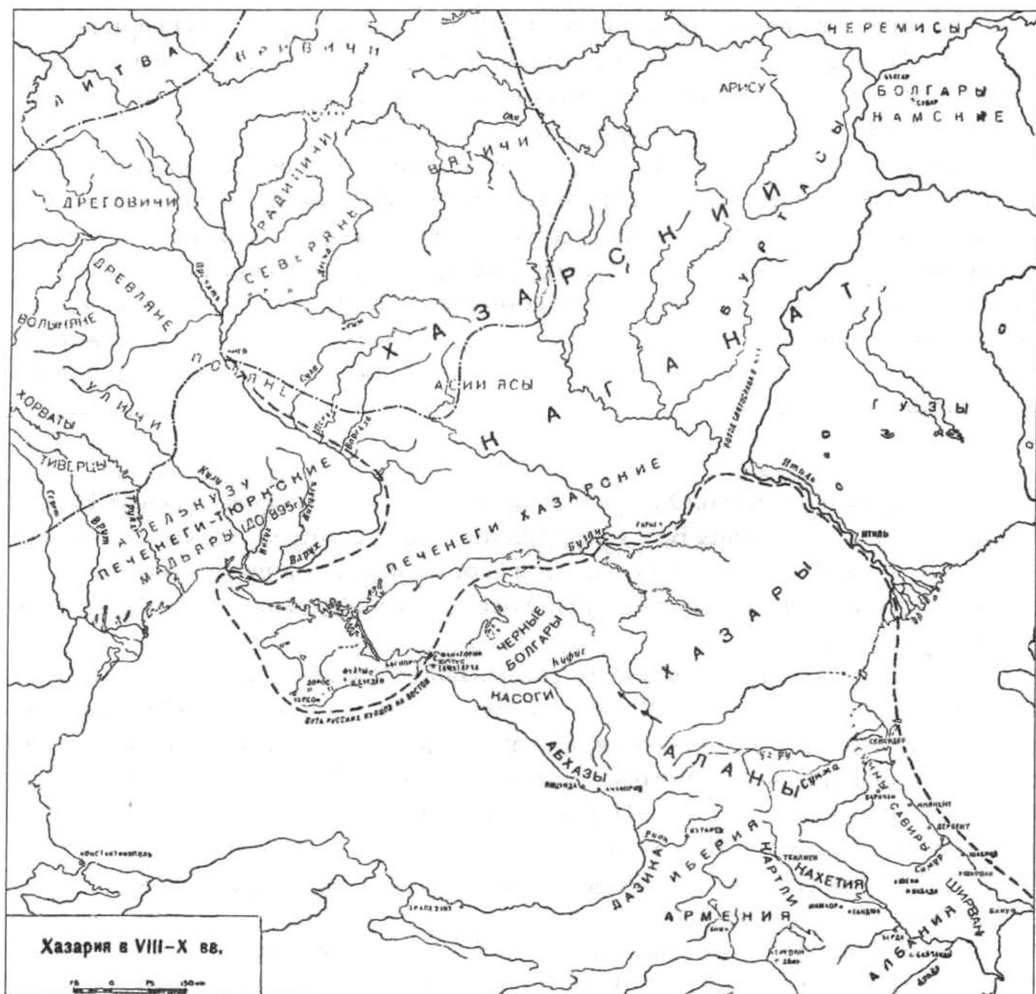
Примерно в то же время Хазарский каганат резко сдвинулся на север. Новая столица Итиль в низовьях Волги постепенно стала важнее Семендера, население уходило на Нижнюю Волгу и на Дон — особенно к той части излучины Дона, которая ближе всего к Волге. Люди хотели уйти подальше от мест, слишком доступных для мусульман.

Мне трудно разделить мнение, высказывавшееся и М.И. Артамоновым (2, с. 12), и С.А. Плетневой (19, с. 42), что Хазария для стран Восточной Европы стала неким щитом, заслонившим Европу от мусульман. С тем же успехом можно считать ее спасительницей стран Востока от византийской или от славянской агрессии. Ведь хазарский царь Иосиф писал министру калифа Испании Абдуррахмана III, Хасдаи ибн-Шафруту:

> «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним (то есть к мусульманам. — Авт.). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я оставил их в покое, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада».

Судьба Хазарии скорее как раз в том, что она была промежуточной страной, жители которой постоянно воевали за чужие эгоистические интересы (точно как и жители Беларуси. – *Прим. ред.*).

В странах, которые завоевали хазары, особенно в Крыму, было много христиан. На этих землях византийские священники даже создали особую митрополию из 7 епархий. Византийцы постоянно использовали христианство для усиления своего влияния в Хазарии. Стоило готам в Крыму подняться против хазар, и византийцы уже были готовы принять готов в свое подданство. Не получилось – хазары разгромили повстанцев, казнили главарей, за исключением епископа Иоанна Готского, за которого очень просила Византия. Но стоило хазарам пощадить Иоанна, как византийцы тут же занялись интригами чтобы расширить влияние христианской церкви в каганате, а Крым вообще присоединить к Византии. Византийские императоры претендовали на власть над всем известным им миром.

Так что единобожие было все более необходимо и для каганата как государства, и для все большего числа самих хазар. В конце концов, древнее поклонение дубам, холмам, небу (в виде Тенгри-хана) и пляски нагишом давали все меньше удовлетворения их душам. Хазары духовно переросли язычество, как многие народы до них и после них.

С другой стороны, принять и ислам, и христианство мешали внешние обстоятельства. На этом фоне интересен опыт хазарского кагана Булана.

Ой! А они таки откуда?!

Тут пора сказать, что евреи испокон веку жили в городах Дагестана: это ведь район активной караванной торговли. В Вавилонии, по словам Иосифа Флавия, евреев было «бесчисленные десятки тысяч». Уже во времена персидских царей проникали они в торговые города вокруг Каспийского моря, поселялись на территории, которую мы сейчас называем Дагестан.

И вот в 723 году каган Булан и некоторые его придворные приняли иудаизм.

В том же году император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, проживающих в Византийской империи. Неизвестно, как осуществлялся указ на практике, но понятно, что крестились далеко не все. Большинство предпочло сбежать, а Хазария была близко, к тому же союзница Византии. Поздний мусульманский автор переносит это событие лет на 40–50 позже, когда императором был Константин V (правил в 743–775 гг.):

> «Владетель Константинополя во времена Харуна ар-Рашида /766–809 гг. – *Ред.*/ изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение; посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее».

Евреев в Хазарии стало еще больше, чем раньше, к тому же они составили две разные группы: старых переселенцев из Вавилонии и Персии и «свежих» из Византии. Мы не имеем представления о том, как уживались между собой в Хазарии эти два разных еврейских народа – если не считать выдумок Л.Н. Гумилева, ни на чем не основанных. Для нашей темы важно лишь то, что евреев в Хазарии стало намного больше.

Селение хазар в районе Саркела

А. Кёстлер высказал мысль о том, что сам быт торговых городов Хазарии на перекрестках путей, их космополитический дух не только соответствовали еврейскому духу, но и порождали нечто подобное в людях всех народов. Каждый, кто вел

такой образ жизни, становился похожим на евреев. В результате и понимал их лучше, и легче принимал иудаизм. Идея красивая, что и говорить (14, с. 44).

Примерно десятилетие (799–809 гг.) заняли реформы кагана Обадии: он объявил иудаизм государственной религией. Более поздние хазарские цари считали, что Обадия – законный наследник престола, «из сыновей его /Булана/ сыновей царь по имени Обадия» (16, с. 97).

Правда, Гумилев утверждает, что блеск Хазарского каганата ослеплял только иностранцев, а населению страны стало хуже от правления иудеев-чужеземцев. Якобы иудейская община захватила власть и правила исключительно в своих собственных интересах. Что кроме раскола между «хорошими» одичалыми евреями из Дагестана и «плохими» талмудистами из Византии возник еще один раскол: на иудо-хазар и тюрко-хазар. Ведь если хазарин женился на иудейке, то ее дети включались в иудейскую общину, а по отцу имели все права члена рода. Если же еврей женился на хазаринке, то их дети были никто и для тюрок и для иудеев. В общем, из этих злосчастных «отходов» межнационального общения получился этнос караимов...

> «Этим беднягам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии, в Крыму, и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона отцы» (6, с. 88).

Караимка

Но эти рассуждения Гумилев высосал из пальца. Это не история, а надуманная интерпретация. Впрочем, и некоторые серьезные историки склонны считать принятие хазарами иудаизма «исторической ошибкой».

> «Еврейские проповедники с большим трудом обосновали иудейское происхождение кагана и его окружения, поскольку, согласно догмам иудаизма,– узкой, сугубо национальной религии, иноплеменники не могут быть истинными иудеями, но не смогли сделать этого для всех народов, входивших в состав Хазарского каганата. Следовательно, новая религия не объединила, а, наоборот, разъединила и без того непрочное государственное образование, возглавленное хазарами» (19, с. 62).

> «...междоусобица страшно ослабила государство в целом. ...Война феодалов против кагана продолжалась в течение нескольких лет, очаги ее вспыхивали то в одной части Хазарии, то в другой, поскольку разноэтничные и нередко враждебные друг другу роды сталкивались в этой борьбе между собой. Степь полыхала...» (19, с. 62–63).

Согласиться с этой оценкой трудно. Гражданская война – обычная плата за принятие единобожия. Так было во всех случаях, какие нам известны. Не только на Руси «Добрыня крестил Новгород мечом, а Путята огнем», точно так крестились все европейские племена и народы. Да, смута обошлась дорого; в ее круговерти погибли и многие мятежные феодалы, и сам Обадия, и его сыновья. Да, от Хазарии отпал христианский Крым. И все-таки в результате Хазария стала более монолитной и сильной.

С 810 по 965 год жила Хазария как иудаистское государство, и как раз эти полтора столетия – время ее высшего взлета. Оценка же С.И. Плетневой вызвана не трезвой оценкой происходящего, а предрассудком. Ведь «заранее известно», что иудаизм – религия племенная, и что принимать ее не надо! А раз так, то все несчастья Хазарии – от иудаизма, а все достижения – вопреки ему.

Может быть, принятие общей веры в единого бога обошлось Хазарии дороже, потому что она была непрочным соединением очень разных племен? Возможно, иудаизм был не лучшим из возможных выборов? Принятие христианства или ислама прошло бы легче? Возможно. И все же так – лучше, чем никак.

Еще одна легенда состоит в том, что якобы евреи средневековой Европы не считали хазар единоверцами. Но если проанализировать источники – то, оказывается, что все совсем не так. В духе того времени евреи старались осмыслить появление единоверцев в религиозно-мистическом духе: объявили хазар потомками пропавших колен Соломоновых и полуколена Манассиева:

> /обитают они/ «в стране Козраим ...они бесчисленны и забирают они дань от 25 государств, и со стороны исмаильтян платят им дань по причине внушаемого ими страха и храбрости их» (3, с. 84).

Это не более нелепо, чем осмысление родства славян через родство братьев Руса, Чеха и Ляха. Более того, нет ни одного свидетельства, что какие-то евреи, при каких бы то ни было обстоятельствах, отрекались от родства с хазарскими иудаистами. Слухи о «степном царстве иудеев» шли по всей тогдашней Европе, и многие еврейские общины пришли в сильное волнение. В середине X века возникла даже переписка между испанскими евреями и хазарами. Началась она с письма Хасдая ибн-Шафрута, придворного кордовского халифа Абдуррахмана Ш. Этот еврей заинтересовался слухами о Хазарии и написал письмо. После пышных пожеланий благоденствия Хасдай очень дельно описал свою «страну Ал-Андалуз», рассказал о путях, которыми пойдет это письмо, пересказал рассказы византийских купцов и в заключение просил царя Иосифа ответить на его вопросы... Примерно 30 вопросов.

Византийский император категорически отказался помочь посланнику Хасдая добраться до Хазарии. Не хотела Византия сближения евреев с каганатом. Хасдай стал разрабатывать новый маршрут доставки письма через Египет, Иерусалим, Месопотамию и Армению... Но тут в Кордову приехали послы из немецкого княжества, а с ними – двое еврейских ученых. Они предложили другой маршрут – через Венгрию, Русь и Болгарию.

Хасдай получил весьма обстоятельный ответ на свое письмо. Судя и по самому факту, и по некоторым деталям, оно действительно шло через Русь. Например, жители Германии в этом письме названы так, как их называли славяне – «немцами». Переписка хазар с испанскими евреями показывает: у европейских евреев была связь с Хазарией, был к ней очень сильный интерес.

Так что погибла страна не из-за низменных происков захватившей власть иудейской общины, а по причинам более прозаическим. Эти причины превосходно известны современной науке. Как и все другие империи, Хазария погибла из-за усиления своей периферии. Усиливаясь, вассалы не считали нужным быть лояльными к центру, и единое государство разваливалось.

Судьба каганата

Правда, между принятием иудаизма и началом конца прошло почти столетие. В 895 году печенеги захватили Причерноморье и прогнали союзных Хазарии мадьяр (венгров) на Дунай. Изгнание оказалось удачным для изгнанных: венгры завоевали славянские территории, и там начала формироваться новая страна, Венгрия. Этим кочевникам повезло, но Хазария верных союзников потеряла, а с ними — и позиции в Северном Причерноморье.

Усиливаясь, Византия уже не испытывала прежней потребности в союзниках против мусульман, а слабеющая Хазария перестала быть удобным союзником. Она превратилась скорее в излишне сильное варварское государство, которое не грех и ослабить. Византия стала натравливать на Хазарию кочевников, тех же печенегов.

Возможно, сыграли роль и различия в вероисповедании. Сделайся Хазария христианской, Византия гораздо теплее принимала бы ее проблемы. Тут же получилось так, что «...каган и царь, опекая евреев, ссорились с византийским двором и церковью» (19, с. 64) и оказывались один на один со все новыми и новыми врагами. Если так, то принятие иудаизма все же способствовало гибели Хазарии. Но не из-за интриг коварных жидов, а потому, что от принявших иудаизм хазар отступились добрые христиане в Константинополе.

Весь IX век силы и влияние Хазарии угасали. Но главный удар нанесли каганату славяне. С ними Хазарский каганат оказался прочно связан, потому что с передвижением основных центров Хазарского каганата на север произошло и покорение славян. Древляне, поляне, радимичи, вятичи платили им дань. Началось это в VIII веке — не раньше, и не позже.

Князь Святослав
на переговорах с хазарским царем

Усиливаясь, славяне перестали платить дань, что уже ослабляло каганат. А вдобавок осуществляли регулярные набеги на мусульман, проходя через территорию Хазарии. Это подчеркивало слабость Хазарии и делало ее еще большим врагом мусульман.

Первый прорыв в Каспийское море датируется в промежутке 864—884 годов. В 909 году славяне разграбили остров Абес-кун, в 910 захватили и разрушили город Сари. В 913 году русы перетащили свои ладьи из Дона в Волгу и направились вниз, к Итилю.

Там они сообщили о намерении выйти в Каспийское море, чтобы грабить мусульман. Каган вряд ли пришел в восторг, но согласился, оговорив, что половина добычи отходит ему. Через какое-то время русы вернулись с богатой добычей. И вот тут каган совершил нетривиальный поступок: он разрешил своей гвардии напасть на русов. Но и русов тоже предупредил о времени нападения (он явно был не чужд спорту — «пусть победит сильнейший»).

Три дня продолжалась битва; русы проиграли, большинство их погибло, а уцелевшим пришлось уйти без добычи. С тех пор русы не появлялись в Хазарии свыше полувека. Дело не в отсутствии сил — именно на эти полвека приходятся знаменитые походы князя Игоря (913–914 и 943–944 годы). Ведь грабить можно было не только мусульман, но и Византию.

Но в 960-е годы начались походы князя Святослава Игоревича против хазар. Князь шел уже не грабить, а расширять свое государство. Попытка сопротивления хазар была быстро сломлена. В результате походов Святослава города Итиль и Семендер были разорены и запустели, город Саркел захвачен, фактически присоединен к Руси и переименован в Белую Вежу.

Десять или двадцать лет после этого похода Хазарский каганат, вернее, огрызок прежнего государства, еще доживал, не играя никакой международной роли. В конце X века он окончательно перестал существовать.

Судьба хазар

Ну, а хазары? Куда девались те сотни тысяч, может быть миллионы людей, которые на вопрос о своем народе отвечали: «хазарин»?

Еще до падения каганата «хазары частью переселились в Крым, частью рассеялись по русским землям» (9, с. 379). Нестор упоминает, что в Киев «хазарские евреи» прибыли около 986 года. Они-то и спорили с Владимиром о том, какую веру ему следует принять.

Тогда же появились и Козары — квартал в Киеве. Было ли это место, где сначала сидел хазарский гарнизон, а потом остались купцы и ремесленники? Или там жили хазары, а к ним стали подселяться единоверцы-евреи? Или сначала там жили купцы, торговавшие с Хазарским каганатом? Гадать можно долго, только главное иное — был такой квартал. Он был уже при Игоре, в самом начале X века.

Ещё одно наследие Хазарского каганата: считается, что караимы — это потомки хазар. В Юго-Западной Руси караимы появились в XIV веке, это документировано неплохо.

Но и на территории павшего каганата не сразу исчезло хазарское население. Л.Н. Гумилев показал, что могилы хазар бывают значительно моложе их распавшегося каганата. То есть в XII–XIII веке сын Андрея Боголюбского вполне мог бежать к «жидовскому князю». И было откуда являться болгарам и жидам в Юго-Западную и Северо-Восточную Русь. По мнению большинства ученых, хазары могли дожить на Средней Волге, в ее низовьях и в Дагестане до нашествия татар в XIII веке. Многие из них бежали оттуда в страхе перед нашествием.

Считается, что они ассимилировались на Руси. Это сомнительно, потому что мощным препятствием к ассимиляции становилась их вера. Язычника можно

окрестить, но иудаист вовсе не рвется креститься и даже проповедует преимущества своей религии.

Приходя в города, хазары могли селиться только в иудейских кварталах. Для всех они были жидами в силу своего иудаизма, а в тонкости этнического происхождения никто не вникал. Так что если и ассимилировались, то никак не среди христианского населения. Никто не оспаривает, что хазары вливались в состав еврейских общин Руси (Украины), Польши и Литвы (Беларуси). Споры ведутся только о том, каково соотношение хазар и евреев (пришедших, как уверяют, из Германии).

> «Возможно, что в еврейские общины Польши и Литвы влились остатки хазар, народа тюркского происхождения, высшие слои которого перешли в еврейство в VIII–IX веках» (18, с. 341).

По мнению А. Кёстлера, именно хазары составляют большинство предков восточных евреев – ашкенази. Он считает, что в XIV–XV веках много хазар оказалось на территории будущих Украины и Беларуси. Часть их проникла и в Польшу. Если до хазар евреи на этой территории и жили, то массы переселяющихся хазар поглотили их полностью, потому что каждого коренного еврея окружили сразу несколько пришельцев. Отсюда ясно, кто кого ассимилировал...

Кёстлер также объясняет, откуда взялся идиш и почему так быстро изменился характер вольных степняков. Идиш возник в самой культурной части страны ашкенази, в Польше. Поэтому и распространился на всю территорию их расселения. А народный характер... Он меняется быстро, если есть к тому основания. Основаниями же были в первую очередь условия жизни в гетто.

Интересна реакция на книгу Кёстлера: у многих евреев она оказалась крайне бурной и притом сугубо эмоциональной. Не в силах ничего возразить по существу, мысли Кёстлера подвергают истеричной обструкции по принципу: «Кёстлера не читал, но скажу!..».

В чем причина такого неприятия? Протестуют те, для кого невыносима сама мысль о происхождении от хазар. Как?! Хазары наши предки?! Геволт! Мы – потомки древних иудеев, прекрасных, благородных иудеев! А тут эти мерзкие степняки с кривыми носами и смуглой кожей...

Литовский еврей (с гравюры 1626 г.)

В Великом Княжестве Литовском и Русском

После татарского погрома Киевщины в 1240 году сохранились еврейские поселения на Волыни и в Галиции. Великие князья, стремясь опять заселить Киев после нашествия, звали туда и евреев. Великий князь Даниил Галицкий, правивший на Волыни в 1221–1264 гг., селил евреев в новопостроенных и восстановленных городах на тех же основаниях, что и христиан. Его преемники эту практику продолжали.

«Евреи составляли важный компонент общества в Великом княжестве Литовском еще прежде его объединения

с Польшей, где имелось собственное многочисленное и признанное законом еврейское население» (14, с. 49).

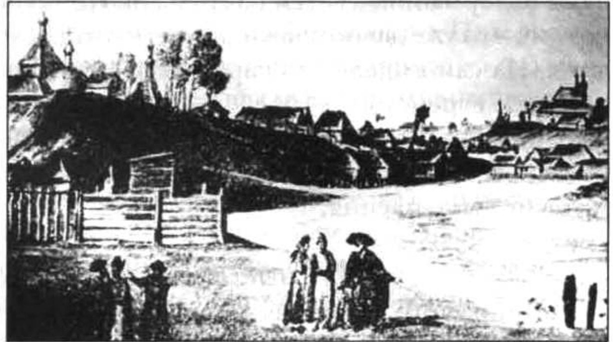
«Пользуясь вольностями, предоставленными евреям и в других татарских владениях, киевские евреи вызвали этим ненависть к себе со стороны мещан» (5, с. 517).

Насчет «вольностей, предоставленных татарами», придется внести уточнения:

«...сии люди откупали у Татар дань наших Княжений, брали неумеренные росты с бедных людей, и в случае неплатежа, объявляя должников своими рабами, отводили их в неволю. Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли, наконец, из терпения и единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали» (13, с. 54–55).

Может быть, Карамзин просто антисемит?! Злобствует на евреев, вот и плетет всякие гадости? Но и еврейский историк отмечает:

«В документах XV века упоминаются киевские евреи – сборщики податей, владевшие значительным имуществом» [5, с. 254].

Евреи на окраине Могилева (XVIII век)

Еврейская энциклопедия объясняет появление этих сборщиков податей «движением евреев из Польши на Восток» и отмечает евреев – откупщиков таможенных и других сборов в Минске, Полоцке, Смоленске.

Но почему надо считать, что они откуда-то пришли? Потому, что установился такой миф – о распространении евреев из Германии в Польшу, а оттуда на Русь? Но из сказанного выше видно, что такое предположение совсем не обязательно.

Скорее перед нами потомки евреев, живших здесь по крайней мере с IX века, то есть фактически – коренное население. Может быть, они и в Польшу пришли, главным образом, с Руси? В пользу такой версии гораздо больше фактов, чем в пользу прихода евреев из Польши.

Что еще следует отметить? Поразительное отсутствие антисемитизма в этих местах. Здесь не было ни обвинений в питии крови христианских младенцев, ни в отравлении колодцев и распространении чумы. Здесь не прижились святые Западной Европы, канонизированные как мученики, принесенные в жертву евреями. Полностью отсутствовала идея связи евреев с дьяволом. Идея «тойфельфолька» – дьявольского народа, была очень популярна в Германии, в Западной Европе вообще, но в Русь (Украину) и Литву (Беларусь) она не проникала ни в Средние века, ни в Новое время.

Даже когда в самой Польше начались преследования евреев, литовско-русская знать последовательно выступала в их защиту на всех сеймах и сеймиках. Можно это объяснить тем, что в XVI веке в самой Польше уже существовал слой поляков-горожан, выступавших конкурентами евреев, а в Украине и Беларуси

слоя славянских горожан еще не было. Знать продолжала нуждаться в евреях, и потому еще не доросла до антисемитизма.

Но есть и другое объяснение: в землях Руси и Литвы хорошо знали евреев, умели включать их в свое общество и потому относились к ним лояльнее. Есть много фактов в пользу такого предположения.

Выводы:

1. После нашествия татар евреи Руси никуда не исчезли, они продолжали жить на землях, вошедших в Великое княжество Литовское и Русское.

2. По традиции это еврейство Великого княжества Литовского и Русского принято считать крайним восточным ответвлением европейского, переселенцами из Германии, а затем из Польши. Но такое предположение делается лишь потому, что уже давно сложился стереотип, и ученые не могут выйти за его пределы. На самом деле это евреи Руси перемещались на запад и формировали польское еврейство.

3. Западная Русь (земли ВКЛ) была толерантна к евреям и сохраняла традицию спокойного отношения к ним даже тогда, когда в Польше начались антисемитские выступления.

4. Еврейская Речь Посполитая

Нет никакого сомнения – какое-то количество евреев проникало в Польшу и с Запада, из Германии. Именно к ним обращены призывы Болеслава V Благочестивого, именно им была дана грамота, дарующая привилегии на всей территории Польши. Грамота дарует право автономного судопроизводства для евреев, устанавливает неприкосновенность личности и имущества, дарует свободу передвижения и грозит наказаниями тем, кто будет евреев притеснять. Среди прочего, в ней есть и такие слова:

> «В соответствии с эдиктами Папы мы запрещаем со всей строгостью на будущее обвинять еврея, проживающего в нашем государстве, в том, что он якобы использовал человеческую кровь, поскольку все евреи по своей вере избегают использовать кровь вообще».

Во всяком случае, в XIII веке евреев в Польше уже много, их положение в обществе и занятия нуждаются в законодательной базе. Часть законодательства дала грамота Болеслава, ее дополнили положения церковного собора 1267 года во Вроцлаве. Собор постановил, что евреи должны жить отдельно от христиан, в особой части города. В каждом городе полагалось иметь только один такой квартал и в нем – только одну синагогу. На одежде евреи должны были носить особые отличительные знаки, им запрещалось нанимать христианских слуг, а христианам запрещалось служить у евреев и покупать у них съестное.

Некоторые положения вроцлавского собора восхитительно патриархальны. Отмечается, например, что поляков надо особенно тщательно оберегать от ужасов контакта с евреями. Потому что поляки ведь «юный росток на христианской почве». Выражено почти поэтически, стиль чуть ли не трогательной любовной баллады про какой-нибудь «юный росток». Но поползновение дикое: «держать и не пущать».

Позже, в конце XIII века, эти положения подтвердили еще два церковных собора. И, что характерно, никто никогда эти постановления не отменял. На каком-то этапе они потеряли силу de fakto, но не de jure. Польский костёл никогда не отказывался от положений Вроцлавского собора. Конечно, он их не соблюдает уже очень давно, но официально эти ограничения не отменены.

В 1364 году Казимир III распространил привилегии Болеслава, данные для Малой Польши, на все Польское государство.

Дело в том, что в те времена было очень мало поляков-горожан. Христианское европейское государство, Польша остро нуждалась в ремесленниках и купцах. Приходилось мириться с тем, что города в Польше были в основном немецкими. Немцы переселялись на восток вполне мирно, становились лояльными подданными польской короны. До 80% ремесленников в начале XIV века были немцами. Даже королевский город Краков, столица Королевства Польского, состоял фактически из двух расположенных рядом городов: королевского замка Вавель, вокруг которого лепились деревянные избы мужиков, и каменного немецкого города с ратушей, площадью Рынок, с часами на башне, вечевым колоколом...

Немцы, хоть и были лояльны к Казимиру III Великому, все же старались платить ему денег поменьше. А поскольку они были монополистами, и, кроме них, некому было ковать мечи и латы для рыцарей, ввозить и вывозить товары из страны, они несколько злоупотребляли своим положением. В какой степени злоупотребляли — сказать трудно, но дело было. Немецкий город жил по своим законам, по-своему судил своих граждан, хоть они и были подданными польского короля. Например, известен случай, когда суд немецкого города приговорил своего гражданина к ослеплению за то, что тот вовремя не отдал занятые деньги.

Еврейская красавица (худ. Михаил Андриолли)

У королей же, не только польских, есть такая особенность: они не любят, чтобы им диктовали условия. То есть не будь у Казимира выхода — он бы вынужден был смирить гордыню. Но у него выход был, и этот выход назывался «евреи». А если по-польски — «жиды».

Казимир III призвал в Краков евреев. Быстро возник еще один город возле первых двух — еврейский. На этот раз евреи проявили лучшие свойства своей натуры — умение быть благодарными, и назвали свой город в честь короля: Казимеж. Казимеж — так по-польски произносится имя Казимир.

Краков быстро разрастался, Казимеж стал одним из его районов. Но это был

особый район города, в котором люди жили не так, как в Польском королевстве, а по законам Талмуда.

Кревская Уния Польши с Великим княжеством Литовским и Русским (1385 г.) привела к тому, что и литовским евреям в 1388 году дали аналогичную грамоту – как в Польше, уравняли в правах с христианскими горожанами.

Многие евреи и после Казимира Великого достигали в Польше высокого, престижного положения. У такого знаменитого короля как Владислав-Ягайло всеми финансовыми делами заведовал литовский еврей Волчко.

Польско-литовские евреи

Не все, конечно, было идиллично. Стоило в 1348 году начаться чуме, и евреев тут же обвинили в распространении заразы. В Кракове и нескольких других городах даже вспыхнули погромы. Небольшие, без большого числа жертв, но все же... Новый погром в Кракове разразился в 1407 году. Власти пресекли действия погромщиков, едва они вошли в Казимеж,– однако лиха беда начало.

Католическая церковь евреев не любила. Потому что несколько раз евреям удавалось переубедить католиков, и они переходили в иудаизм. В Кракове в 1539 году по распоряжению местного епископа сожгли на костре мещанку Екатерину Залешовскую, уличенную в склонности к иудейству. Вдова райцы (городского советника), она входила в краковский патрициат. Почтенная дама заявила, что не верит, что Иисус Христос – Божий сын:

> «Господь Бог не имеет ни жены, ни сына, да ему и не нужно этого. Ибо сыновья нужны только тем, кто умирает, Бог же вечен... и всех нас считает сыновьями».

В это время евреям удалось многих поляков обратить в иудаизм, и прошел слух, что обращенных они прячут в Великом княжестве Литовском и Русском. Тогда же, в 1539 году, состоялось королевское следствие по поводу обрезавшихся и убежавших в Литву. Следователи пришли к выводу, что на евреев возвели напраслину, но многие и тогда, и теперь сомневаются в справедливости выводов следствия. Похоже, все-таки были поляки, обращенные в иудаизм.

В ВКЛ обращение в иудаизм стало таким характерным явлением, что евреев в 1495 году даже изгнали. Правда, через 8 лет указ официально отменили, и евреев опять пригласили в Литву, да и выполнить указ не успели... Так и жили не изгнанные иудеи во многих местечках Литвы, ибо до них не дошла рука власти.

В середине XVI века пошел в Польше старый слух о причащении евреев кровью христианских младенцев, но тут вмешался король Сигизмунд II Август и запретил возбуждать «подобные нелепые обвинения» без предварительного следствия, на котором факт убийства младенца должно было подтвердить четверо христиан и трое евреев. Насколько мне известно, ни одного дела не возбудили.

И вообще короли и государственные люди заступались за евреев, потому что какой же дурак будет резать курицу, несущую золотые яйца?

В Польше происходило принципиально то же, что в Европе, только евреев никто не выгонял. Но их так же использовали короли, к ним так же настороженно относилась церковь... Так же их подозревали в распространении заразы во время эпидемий. Но были два важных отличия. Во-первых, евреи Польши, Литвы и Руси образовали единый народ (ашкенази). Во-вторых, они заняли особую социально-экономическую нишу, которую западное еврейство никогда не занимало. В-третьих, восточные евреи объединились в организацию (кагал), охватывающую всю страну.

Ашкенази в Польше и на Руси

К XVI веку окончательно сложился новый еврейский народ — ашкенази. Он имел свою территорию,— ашкенази не жили западнее Лабы (Эльбы) и восточнее Днепра, севернее Литвы (Беларуси) и южнее Волыни. Ашкенази не имели собственного государства, но у них была своя страна.

Вот и курды живут в Турции, Иране и Ираке, своего государства у них нет, но своя страна (Курдистан) есть. Точно так нет своего государства у басков и каталонцев в Испании.

На этой же территории жили и многие другие народы, например, немцы, жамойты и русские, но Речь Посполитая официально говорила не по-немецки, не по-жамойтски, и не по-русски, а по-польски и на этом языке вела свою документацию.

У евреев ашкенази даже больше оснований считать эту территорию своей — этот народ и возник на территории Польши и Западной Руси (кроме Поморья).

Страна ашекенази, страна народа без государства, зависела от воли государственных лиц. Даже решения, не имеющие к евреям, казалось бы, никакого отношения, сильно сказывались на их судьбе. Вот объединилось Великое княжество Литовское и Русское с Польшей в 1569 году в одно государство. О евреях, живших в разных углах страны ашкенази, никто при этом и не думал, но именно после этого стали возникать три ветви идиш: польская, украинская и беларуская. Судьбы евреев в трех частях страны ашкенази стали расходиться. Условия их жизни стали различаться, они контактировали с народами, которые вели себя по-разному, и все это сказывалось на национальном характере.

Убежденный в действенности законов, любящий юмор польский еврей; спокойный беларуский еврей; нервный, привыкший в любую секунду отвечать агрессией или бегством украинский — это люди одного народа. Возможно, ашкенази просто не хватило исторического времени для того, чтобы распасться на три народа.

На стыках межнационального общения среди евреев неизбежно возникал интерес к культуре «титульного народа»; появлялся слой евреев, читающих по-

Беларуский еврей (1870-е гг.)

польски не только записки от булочника или указы местного райцы, но и художественную литературу. На стыке культур рождалось явление, которое я рискнул бы назвать еврейской Польшей. У живших тут ашкенази сохранялся свой взгляд на очень многое. Осваивая культуру, они вовсе не становились такими же поляками, как этнические поляки. Но культуру – осваивали, духовно становясь не просто случайными жителями страны, а именно польскими евреями. Порой даже польскими патриотами, ценителями ее культуры, истории и литературы.

Так же возникали еврейская Украина и еврейская Беларусь, и не их вина, что эти страны в культурном отношении сильно проигрывают Польше.

Еврейская Польша, еврейская Украина, с конца XVIII века и еврейская Россия возникали в одной и той же стране. В стране ашкенази, на стыках с культурами других народов.

Выводы:

1. Польско-украинско-беларуское еврейство – смешанного происхождения. Хазарской «крови» (генов) в нем намного больше, чем крови западного еврейства. Евреев в Речи Посполитой было очень много, до 10 % населения. У этой части еврейства есть самоназвание – ашкенази.

2. Кагальная организация охватывала все эту часть еврейства и работала как государство в государстве. Еврея судили по еврейским законам, он мог всю жизнь прожить по своим обычаям и в среде своих соплеменников, сталкиваясь с поляками, украинцами или беларусами лишь по делам. Евреи имели мало отношения к жизни польского, беларуского, украинского народов, а их история мало пересекалась с историей тех стран, где они обитали. Для мест обитания евреев пришлось ввести новый термин – «местечко» (штетл).

3. Евреи в Речи Посполитой занимали особую социально-экономическую нишу. Они жили преимущественно в сельской местности, но род их занятий был типично городской: ремесло и торговля. Евреи часто становились арендаторами поместий католической и униатской шляхты, потом что шляхта не любила заниматься хозяйством. Православные крестьяне имели дело не с помещиками, а с арендаторами-евреями. Те же арендаторы взяли в свои руки производство и продажу алкоголя. Более того, в православных землях Беларуси и Украины евреи нередко брали в аренду и православные храмы.

4. Вследствие этого православные крестьяне в Речи Посполитой повсюду сталкивались с евреями-арендаторами, а не с самими помещиками. В результате гнев казаков и примкнувших к ним крестьян обрушился в огромной степени на евреев. Страшную резню 1648–1649 годов очень хорошо помнят и евреи, и поляки. Но в современной Украине ее старательно скрывают, в том числе от самих украинцев.

Во второй половине XVII века, в результате длительного периода внутренних беспорядков и вторжений (так называемый «Потоп») Речь Посполитая пришла в упадок – и здешнее еврейство вместе с ней.

ИСТОЧНИКИ

1. Антология семейного чтения. Сказки. Легенды. Предания. (Былина «Застава богатырская и встреча Ильи Муромца с Жидовином»). М.: «Олма-пресс», 1991.

2. Артамонов М.И. История хазар. Л.: «Наука», 1962.

3. Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Петроград, 1919.

4. Бруцкус Ю. Истоки русского еврейства. // Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. Париж, 1939.

5. Гессен Ю.И. История еврейского народа. Том 1. Л.: Типография кооперативного общества, 1925.

6. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. Л.: «Наука», 1962.

7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: «Клышников, Комаров и К.», 1992.

8. Даймонт М. Евреи, Бог и история. М.: «Имидж», 1994.

9. Дубнов С.М. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.

10. Еврейская энциклопедия. Том 9. М.: «Терра», 1991.

11. Идиш. // Большая Советская Энциклопедия. Том 10. М., 1972.

12. История еврейского народа. От талмудической эпохи до эпохи эмансипации. Иерусалим: «Библиотека-Алия», 1993.

13. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Том 4. М.: «Наука», 1992.

14. Кёстлер А. Тринадцатое колено: Крушение империи хазар и ее наследие. СП: «Евразия», 2001.

15. Клиер Дж. Россия собирает своих евреев. // Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. Иерусалим: «Гешарим»; Москва: «Мосты культуры», 2000.

16. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: АН СССР, 1932.

17. Краткая еврейская энциклопедия. Том 2. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982.

18. Очерк истории еврейского народа. /Под ред. проф. Ш. Этингера/ Том 1. Иерусалим: «Библиотека Алия», 1994.

19. Плетнева С.А. Хазары. М.: «Наука», 1976.

20. Рабинович М.Г. Судьбы вещей. М.: Детгиз, 1973.

21. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. 1. М.: «Русский путь», 2001.

22. Татищев В.Н. История Российская. Том 2. М.-Л.: АН СССР, 1963.

23. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной литературе. Том 1. М.: «Гнозис», 1995.

24. Фоменко В. Время помнить всегда! // Журнал «Лехаим», 2001, № 9.

25. Mauer E. Die Frankfurter Juden. Frankfurt-am-Mein, 1966.

Коротко об авторе

Андрей Михайлович Буровский — кандидат географических наук, кандидат исторических наук. Автор серии книг, посвященных истории Российского государства и его народов. Среди них: «Русская Атлантида» (2000); «Незнакомая Россия: Историческое расследование» (2001); «Русская Атлантида — 2: Историческое расследование» (2002); «Евреи, которых не было» (2004); «Московия: Пробуждение зверя» (2005); «Рождение Российской империи» (2005); «Несбывшаяся Россия» (2007); «Гражданская история безумной войны» (2007) и другие.

ЕВРЕИ В БССР: ИЛЛЮЗИИ И НАДЕЖДЫ

Илья Курков

По школьным учебникам известно, что 1929 год стал для СССР годом «великого перелома» – с началом тотальной коллективизации были отменены последние остатки НЭПа, запущен механизм массовых судебных процессов, советская государственность достигла тоталитарной степени, сформировала свои черты, которые пронесла через десятилетия.

В рассматриваемое время советские идеологи не отрицали наличие в стране национального, и, в частности, еврейского вопроса, но уже опасно становилось сомневаться в том, что он «успешно решается благодаря мудрой политике коммунистической партии и советского правительства». Беларусь, где евреи составляли тогда большинство городского населения, по мнению партийного руководства, должна была стать своеобразным «образцовым полигоном», где бы упомянутая успешность проявилась наиболее ярко. Ради этого делалась немало: идиш стал одним из государственных языков БССР, последовательно проводилась кампания по наделению евреев землей, некоторое время слова «антисемит» и «антикоммунист» считались почти синонимами. 24 июля 1925 года Бюро ЦК КП приняло постановление, в котором признало:

> «...считать необходимым – изживать из употребления в белорусском языке слово «жид», заменив его словом «еврей». Для этого в дальнейшем дать соответствующие директивы коммунистам – иметь в виду настоящее постановление в своей работе, в частности по Инбелкульту и Госиздату» (1).

Но нередко официальные директивы значительно расходились с реальным состоянием дел. Вот только один пример.

В начале 1929 года в Минске проходил XII съезд компартии Беларуси. Вечером 9 февраля здесь выступил секретарь Еврейского бюро ЦК КПБ Бейлин. Он вышел на трибуну с экземпляром недавно изданного русско-беларуского словаря и, показывая его делегатам, сообщил следующее:

> «...имеются достаточно серьезные политические моменты, на которые необходимо обратить особое внимание. На русском языке «блудница», а по-беларуски – «распутніца», «бахурка» и, извините, «блядь» (смех в зале, голос: «Читать не надо»). Здесь говорят, что не надо читать. Я считаю, что это можно в стенограмму не заносить». /Но, как видим, занесли. – *Авт.*/
>
> Дальше написано так: «девушка – дзяўчына, дзявочніца, цэлка» (смех у зале). Дальше, товарищи, «русский – расейскі, рускі, маскальскі, маскоўскі, маскаль;
>
> Бедняк – бедны, бядак, галыш, худак, хадак, злыдзей;
>
> Мужик – мужычына, халоп, хам;
>
> Еврей – яўрэй, жыд, яўрэйка, жыдоўка;
>
> Еврейский – жыдоўскі;
>
> Еврейство – яўрэйства, жыдоўства;
>
> Еврейчик – яўрэйчык, жыдочак».
>
> Это издание – Госиздательства, которое прошло через Главлит и вышло в 7000 экз. ...Кроме грубости здесь имеется и чрезвычайно важный политический момент. Товарищи, мы сейчас имеем антисемитизм, мы сейчас имеем явный шовинизм, и мы

боремся с этим. Потому ЦК партии еще в 1925 году вынес постановление изъять из употребления и из литературы слово «жид»... Я считаю недопустимым, когда на фабриках или на заводах, в частности на заводе «Большевик», мы употребляем слова «жид» и «хам». Таким образом узакониваются эти слова. Я спрашиваю, можем ли мы бороться с шовинизмом, с антисемитизмом, если в учебниках узакониваются эти слова.

И второй момент. Когда кулак на собраниях называет бедняка лодырем, или злодеем, мы даем кулаку возможность, опираясь на эти слова, бранить и бедняка на деревне» (2).

Тему крестьянства секретарь Еврейского бюро ЦК поднял совсем не случайно. Приметной чертой эпохи была непосредственная связь между положением на деревне и решением национального вопроса. Лучше всего это было видно на Всебелорусском съезде евреев-крестьян, который прошел в январе 1928 года. О значимости данного мероприятия свидетельствует факт выступления на его торжественном открытии председателя Центрального исполнительного комитета БССР А.Г.Червякова. Его речь была очень насыщенной, но если цитировать здесь официальную стенограмму съезда, полагаем, не каждый читатель сможет это выдержать, потому обратимся к другому, более популярному источнику.

Среди материалов ЦК КПБ сохранился документ, который имеет заголовок: «Съезд еврейских колонистов в Белоруссии. Статья в «Форвертсе» (Нью-Йорк) от 1 марта 1928 г.».

Несмотря на некоторые неточности в этой статье (например, «американизацию» названий служебных должностей руководителей БССР), здесь дается довольно полный обзор съезда и положение с землеустройством евреев вообще. Читателю в Нью-Йорке, видимо, интересно было узнать следующее:

«...За час до открытия съезда городской театр Минска (3) был переполнен. Человек тысяча стоит снаружи с тщетной надеждой ворваться внутрь – «Театр не резиновый», дает знать старший милиционер у дверей. Милиционеры не довольствуются философией, когда публика начинает сильно напирать, «аргументируют» милиционеры локтями не хуже, чем языком.

– Отступите, граждане, напрасен ваш труд, вы не войдете, мест нет.

Милиционеры – евреи, и они обращаются к публике простым минским материнским языком «Маме-лошн». Десятки человек из публики называют их по имени: «Впусти, Шлеймке, будь братом, Иёшке, пусти». Но Шлеймке и Иёшке не знают никакого панибратства при исполнении своих обязанностей, и они напирают на публику с еще большей энергией...

Съезд открыл Секретарь еврейских секций Белоруссии и заведующий Еврейским отделом Центральной национальной комиссии при белорусском ЦИК – Бейлин, стопроцентный коммунист, который душой и телом предан интересу еврейских трудящихся... Публика сильно подогрета речью т. Бейлина и не жалеет ему аплодисментов во всю. Но главный энтузиазм воспламеняется только тогда, когда выступает с речью «Президент» – Председатель белорусского ЦИКа Червяков. Червяков очень популярен среди населения, особенно у евреев. Среди евреев его зовут «золотой гой», «друг евреев», который «делает евреям много хорошо», и поэтому достаточно было его появления на трибуне, как все в театре, как один, встали и устроили ему бурную овацию. Встает вот этот «Президент» на съезде еврейских крестьян и говорит приблизительно следующее:

– Вы извините меня, дорогие товарищи, что я свой доклад на съезде еврейских крестьян делаю на белорусском языке. У нас в Белоруссии еврейский язык признали как один из трех государственных языков, знать которые должны все ответственные государственные работники. Сложилось так, что я до сих пор не успел выучиться еврейскому языку, но я обещаю, что к вашему следующему съезду свой доклад произнесу на еврейском языке.

Аплодисментам и удовольствию не было конца.

– Ну что скажешь, Берке, – ударяя локтем в бок, обращается крестьянин средних лет к своему соседу. – Ну что? Слышал ты подобное в жизни? Председатель ЦИКа, можно ведь сказать, государь страны, и извиняется перед евреями за то, что не знает еврейского языка. Воистину, времена Мессии.

Двухчасовый доклад вызвал восторг у публики, не меньше, чем от вступительной речи, и не столько от первой части доклада, где Червяков рассказал о трудностях и состоянии советской власти в Белоруссии, – это слыхали и от предыдущего оратора, – как вторая часть доклада, которая была полностью посвящена еврейским делам, еврейскому вопросу.

«Золотой гой» показал себя знатоком в еврейских партиях и их программах и в еврейских вопросах вообще, и каждой страны в отдельности, лучше другого еврея. Слушая его: об ассимиляции, о национальной автономии, о сионизме, территориализме, о левых Поалей-Цион, о правых Поалей-Цион, о кризисе в Палестине и о еврейских школах в Польше, могло показаться, что это говорит «Евсек», прибывший в большевистскую партию через БУНД, через «Ферейнигте», или совсем – через сионизм. Он, понятно, не забыл «натереть морду» еврейской буржуазии и сказать несколько теплых слов еврейским трудящимся, главное – крестьянам. Если бы эту речь произносил бы еврей, он не получил бы и половины тех аплодисментов, полученных «золотым гоем» Червяковым.

Александр Червяков

...Особенно трогателен был момент, когда в полной амуниции на сцену вышло отделение красноармейцев, и один молодой бравый красноармеец вышел вперед и начал свое приветствие на настоящем минском наречии. Не на еврейском языке, что пишут в книгах, газетах, но на простом материнском языке, которым говорят в доме, на улице, на базаре.

– Любо слушать! – посмаковали евреи, – вот рот, вот мир настал: солдаты (иовоним) говорят по-еврейски» (4).

...Но вскоре после «времен Мессии» в стране началось решительное наступление на религию, в котором, кстати, «лучший друг трудящихся евреев» играл не последнюю роль. Цель была понятная – упразднить религию вообще, но, с учетом специфики времени, делать это было надо как можно более «естественно», и, конечно же, «по многочисленным просьбам трудящихся».

9 апреля 1929 года под председательством А.Г. Червякова прошло заседание фракции КПБ Президиума ЦИК БССР. Среди других вопросов здесь рассматривалось «ходатайство Витебского городского Совета о разрешении изъятия 14 молитвенных домов под культурные учреждения, мастерские и т.д.». Из постановления, принятого по этому вопросу, видно, как осуществлялась на практике государственная политика:

«Считать нецелесообразным проведение изъятия молитвенных домов массовым, кампанейским порядком... в первую очередь, по возможности, надо подготовить согласие верующих на изъятие, а также использовать нарушения верующими правил об отделении церкви от государства (нарушение договора и т.д.). Считать возможным предварительно разрешить Витебскому горсовету провести кампанию по подготовке изъятия хоральной синагоги, одной синагоги под школу и одной синагоги под клуб для текстильщиков, одной из городских церквей и одну церковь, которая находится на Марковщине, при условии, если вокруг изъятия церкви на Марковщине уже мобилизована мысль и желание рабочих масс фабрики «Двина». Изъятие собора и костела считать в современный момент нецелесообразным» (5).

Главное — избрать надежную тактику. И тогда массам кажется, что они действительно имеют влияние на решение своей судьбы, достаточно вовремя «просигналить, куда надо». Вот, например, какой «сигнал» пришел из Гомеля:

Еврейские мальчики в хедере (БССР, 20-е годы)

«...2 апреля сего года госучреждения по своим соображениям прекратили убивать скот по еврейскому способу, а начали убивать обыкновенными быкобойцами. Явившихся резников администрация скотобойни устранила, не допустив их к убою частного скота по еврейскому способу. Таким образом составилось положение, что все еврейское верующее население осталось без мяса и впредь вынуждено отказаться от употребления мяса, так как мясо от убиваемого скота обыкновенными быкобойцами употреблять не могут и не будут.

Полагая, что Советская Законность не чинит насилия над религией, мы обращаемся к Прокурору Республики, сделать надлежащее и зависящее распоряжение о разрешении еврейской общине необходимое количество мяса для верующих изготовить на Гомельской Госскотобойне по способу еврейской веры без всякого давления со стороны. Апреля 4 дня 1929 г.» (6)

Надо отметить, что, несмотря даже на «пролетарское происхождение», ходатаи по делам религии рассматривались официальными кругами как элементы неблагонадежные.

На XII съезде КПБ 10 февраля 1929 года делегат Эстрин из Бобруйска говорил:

«...Товарищи, был у нас случай такой. В типографии сняли одного рабочего — Вейнера. Его обвиняли в поломке машины. Он в воскресенье не работает, в субботу не работает в типографии (смех в зале, голос: «И старостой в синагоге»). Когда закрыли «микву», он пришел от имени верующих просить открыть. Вы можете себе представить, что это за рабочий» (7).

А действительно, что это был за человек, который сознательно пошел на риск потери рабочего места? Видимо, вопрос был достаточно принципиальным, из тех, когда «отступать уже некуда». Чтобы как-то выяснить это, обратимся к еще одному «сигналу» — телеграмме, посланной в ЦИК БССР 10 марта 1929 года:

«Местная. Председателю Центрального Исполнительного Комитета Белоруссии Червякову. Раввинов города Минска.

Заявление. Артель сапожников «Рекорд» насильственно заняла сегодня, десятого марта, синагогу по Немиге, 21. Обращаем Ваше внимание на то, что эта синагога всегда, даже в будни, полна молящихся. При этой же синагоге имеется единственный в городе религиозный бассейн, которым пользуется большое число религиозных евреев. Занятие этой синагоги равносильно совершенному запрещению еврейской религии, поставив ее вне закона, что противоречит духу советского законодательства. Просим Вас распорядиться о немедленном очищении артелью «Рекорд» означенной синагоги.

Еврей-портной

Раввины: Глускин, Цимбалист, Мазель, Блох, Рабинович, Керштейн, Копелиович, Пайкин, Шаковицкий, Габриелов, Ярхо, Либерман» (8)

Интересная дальнейшая судьба этой телеграммы. Трудно сказать, понял ли ее адресат, «опытный в еврейских вопросах», о каком бассейне идет речь, но к делу он отнесся очень серьезно: на второй же день переслал телеграмму раввинов первому секретарю ЦК КПБ Я.Б. Гамарнику. От себя А.Г.Червяков добавил письмо на личном бланке, которое написал, кстати, собственной рукою (видимо, не все было возможно доверить машинистке). Документ этот дает представление о «механизме» принятия ответственных решений тогдашним беларуским руководством.

Еврей-штукатур

«Служебная записка.
Минск, 11 марта 1929 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
В ЦК КП(б)Б т. Гамарнику

Посылаю Вам телеграмму раввинов г. Минска на мое имя. Эта телеграмма есть один из многих за последнее время документов подобного рода, получаемых мною от представителей разных религиозных культов. Из этих документов видно:

1) Волна атеизма в массах растет, и это служит основой наступления масс на религиозные организации, главным образом в виде требований о занятии церквей, синагог и др. зданий под общественно-полезные учреждения. Бывает, что наши органы плетутся в хвосте.

2) Наши «безбожники» часто, чтобы доказать свою деятельность, стремятся провести резолюции на общих собраниях о занятии зда-

ний рел. культов, и вследствие этого иногда бывает трудно отличить, когда подобная резолюция является результатом настроения масс, и когда она принимается потому, что против подобной резолюции не голосуют.

3) В последнее время усилилась «церковная» деятельность наших «церковных» комиссий при соответствующих органах, причем эта работа, я боюсь, носит слишком административный характер.

Вот по всем этим причинам я предлагаю на одном из заседаний Бюро ЦК, или в ином составе, заслушать сообщение на тему о церковных (всех культов) делах в Белоруссии.

С ком. приветом А. Червяков» (9)

Какие меры были приняты по самому содержанию телеграммы, мы не выяснили, но главное в другом. Официально провозглашенное в СССР «единство партии и народа» не подтверждалось в реальной жизни. То, что для обычных граждан было «насущным», «сокровенным», «освященным духом предков», власти воспринимали принципиально иначе. По большому счету они были не «за» и не «против» храмов, но в текущий момент социалистического строительства имели задание уничтожать их и, по возможности, «без эксцессов».

...Но что это за «религиозный бассейн», из-за которого возникла переписка двух известных государственных деятелей? Если кому-то не терпится узнать, то очень красиво сказано о микве в тексте Василия Розанова «Уединенное». Впрочем, это уже не имеет причастности к евреям БССР.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный архив Республики Беларусь, фонд 4, оп. 3, дело 5, лист 348.
2. НА РБ, ф. 4, оп. 2, дело. 60, л. 512–513.
3. Сейчас здание Национального академического театра имени Янки Купалы.
4. НА РБ, фонд 4, опись 10, дело 39, листы 103–107.
5. НА РБ, ф. 4, оп. 10, дело 107, л. 26.
6. НА РБ, ф. 4, оп.10, дело 107, л.31.
7. НА РБ, ф. 4, оп. 2, дело. 60, л. 619.
8. НА РБ, ф. 4, оп. 3, дело 36, л. 33-34.
9. НА РБ, ф. 4, оп. 3, дело 36, л. 32. Автограф А.Р. Червякова.

РАЗГРОМ ЕВРЕЙСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ.
«Еврейский вопрос» в Беларуси в 40–50-е годы

Анатоль Великий

Проблему национальных отношений в советский период правящий режим сводил к двум идеологическим клише – «расцвет и сближение наций», а также «национальная по форме и социалистическая по содержанию культура». Однако эти пропагандистские клише не отражали сущности этнокультурных процессов и по большому счету не исполняли даже пропагандистских функций. В частности это касается так называемого «еврейского вопроса» в советской Беларуси.

Решение «еврейского вопроса» в БССР началось сразу после 1944 года с основы основ тоталитарной системы – партийно-советской номенклатуры, или «нового класса», по известному определению Милована Джиласа. В первое послевоенное десятилетие произошла тихая «номенклатурная зачистка» сформированного в Беларуси за предвоенный период еврейского «нового класса». То, что это был уже сформированный «новый класс», не вызывает сомнения, достаточно проанализировать состав партийных органов, начиная с горкомов и райкомов партии и заканчивая ЦК КПБ.

Состав первых – третьих секретарей РК и ГК КПБ на январь 1939 года по национальному признаку выглядел следующим образом:

из 96 первых секретарей 59 – беларусы, 15 – евреи, 20 – русские, 2 – прочие;
из 96 вторых секретарей 69 – беларусы, 19 – евреи, 7 – русские, 1 – прочий;
из 97 третьих секретарей 68 – беларусы, 13 – евреи, 9 – русские, 7 – прочих.

В целом, из 289 секретарей беларусов – 196 (68 %), евреев – 47 (16,3 %), русских – 36 (12,4 %), иных национальностей – 10 (3,3 %). Как видим, в секретарском корпусе евреи занимали второе место, опередив даже русских.

Довольно значительным было представительство евреев и в аппарате ЦК КПБ (данные на июнь 1941 г.). Так, помощником первого секретаря ЦК и секретарем его приемной были евреи. В «особом секторе» ЦК партии из 26 сотрудников евреев было 14, беларусов 8. В отделе руководящих партийных органов – из 27 сотрудников 11 евреев, 12 – беларусов, в промышленно-транспортном отделе из 6 сотрудников 4 были евреями, 2 – беларусами, и т.д.

В Витебском горкоме партии на персональном учете ЦК КПБ насчитывалось 68 ответственных работников, из них 32 еврея (47 %), 16 беларусов (23,5 %), 9 русских (13,2 %), остальные 11 (16,3 %) – представители других национальностей.

Из этих 32 евреев 6 были директорами заводов, 5 – ответственными сотрудниками горкома партии (секретари, инструкторы, заведующие отделами), один – директор Витебского медицинского института, один – директор медицинского техникума, один – директор кооперативного техникума.

Не менее убедительное «еврейское присутствие» ощущалось и в Могилеве. Здесь на персональном учете ЦК насчитывалось 56 ответственных работников. Из них 25 евреев (44,7 %), 16 беларусов (28,6 %), 4 русских, остальные 11 – других национальностей. Из 25 евреев-номенклатурщиков секретарями парткомов крупнейших предприятий Могилева работали 4 человека, директорами заводов – 7, плюс к ним заведующий городским отделом здравоохранения, начальник райотдела НКВД и другие начальники.

Не отставал по этим показателям и Гомель. Здесь среди 75 представителей «нового класса» евреев было 33 (43,9 %), беларусов – 16 (21,3 %), русских – 15 (20 %), прочих – 11. Еврейский «новый класс» представляли 4 секретаря парторганизаций предприятий (из 12 во всем Гомеле), директоры автомеханического техникума и музыкального училища, редактор областной газеты «Полесская правда», заведующий городским отделом здравоохранения, 8 директоров промышленных предприятий – фабрики «Коминтерн», стеклозавода имени Сталина, хлебокомбината, мясокомбината и т.д.

О том, что такова была общая картина по республике, свидетельствует высказывание первого секретаря ЦК КПБ Василия Шаранговича на Минской городской партконференции в 1937 году. Ведя речь о кадрах партийных работников, он сказал следующее.

> «Мне дали справку о составе секретарей ГК и РК КП(б)Б. Всего первых секретарей 88, вторых – 40. Из них белорусов – 38 первых секретарей, вторых секретарей – 19. Евреев – 30 первых секретарей, вторых секретарей – 12. Русских – 10 первых секретарей, вторых – 6. По Минску всего секретарей парткомов – по состоянию на 1 января 1937 г. – 341 человек. Из них белорусов – 125, евреев – 153 (44,37 % – Авт.), русских – 37, поляков – 5, других национальностей – 22.
>
> Какой здесь напрашивается вывод – и по Белоруссии в целом, и, особенно, тов. Рыскин (А. Рыскин в 1937 г. был первым секретарем Минского ГК КПБ. – *Авт.*) и тов. Ходасевич, по Минску – в целом неудовлетворительное воспитание и выдвижение местных национальных кадров, в первую очередь – белорусских коммунистов».

На основе приведенных фактов можно утверждать, что перед войной еврейский «новый класс» составлял значительную часть политической, хозяйственной, научной, культурной элиты коммунистической Беларуси.

* * *

Начало 1945 года не предвещало еврейской части партноменклатуры ничего плохого. Евреи, входившие в «новый класс» вернулись в БССР и заняли в восстанавливаемой системе те же места, что и до войны.

В Минской области из 97 ответственных партийных работников в первом полугодии 1945 года 19 евреев работали первыми – третьими секретарями райкомов и горкомов партии. В Витебской области из 108 работников высшего ранга 19 были евреями. В Гомельской области из 70 ответственных партработников 13 были евреями, в Могилевской из 97 – 19.

Довольно значительным было представительство евреев-партийцев и среди работников областного уровня. Так, в Полесской области Шерман Н.З. возглавлял промышленный отдел обкома, Рубинчик К.М. был заместителем заведующего отделом сельского хозяйства, Качаровский А.Е. – заведующим военным отде-

лом того же обкома партии. В Витебской области Гинзбург Я.Б. работал секретарем обкома по пропаганде, Шапиро Х.З. – заведующим промышленным отделом обкома. В Гомельском обкоме Рывкина Х.Л. была заместителем заведующего отделом пропаганды, Клебанов С.И. – заведующим военным отделом.

Ситуация коренным образом изменилась в конце 1946 – начале 1947 года, когда прошли перевыборы партийных органов всех уровней. По их результатам среди первых секретарей ГК и РК оказались всего два еврея-номенклатурщика (1,1 %), среди вторых секретарей – 8 (4,2 %). Дальше – больше. После выборов в районные и городские партийные организации в 1955 году среди секретарей не было уже ни единого еврея. Больше евреев на высшие руководящие должности не допускали.

По сути, партийные выборы 1955 года поставили точку в отношении еврейского «нового класса». Многолетнее, начиная с 1917 года, активное еврейское присутствие в общественно-политической жизни республики было ликвидировано. Как же это произошло?

Во-первых, после войны по инициативе И.В. Сталина началась борьба с так называемыми «безродными космополитами», а проще – с евреями. Острие этой борьбы было направленно не только против творческой интеллигенции, но и против евреев-номенклатурщиков.

Во-вторых, в Беларуси после 1944 года выделилась группа работников-беларусов, которые во время войны приняли активное участие в боевых действиях в составе партизанских формирований. Эти бывшие командиры и комиссары считали, что, получив известность и популярность в республике, именно они должны определять послевоенную судьбу БССР.

«Партизанский клан» ощутил вкус власти во время войны и не желал расставаться с этой властью после войны. А кампания борьбы с «безродными космополитами» помогла им укрепиться во властных структурах всех уровней. «Партизаны» занимали все высшие должности в республике вплоть до конца 70-х годов.

В-третьих, в БССР после войны во властные структуры всех уровней, в отличие от довоенного периода, влилось значительное число русских, которые заняли достаточно высокие должности в партийном и государственном аппарате. В 1946 году среди секретарей горкомов и райкомов партии русских было 26,4%. Напомним, что в 1940 году русские в этой категории номенклатурных работников составляли только 12 %.

Эти три причины не только определили политическую судьбу еврейского «нового класса» (его фактическую ликвидацию), но и сформировали стратегию и тактику беларуско-русского «нового класса» касательно евреев.

* * *

1947 год характерен тем, что в середине года впервые за послевоенный период была «вскрыта и ликвидирована антисоветская группа евреев-националистов» в системе Главного аптечного управления БССР.

Но основной удар по беларуским евреям пришелся на начало 50-х годов. Прежде всего он проявился в ряде фальсифицированных дел о так называемых «еврейских буржуазных националистах». Инициатором этих дел выступил ЦК КПБ, который в начале 1951 года направил всем секретарям обкомов партии

под грифом «абсолютно секретно» телефонограмму об усилении борьбы с проявлениями буржуазного национализма, имея в виду в первую очередь еврейский буржуазный национализм. Интересна иезуитская формулировка:

> «Центральный комитет КП(б)Б дал всем секретарям обкомов устное распоряжение о необходимости усилить внимание партийных организаций к вопросам борьбы против буржуазного национализма, против нарушений большевистских принципов работы с кадрами».

В результате мгновенно последовал ряд фальсифицированных дел о «проявлениях еврейского буржуазного национализма». Одним из важнейших было дело работников промышленной кооперации, которое возникло еще в августе 1950 года. Суть его была в том, что председатель Белкоопсоюза Марголин якобы «сплотил вокруг себя группу буржуазных еврейских националистов». В январе 1952 года Марголина и связанных с ним 7 «буржуазно-еврейских националистов» осудил военный трибунал войск МГБ Белорусского военного округа за «активную буржуазно-националистическую деятельность и разворовывание социалистической собственности» на различные сроки тюремного заключения.

В январе того же 1952 года Бюро ЦК констатировало, что в Борисове «возникла и пролезла на руководящие должности в партийном, советском руководстве группа еврейских буржуазных националистов, которые занимались националистической деятельностью, разворовыванием социалистической собственности».

* * *

Последний штрих в «борьбе с безродными космополитами» – это, безусловно, известное на весь мир «дело врачей». В Москве аукнулось, в Минске откликнулось. Да так откликнулось, что заставило всех беларуских евреев с января и до начала марта 1953 года замереть в тревожном ожидании. Сообщение ТАСС об аресте группы врачей прозвучало 13 января 1953 года, а уже 14 января в Гомеле (на второй день после сообщения ТАСС) было проведено 350 митингов и собраний, на которых присутствовало более чем 40 тысяч человек, выступило свыше 800 рабочих, которые «гневно клеймили врачей-убийц». В столице вообще действовали на опережение. Обсуждение сообщения ТАСС на мотовелозаводе, других крупнейших предприятиях Минска происходило в ночь с 13 на 14 января, иначе говоря, третью смену рабочих сразу погнали на митинги и собрания.

Партийные режиссеры этого политического спектакля умело перевели политические страсти с далеких московских докторов на их беларуских коллег по специальности и национальности. Заявления типа «я не пойду лечиться в поликлинику, ведь там работают одни евреи» были еще самые корректные в том потоке брани и оскорблений, что обрушился не только на обладателей определенной профессии. Чаще встречались иные высказывания: «евреи – это гады, подлые предатели, им не может быть места на нашей земле, часть их надо уничтожить, а оставшихся – выслать на Север»; «вся еврейская нация недостойна одной светлой жизни товарища Жданова» и тому подобные.

Надо отметить еще одну особенность этой драмы, растянувшейся на два месяца. Партийные чиновники всех уровней организовывали митинги и собрания, главным образом, среди наименее образованной части населения, апелли-

руя преимущественно к чувствам толпы. Именно среди наиболее отсталой части населения звучали наиболее радикальные призывы к решению еврейского вопроса.

Если подытожить требования, которые выдвигали на митингах представители «трудового народа», то они были таковы:

– запретить евреям получать высшее образование;

– всех евреев отстранить от управленческой работы, особенно в пищевой промышленности и медицинских учреждениях;

– запретить евреям командовать славянами;

– принудить евреев заниматься тяжелым физическим трудом на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах;

– выселить евреев в районы Сибири и Дальнего Востока;

– переселить их всех в отдельную республику или область (например, в Еврейскую АО).

Вероятно, именно такие планы и строило высшее советское руководство.

В «Информации об откликах рабочих на сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей», направленной отделом руководящих партийных, профсоюзных, комсомольских органов ЦК первому секретарю ЦК КПБ Николаю Патоличеву на первой странице сказано:

> «Есть масса заявлений в форме просьб и требований о ссылке евреев в какое-нибудь одно место, как это было сделано в свое время с крымскими татарами и немцами Поволжья».

А что же сами евреи? Их настроение и поведение в это время характеризовались угнетенностью, испугом, тревожным ожиданием. О том, каким было настроение еврейского населения, красноречиво свидетельствует признание пионервожатой одной из школ Могилева, которая, придя в школу, пожаловалась директору, что она боится ходить на работу, ибо чувствует, что ее вот-вот побьют.

Секретарь Гомельского обкома КПБ Павлов сообщал в ЦК КПБ, что в результате развернутой кампании в Жлобине имели место хулиганские выпады по отношению к «лицам еврейской национальности». Так, 14 января 1953 года рабочий вагонного депо с друзьями пришли на квартиру рабочего-еврея, оскорбляли его, а потом жестоко избили. На вокзале в Жлобине двое местных жителей без всякой причины избили двух евреев и скрылись.

Но, быстро начавшись, пропагандистская кампания столь же быстро и закончилась. Сталин умер 5 марта 1953 года, и в высшем партийном руководстве немедленно разгорелась ожесточенная борьба за власть. Верхушке КПСС стало не до «космополитов».

Тем не менее, беларуско-русский «новый класс» не хотел менять ту политику в отношении евреев, которая была уже выработана за послевоенное десятилетие. Вплоть до запрета структур КПСС и КПБ в августе 1991 года она оставалась дискриминационной и ксенофобской.

1948 ГОД: УБИЙСТВО В МИНСКЕ

Максим Петров

13 января 1948 года в Минске был убит Соломон Михоэлс – руководитель Государственного еврейского театра СССР. Обстоятельства его смерти теперь известны, хотя официального расследования до сих пор не было.

От театра – к политике

Шлойме Вовси родился 16 марта 1890 года в Двинске (ныне Даугавпилс в Латвии) в семье мелкого торговца древесиной. Отец вскоре разорился, после чего семья переехала в Ригу.

В 1905 году 15-летний Шлёма, ученик реального училища, впервые увидел спектакли профессионального театра – и русского, и еврейского. С этого момента у него возник огромный интерес к сценическому искусству, хотя отец и все родственники настойчиво советовали ему избрать более прибыльную профессию – адвоката. Однако путь к высшему образованию закрывала пресловутая «процентная норма», установленная царскими властями для евреев. Только в 1915 году 25-летнему Шлойме удалось поступить на юридический факультет Петроградского университета.

И все же юристом он не стал. В 1919 году Шлойме узнал, что в холодном и голодном Петрограде режиссер А. Грановский создает еврейскую театральную студию. Вскоре он стал ее учеником. А в 1921 году петроградцы объединились с москвичами и открыли в Москве еврейский камерный театр. Стены здания расписал витебский художник Марк Шагал – будущая мировая знаменитость. В 1925 году этот театр стал государственным*.

В 1927 году Шлойме Вовси, взявший себе псевдоним Соломон Михоэлс, добился триумфального успеха, исполнив главную роль в спектакле «Путешествие Вениамина Третьего». Спустя два года он стал художественным руководителем Государственного еврейского театра СССР.

Июнь 1941 года застал Михоэлса в Москве. Здесь он возглавил Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), созданный в апреле 1942 года. ЕАК немало способствовал упрочению союза между СССР и США против гитлеровской Германии. В 1943 года Сталин послал Соломона Михоэлса и поэта Ицека Фефера в зарубежную командировку. За 7 месяцев они объехали много городов США, Канады, Мексики и Великобритании. Цель поездки заключалась в сборе денежных средств в пользу Советского Союза. Михоэлс и Фефер не подвели. Напри-

---

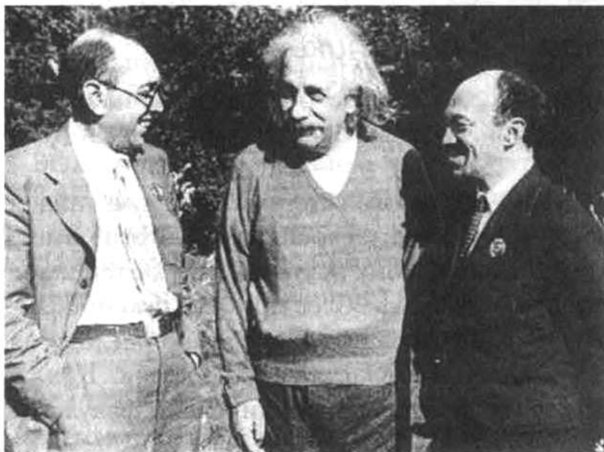
* Алексей Михайлович Грановский (Авраам Азар; 1890–1937) поставил в Петрограде (Ленинграде) ряд спектаклей по произведениям еврейских писателей. В 1928 году эмигрировал в Западную Европу.

Марк Шагал (1887–1985) жил и работал в Витебске, эмигрировал во Францию в 1922 году. Автор многочисленных картин, рисунков, витражей. Его произведения изображают сцены из жизни еврейских местечек и библейские сюжеты.

мер, послушать их выступление на стадионе в Нью-Йорке пришли 48 тысяч человек! И каждый пожертвовал какую-то сумму*.

В Америке Михоэлс и Фефер встречались со знаменитым физиком Альбертом Эйнштейном, писателями Теодором Драйзером и Эптоном Синклером, киноактером Чарли Чаплиным, певцом Полем Робсоном, другими известными деятелями культуры**. И если в США нашлись деньги для отправки караванов судов с оружием, техникой и продовольствием в Мурманск, Архангельск, Владивосток, то в этом была немалая заслуга как самого Михоэлса, так и всего ЕАК.

Но после «великой победы» Сталин приступил к кардинальным изменениям в национальной политике, в частности, он становился все большим антисемитом.

Фефер, Эйнштейн и Михоэлс

12 октября 1946 года Министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов направил в ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР записку «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета»***. Вскоре после этого отдел внешней политики ЦК ВКП(б) устроил «проверку» деятельности ЕАК.

* Сообщение об учреждении ЕАК и его воззвание к «евреям во всём мире» за 47 подписями было опубликовано в советской печати 7 апреля 1942 г. Основной задачей ЕАК стала организация политической и материальной поддержки борьбы СССР против Германии.

В ЕАК вошли Соломон Лозовский (директор Совинформбюро) и Михаил Бородин (главный редактор Совинформбюро), писатели Илья Эренбург и Давид Бергельсон, поэты Самуил Маршак, Перец Маркиш, Лев Квитко, Ицек Фефер, кинорежиссёр Сергей Эйзенштейн, музыканты Давид Ойстрах и Эмиль Гилельс, актёр Вениамин Зускин, генералы Яков Крейзер и Арон Кац, командир подводной лодки Израиль Фисанович, академики Александр Фрумкин, Лина Штерн и более 30 других лиц. Соломон Михоэлс был избран председателем ЕАК, Александр Эпштейн – секретарем. – *Прим. ред.*

** Альберт Эйнштейн (1879–1955) – лауреат Нобелевской премии 1921 года по физике. Теодор Драйзер (1871–1945) – автор многих романов, в том числе трилогии «Финансист». Эптон Синклер (1878–1968) прославился серией «социологических» романов. Чарли Чаплин (1889–1977) – всемирно знаменитый актер и режиссер комедийных фильмов периода «немого» кино. Поль Робсон (1898–1976) – негритянский певец, актёр театра и кино.

ЕАК собрал 16 млн долларов в США, 15 млн в Англии и Канаде, 1 млн в Мексике, 750 тыс. в британской Палестине, а также другую помощь: медицинское оборудование, санитарные машины, одежду, продукты питания. Например, 16 июля 1943 газета «Правда» сообщила: «Соломон Михоэлс и Ицик Фефер получили сообщение из Чикаго, что специальная конференция Джойнт начала кампанию, чтобы финансировать тысячу санитарных машин для потребностей Красной Армии». – *Прим. ред.*

*** Виктор Абакумов (1894–1954) с 1941 по 1943 год заместитель наркома внутренних дел СССР, с 1943 по март 1946 начальник военной контрразведки СМЕРШ (Смерть шпионам!). В октябре 1946 возглавил только что созданное Министерство госбезопасности (МГБ). В августе 1951 был арестован по приказу Сталина. Берия освободил Абакумова сразу после смерти Сталина (5 марта 1953 г.), но после ареста Берии (26 июня 1953 г.) его снова арестовали и в начале декабря 1954 расстреляли. В качестве главного преступления ему вменили фабрикацию так называемого «ленинградского дела». – *Прим. ред.*

В заключении по итогам проверки было сказано, что члены ЕАК вступают в контакты с буржуазными деятелями и организациями на основе еврейского национализма – забывая о классовом подходе, и что они, рассказывая в буржуазных СМИ о жизни советских евреев, преувеличивают их вклад в достижения СССР, что является проявлением еврейского национализма.

В заключении подчеркивалось, что ЕАК внутри страны присваивает себе функции главного уполномоченного по делам еврейского населения и посредника между этим населением и органами партийно-советской власти.

На основе этого был сделан вывод о том, что деятельность комитета вышла за пределы его компетенции, является политически вредной и нетерпимой. ЕАК следует ликвидировать.

Через 13 месяцев – 26 ноября 1947 года – записку аналогичного содержания направил И.В. Сталину секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов*.

Однако в тот момент Сталин еще не санкционировал разгром ЕАК. Прошло еще пять месяцев. И вот 26 марта 1948 года МГБ СССР подало в ЦК ВКП(б) и Совмин СССР новую записку «О Еврейском антифашистском комитете». В ней говорилось, что руководители ЕАК являются активными националистами и ведут антисоветскую работу, а также что С.М. Михоэлс и И.С. Фефер в 1943 году в США вошли в контакт с лицами, якобы связанными с американской разведкой.

20 ноября 1948 года члены Политбюро ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление:

> «Утвердить следующее решение Бюро Совета Министров СССР.
>
> Бюро Совета Министров СССР поручает Министерству государственной безопасности СССР немедля распустить «Еврейский антифашистский комитет», так как, как это показывают факты, этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать. Пока никого не арестовывать».

Виктор Абакумов

Но существовала одна «маленькая проблема» – председатель ЕАК Михоэлс, народный артист СССР (с 1939 г.), награжденный орденом Ленина, лауреат Сталинской премии 1946 года, широко известный не только среди евреев всего мира, но и в правительственных кругах западных союзников. Несомненно, он отверг бы любые обвинения в адрес возглавляемого им комитета. Эту проблему требовалось устранить.

---

* Михаил Суслов (1902–1982) в 1939–44 был 1-м секретарем Ставропольского крайкома партии. Член ЦК с 1941. В 1944–46 председатель Бюро ЦК по Литовской ССР. С 1947 секретарь ЦК. В 1949–50 редактор газеты «Правда». С 1955 и до смерти член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС. – *Прим. ред.*

Как это было

Тайну гибели Михоэлса раскрыл Л.П. Берия, занявший после смерти Сталина пост министра внутренних дел СССР. Берия, стремившийся к вершинам власти в стране, счел выгодным для себя прекратить наиболее одиозные дела МГБ, в том числе «дело ЕАК» и «дело врачей». К тому же по делу ЕАК была арестована и приговорена к ссылке Полина Жемчужина, жена В.М. Молотова, так что у Берии появился шанс сделать Молотова своим союзником посредством реабилитации его супруги.

Обстоятельства убийства Берия изложил в небольшой записке от 2 апреля 1953 года, направленной в Президиум ЦК КПСС*. В ней он писал, что в ходе проверки «дела врачей» выяснилось, что Михоэлс стал жертвой убийства, а не дорожного происшествия.

Полина Жемчужина и Вячеслав Молотов с дочерью

По словам Берии, Сталин считал Михоэлса руководителем «антисоветской еврейской националистической организации», однако МГБ не располагал конкретными данными о его «антисоветской» или «шпионской» деятельности, несмотря на то, что много лет Михоэлс находился под агентурным наблюдением.

Берия сообщал в записке, что по делу об этом убийстве допрошен бывший министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов, арестованный еще в 1951 году, затребованы объяснения от С.И. Огольцова, Л.Ф. Цанавы и других участников секретной операции**.

Абакумов сообщил, что Сталин в конце 1947 года дал ему задание организовать ликвидацию Михоэлса. Когда стало известно, что Михоэлс планирует поездку в Минск, Абакумов решил расправиться с ним именно там, инсценировав несчастный случай. Проведение операции он поручил своему заместителю С.И. Огольцову, начальнику отдела 2-го главного управления (внутренней разведки) МГБ СССР Ф.Г. Шубнякову и министру госбезопасности БССР Л.Ф. Цанаве.

Как объяснял Огольцов, рассматривались несколько вариантов ликвидации. От автомобильной катастрофы отказались, так как в ней могли серьезно пострадать задействованные сотрудники МГБ. Решили инсценировать автомобильный наезд, хотя и в этом случае ради глубокой конспирации приходилось жертвовать агентом госбезопасности Голубовым, сопровождавшим Михоэлса в Минск.

Из воспоминаний заслуженной артистки БССР Юдифи Арончик:

---

* В 1952 году, на своем XIX съезде, ВКП(б) сменила название на КПСС. – *Прим. ред.*

** Сергей Огольцов до августа 1951 являлся заместителем министра госбезопасности СССР, с августа по декабрь – министром.

Лаврентий Фомич Цанава (Джанджгава; 1900–1955) – с июня 1943 по октябрь 1951 нарком (с 1946 министр) госбезопасности БССР. Был женат на сестре Л.П. Берии. В 1951–52 зам. министра госбезопасности СССР. С марта 1952 в запасе. Арестован 4 апреля 1953. – *Прим. ред.*

> «Соломон Михайлович просидел у нас до половины восьмого утра. Говорили, говорили, говорили. От усталости ли, от горького ли какого-то предчувствия при прощании, он вдруг подавленно вымолвил: «Я, наверное, скоро умру...» Я стала растерянно укорять его за эти слова. Хотя в самой что-то дрогнуло. Попрощались мы только до вечера. Кто мог подумать, что это прощание было навсегда!»

Согласно версии, обнародованной после его гибели, Михоэлс в ночь с 12 на 13 января 1948 года, во время поездки в Минск, был вместе с его приятелем, критиком В.И. Голубовым случайно сбит грузовиком и умер. Михоэлсу устроили государственные похороны, выпустили сборник статей о нем и его творчестве. Еврейскому театру присвоили имя Михоэлса (в начале 1949 года имя было снято).

Но в апреле 1953 года, после ареста В.С. Абакумова, министра Госбезопасности СССР, по инициативе Л.П. Берии было проведено расследование, в ходе которого обстоятельно показано, что Михоэлс (а также его спутник, тайный осведомитель МГБ) был умышленно убит группой офицеров МГБ под руководством генерал-лейтенантов С.И. Огольцова и Л.Ф. Цанавы и полковника Ф. Г. Шубнякова. Согласно показаниям Абакумова – по прямому личному указанию Сталина.

Подробности осуществления этой акции рассказал на допросе Цанава:

> «Примерно в 10 часов вечера Михоэлса и Голубова завезли во двор дачи /он имел в виду свою дачу на окраине Минска/. Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной.
>
> Примерно в 12 часов ночи, когда по Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города /речь шла об улице Белорусской напротив стадиона «Динамо»/. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Сталин распорядился наградить убийц боевыми орденами!

30 апреля 1948 года Абакумов направил Сталину список чекистов, представленных к награждению: орденами Красного Знамени – генерал-лейтенанта Огольцова С.И. и генерал-лейтенанта Цанаву Л.Ф.; орденами Отечественной войны 1-й степени – полковника Шубнякова Ф.Г. и старшего лейтенанта Круглова Б.А.; орденами Красной Звезды – майора Косырева А.Х. и майора Повзуна Н.Ф.

С.М. Михоэлс в январе 1948 г.

Дирекция, парторганизация, местком и коллектив работников Московского государственного Еврейского театра с глубокой скорбью извещают о внезапной и безвременной кончине своего художественного руководителя и друга — народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, профессора

Соломона Михайловича

МИХОЭЛСА

и выражают глубокое соболезнование семье покойного. О дне похорон будет сообщено особо.

Сталин принял решение не сразу, но в конце концов подписал представление Абакумова. Фамилии «героев» были включены в два указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении – от 28 и 29 октября 1948 года.

Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берии и постановил: Огольцова и Цанаву арестовать, ордена у всех награжденных отобрать, что и было сделано.

Однако после ареста Берии в июне того же года Президиум ЦК КПСС принял решение об освобождении Огольцова. А вот Цанава остался в тюрьме, но уже как участник «банды Берии». 5 августа 1953 года он отправил слезное письмо К.Е. Ворошилову с просьбой об освобождении. В этом письме Цанава отрицал причастность к убийству Михоэлса и Голубова:

> «К убийству этих людей я отношения не имею. Всю операцию проводили Абакумов и Огольцов. Абакумов руководил из Москвы, Огольцов на месте, в Минске, с большой группой полковников и подполковников, приехавших из Москвы, из МГБ СССР, провели всю операцию. Я же не виноват, что ввиду стечения обстоятельств операция была проведена в Минске, где я тогда был, к несчастью, министром госбезопасности».

Никакой реакции на письмо Цанавы не последовало. 12 октября 1955 года он, по одной версии, покончил с собой в Бутырской тюрьме, по другой – умер там от болезни.

Писал Цанава правду или нет – трудно сказать. Во всяком случае, он знал, что 5 января 1948 на заседании Комитета по Сталинским премиям было решено, что Михоэлс (член этого органа) должен съездить в Минск и ознакомиться с театральными произведениями, представленными на соискание премии. Речь шла о спектакле «Константин Заслонов» в театре имени Янки Купалы и «Алеся» в Государственном театре оперы и балета БССР.

Лаврентий Цанава

Важные детали убийства Михоэлса сообщил в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» П.А. Судоплатов*. Он утверждал, что непосредственным исполнителем являлся полковник Лебедев. Михоэлсу и Голубову сначала сделали инъекцию яда, а затем уже их переехала машина.

По словам Судоплатова, аналогичным способом были совершены и некоторые другие политические убийства в СССР, например, инженера Самета в Ульяновске

* Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) – видный деятель советской разведки и контрразведки. В 1938 в Роттердаме он убил Евгения Коновальца, одного из лидеров ОУН. В 1940 организовал в Мексике убийство Л.Д. Троцкого. В 1941–43 был начальником Управления спецопераций НКВД СССР, в 1943–53 начальник управления «С» в НКГБ (МГБ) СССР. Имел звание генерал-лейтенанта.

Арестован в августе 1953. В 1954–58 находился в психиатрической клинике, симулируя сумасшествие, чтобы избежать смертной казни. В 1958–68 отбывал заключение в тюрьме. В 1962 реабилитирован. – *Прим. ред.*

в июне 1946 года. Его вывезли за город, сделали укол яда, переехали грузовиком и оставили лежать на шоссе. В этом деле участвовали полковник МГБ Лебедев и старший лейтенант Круглов – те же чекисты, что позже убили Михоэлса.

Дело ЕАК

Далеко не все поверили официальной версии о несчастном случае. На похоронах Михоэлса в Москве Полина Жемчужина спросила у нового руководителя Еврейского театра Вениамина Зускина: «Вы думаете, что здесь было – несчастный случай или преступление?» Когда Зускин сказал о трагической случайности, Жемчужина ответила: «Нет, это не так, тут далеко не все так гладко, как кажется».

Разговор состоялся при свидетелях, после него пошли слухи об убийстве. Об этом доложили Сталину и в январе 1949 года Жемчужину арестовали*.

Убийство Михоэлса стало началом кампании по борьбе с «безродными космополитами», занявшей свыше пяти лет. Ее конечная цель заключалась в том, чтобы представить евреев, проживавших в Советском Союзе, новой «пятой колонной», «агентурой мирового империализма» и подвергнуть массовым репрессиям. Был разработан план, согласно которому всех евреев следовало выселить в удаленные районы Сибири, с обязательным привлечением к тяжелому физическому труду. То есть – обречь на вымирание.

Первым этапом в этой кампании стал разгром Еврейского антифашистского комитета. 20 ноября 1948 года ЕАК был распущен решением Бюро Совета Министров СССР «как центр антисоветской пропаганды». В декабре 1948 года были арестованы новый председатель ЕАК Ицек Фефер и новый директор Еврейского театра в Москве Вениамин Зускин. В начале 1949 года арестовали почти всех членов ЕАК. Их обвинили в еврейском национализме и в плане создания еврейской республики в Крыму, чтобы служить американским интересам.

Сергей Огольцов

В январе 1949 советские СМИ начали пропагандистскую кампанию против «космополитов», реально нацеленную против евреев в СССР.

12 августа 1952 года были казнены 13 бывших членов ЕАК: Д. Бергельсон, М. Бородин (Грузенберг), Д. Гофштейн, В. Зускин, Л. Квитко, С. Лозовский (Дридзо), П. Маркиш, И. Фефер и еще 5 человек. Один из обвиняемых умер до суда. Всего по делу ЕАК было репрессировано 110 человек.

* Настоящие имя и фамилия П.С. Жемчужиной (1897–1970) – Перл Карповская. Она стала женой В.М. Молотова в 1921 году.

А 13 января 1953 года агентство ТАСС сообщило об аресте в Москве группы «врачей-вредителей». С этого момента стало разворачиваться пресловутое «дело врачей». Процесс над «убийцами в белых халатах» должен был завершиться инсценированным линчеванием их толпой или, по другому варианту (об этом писал Солженицын в «Архипелаге ГУЛаг»), их повешением и инсценированным погромом, вслед за чем должна была начаться массовая депортация евреев в Сибирь. Но 5 марта умер И.В. Сталин, в верхах развернулась ожесточенная борьба за власть, и высшее партийное руководство утратило интерес к «еврейской карте».

22 ноября 1955 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор в отношении членов ЕАК ввиду отсутствия в их действиях состава преступления.

29 декабря 1988 года Комиссия Политбюро ЦК КПСС рассмотрела материалы, связанные с реабилитацией в судебном и партийном порядке лиц, проходивших по «делу Еврейского антифашистского комитета». Комиссия отметила, что проверкой установлено, что дело является сфабрикованным, а признания обвиняемых на следствии получены незаконным путем.

Соломон Лозовский (Дридзо)

Ныне установлено, что прямую ответственность за репрессии в отношении членов ЕАК несет Г.М. Маленков, курировавший следствие и судебное разбирательство. Так, 13 января 1949 года он вызвал к себе С.А. Лозовского и в ходе длительной беседы, на которой присутствовал М.Ф. Шкирятов, председатель Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б), требовал от Лозовского признания в «преступной деятельности».

В качестве главного «компромата» при этом фигурировало письмо, направленное И.В. Сталину пять лет назад – 15 февраля 1944 года. Его написал И.С. Фефер, а отредактировал С.А. Лозовский. Письмо содержало предложение о создании в Крыму Еврейской автономной республики.

Главную роль в репрессиях против ЕАК сыграло 2-е Главное управление МГБ, которое возглавлял генерал-майор Е. Питовранов. Тем не менее, Сталин решил, что МГБ слабо борется с «еврейскими националистами», и в октябре 1951 года приказал арестовать ряд руководителей министерства, в том числе В. Абакумова и Е. Питовранова.

Питовранов 23 апреля 1952 года обратился из тюрьмы с письмом к вождю. В нем он высказал ряд предложений о том, как перестроить работу органов госбезопасности, в том числе и по «еврейскому вопросу»:

«Все, что делалось по борьбе против еврейских националистов, которые представляют сейчас не меньшую, если не большую опасность, чем немецкая колония

в СССР перед войной с Германией, сводилось к спорадическим усилиям против одиночек и локальных групп.

Для того, чтобы сделать эту борьбу успешной, следовало бы МГБ СССР смело применить тот метод, о котором Вы упомянули, принимая нас, работников МГБ, летом 1951 года, а именно: создать в Москве, Ленинграде, Украине (особенно в Одессе, Львове, Черновцах), в Белоруссии, Узбекистане, Молдавии, Литве и Латвии националистические группы из чекистской агентуры, легендируя в ряде случаев связь этих групп с зарубежными сионистскими кругами. Если не допускать шаблона и не спешить с арестами, то через эти группы можно основательно выявить еврейских националистов и в нужный момент нанести по ним удар».

Это письмо сыграло свою роль: в конце 1952 года по распоряжению Сталина генерала Питовранова освободили из тюрьмы и назначили на руководящую должность в МГБ. После ликвидации МГБ Е. Питовранов продолжил службу в КГБ в звании генерал-лейтенанта. Он вышел на пенсию и умер естественной смертью.

***

Во времена хрущевской «оттепели» в Политбюро решили поставить крест на деле об убийстве Михоэлса и никого из исполнителей не наказывать. Все же хочется узнать, почему документы по делу об убийстве Михоэлса даже сейчас, через 62 года после совершения преступления, продолжают сохранять гриф «секретно»?!

III. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ «ДАВИЛОВКА»

ЖЕНЩИНЫ БЕЛАРУСИ В «ЭПОХУ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ» (По документам ЦК КПБ)

Илья Курков

В 1920-е годы в БССР, республике преимущественно аграрной, шел процесс формирования новых общественных отношений. Официальная пропаганда призывала крестьянок оставить вековую «кудель» и активно участвовать в строительстве социализма. Специально для «работы среди женщин» руководство республики создало в ЦК КПБ женский отдел, координировавший деятельность разветвленной сети местных женских отделов и занимавшийся организацией съездов крестьянок. Другие отделы ЦК тоже принимали участие в этой работе. Постепенно в партийных архивах накапливались сотни дел, где зафиксированы изменения в положении женщин беларуской деревни. Эти материалы ныне хранятся в Национальном архиве РБ, в фонде ЦК КПБ (№ 4), насчитывающем более ста тысяч единиц хранения.

Уникальность их не только в том, что ЦК партии в течение десятилетий был фактически высшим органом власти в Беларуси. Большинство документов других учреждений периода 20–30-х годов утеряно в годы Второй мировой войны, тогда как материалы ЦК КПБ удалось эвакуировать.

Знакомство с ними можно начать с описи № 9 «Архивных дел Женотдела ЦК КП(б)Б за 1924–1930 годы», в которой учтено 216 дел. Среди них протоколы Всебелорусских съездов крестьянок и анкеты делегаток, переписка о «работе среди женщин», отчеты и протоколы заседаний уездных женских отделов, сведения о бытовом обслуживании крестьянок, письма и заявления. В качестве примера «проблемного» документа из описи № 9 можно привести фрагмент выступления делегатки Радкевич на 7-м Всебелорусском совещании женских отделов (1926 г.):

> «Часто крестьянки заявляют, что они дочерей своих в ЛКСМ не пустят, ибо это к добру не приведет. Девушка там согрешит, а потом будет сидеть в девках. Такие разговоры имеют под собой почву, ибо они объясняются часто тем неправильным подходом к девушкам, которые есть среди ЛКСМ, и по этой линии, в смысле разъяснительной работы среди крестьянок, увязка в работе с ЖО /женскими отделами – *Авт.*/ нужна».

Из журнала «Arche», 1999, № 3. Перевод А.Е. Тараса.

Подобная информация содержится также в докладе по результатам инспекции Калининской парторганизации инструктором ЦК КПБ А. Розеншайном (1924 г.):

> «Недавно выяснилось, что один секретарь комсомольской ячейки (кандидат партии) принимал в КСМ только тех крестьянских девушек, которые ему отдавались, и этим доказывали свой «не мещанский» взгляд на половой вопрос. Пятерых он таким образом обманул и четверых исключил из союза».

Важность женского вопроса для партийного руководства подтверждают слова из доклада секретаря ЦК Н. Голодеда на IX съезде КПБ в декабре 1925 года:

> «Нам нужно обязательно усилить вовлечение в ряды КСМ девушек, ибо до сих пор мы очень мало сделали в этом отношении. Всего в комсомоле девушек – 17,3%, причем большее количество из них представляют городские, а крестьянок совсем мало, их процент незначительный. Мы должны довольно сильно в будущем поднажать на эту сторону работы».

Такая работа явно имела смысл. Например, в 1928 году руководство Круглянского райкома ЛКСМБ докладывало:

> «Работа с девчатами немного сдвинулась, но и до этого времени она ведется слабо. В направлении работы с девчатами РК добился перелома некоторых ячеек, которые начали регулярно привлекать девушек на собрания, в политкружки и т.д. Благодаря втягиванию девчат, всего за год принято 35 человек».

Исследователям еще предстоит разобраться с вопросом: пассивность деревенских девчат была следствием соответствующей «политики» их родителей, или, может быть, крестьянки обладали более стойким «иммунитетом к идеологии», чем горожанки?

Отметим интересный факт: в деревне существовал не только «классовый» антагонизм (бедняки – кулаки), но и «гендерный» – между «классово-несознательными» женщинами и их активными мужьями. Это осторожно отмечали исследователи еще советского времени:

> «Медленнее шло становление новых взглядов у женщин села, слабее связанных с общественной жизнью, больше занятых в домашнем хозяйстве».

Молодая беларуска (фото 1920-х гг.)

Вот, например, с какими трудностями сталкивались районные власти при организации колхозов:

> «Отмечались агитация и открытые выступления на собраниях, разгоны сельсоветов, как в Дубровенском районе Оршанского округа, вывешивание угроз на воротах домов активистов. Особенно деятельно вели себя женщины. В деревне Хойники Бобруйского округа во время собрания женщины с кулаками бросались на своих мужей, преследовали представителей районных властей. Также подвергались нападению представители района в деревне Глушки этого округа».

В феврале 1930 года политотдел 8-й стрелковой дивизии направил в ЦК КПБ донесение о результатах агитпохода частей дивизии по деревням, где сообщалось следующее:

«В большинстве, со стороны бедноты, середнячества, настроения вполне советские. Приходу частей Красной Армии рады. Во многих деревнях были организованы встречи частей. Особенно отсталыми элементами, антиколхозно настроенными, показали себя женщины почти во всех деревнях. Характерные случаи их выступлений были: в д. Юзефон целиком почти собрание женщин плакало, когда докладчик предлагал обобществить коров. В д. Рыня на сходе появилась женщина, которая, раскрыв тулуп, оказалась совершенно голая, заявив: «мы все голые и в колхозы не можем идти». В д. Емельянов Мост жена председателя комитета взаимопомощи Агафья Бородина открыто выступала против колхозов, и за ней идет большинство женщин деревни. На сходе бедноты, во время записи в колхоз ее мужа, вышла на середину избы с истерическими криками: «не надо колхозов», и упала на пол. Ее выходка едва не сорвала собрание бедноты».

Женщины-работницы на митинге (БССР, фото начала 1930-х гг.)

То, что «консервативные» женщины были в то время влиятельной силой, видно по выступлению на XI съезде КПБ (ноябрь 1927 г.) делегата Мазакиса:

«В двух деревнях, например, середняки сорвали собрания бедноты. На одно собрание они специально послали женщин-середнячек, которые криками сорвали собрание»...

Впрочем, «классовая несознательность» сельских женщин была явлением не только специфически беларуским. Отличительной чертой БССР в 1920-е годы было значительное число еврейских земледельческих хозяйств. 27 августа 1925 года секретарь Журавицкого райкома КПБ Могилевского округа докладывал в ЦК партии:

«В еврейских сельскохозяйственных артелях замечается пассивность, ввиду того, что в артелях работают бывшие торговцы и, по видимому, они думают заняться своим прежним ремеслом, так что некоторые хотят, чтобы их исключили из артели... за последнее время заметно упала дисциплина и некоторые совершенно не хотят слушать правление артели, главным образом в артели «Пахарь». Им это лето не пришлось пользоваться наемным трудом, а работали сами, совместно со своими женами. Вот эти-то женщины и нападают на своих мужей, говорят: «что мы тут работаем, а посмотрите как живут женщины у тех, которые занимаются торговлей – полные, жирные, а мы худые».

На X съезде КПБ в январе 1927 года делегатка Муратова рассказывала о трудностях, с которыми сталкивались крестьянки-активистки:

«Одна заместительница председателя сельсовета деревни Боровки Полоцкого округа и Полоцкого же района, когда председатель уехал на курсы, осталась замещать его. Председатель решил, что как же это так можно – бабе доверить печать, лучше уж он эту печать возьмет с собой (смех в зале). И вот он уехал, и с собой печать увез, а секретарь подумал: «если председатель своему заму печать не доверяет, стало быть и бумажки нельзя доверить». И вот, он бумажки, получаемые из РИКа тоже начал прятать...

Другой факт: одна крестьянка, весьма активный член сельсовета, участвовавшая все время в практической работе сельсовета, вышла замуж. И вот, когда она вышла замуж (это было в Глусском районе Бобруйского округа), то пленум сельсовета решил, что она активной больше быть не может, и постановил: «в связи с тем, что она вышла замуж, исключить ее из состава сельсовета» (смех в зале)».

Но «нет таких вершин, которых не взяли бы большевики». Постепенно политика партии по преобразованию «темной крестьянки» в «сознательную колхозницу» стала приносить результаты. Для этого использовались все возможные средства. Так, после съездов колхозников-ударников в 1933 году, руководство одного из районов решило провести «съезд лодырей». Об этом докладывал на XV съезде КПБ делегат Денценер:

«Мы развернули работу по созыву районного съезда лодырей. Все колхозы начали выбирать делегатов на этот съезд. Мы сами не верили, что этот съезд может дать такие результаты. Сотни колхозниц плакали, когда их выбирали на съезд лодырей, сотни колхозниц давали обещание на собрании ударно работать, и не только в эту ночь, но и в последующие 10–15 дней давали хорошие результаты работы. И вот такая простая, казалось бы, мера дала такие разительные результаты. Или такая мера, как премирование карманными часами,

Председательница
(худ. Г.Г. Ряжский, 1928 г.)

объявление, что мы лучших ударниц запишем в фотоальбом, который преподнесем съезду... Вся эта сумма мероприятий несомненно удвоила и утроила темпы работы».

Плакаты начала 30-х гг

Отметим, что выступления на партийных съездах не бывали «случайными». Если уж докладчика допускали к «высокой трибуне», то это значило, что он прошел соответствующую фильтрацию. Потому «отдельные примеры», которые приводились в выступлениях, можно считать характерными в той или иной степени для всей тогдашней БССР.

Как видно из следующего документа, на состояние крестьянского хозяйства влияли не только политические мероприятия советской власти, но и те новшества, которые принес новый общественный строй в институт брака. На IX съезде КПБ делегат Сольц сказал:

«Я насчет многоженства считаю, что подход здесь должен быть тот же, что и к пьянству. Я считаю, что половая область, это глубоко интимная область человека. Чем больше у него общественного дела, тем меньше у него имеется потребностей искать разнообразия в этой области. И тот человек, который очень много разнообразия ищет в этой области, а для этого ведь требуется и внимание, и сила, и энергия, то его, очевидно, общественная жизнь не сильно захватывает... Теперь мы нашу старую семью разрушаем, старый порядок рухнет, новый еще не установлен. У нас семейные отношения не слишком прочны, и вот интересно было бы выяснить, к чему это привело. А привело это к тому, что 30% гражданских дел составляют дела об алиментах, что крестьянское хозяйство очень часто разрушается на почве этих алиментов».

Зарождение специфической практики брака или развода — «чтобы получить дополнительную площадь» — можно увидеть в отчете, который направил в ЦК 1 октября 1925 года секретарь Кормянского райкома:

«...в районе имеется случай, когда пожилой крестьянин разводится со своей женой с тем, чтобы получить лишний кусок земли по землеустройству, а также имеется тенденция массовая к разделу имущества с той же целью, но райземотдел такие случаи не допускает».

Злободневность «женских тем» в документах, некоторым из которых свыше 70 лет, иногда просто удивляет:

> «Правление колхоза своим руководством разрушает колхоз, в особенности в вопросе расстановки сил колхозников. Например, женщин посылают в лес на работу, а мужчины хорошо чистят зерно»...;
>
> «Зачастую беднота подает заявления о выдаче кредитов для покупки лошади, коровы и т.д. Одному бедняку было выдано 150 рублей на коня, и когда пришли проверять, как был использован им этот кредит, то оказалось, что половину он пропил, а вторую половину сжег в печи. Это нам удалось выявить благодаря показаниям его жены».

И, конечно же, в то время, как и всегда в течение истории человечества, женскую привлекательность «ушлые люди» использовали как средство влияния на «нужного человека». В протоколе первой Гомельской окружной конференции групп бедноты (ноябрь 1928 г.) читаем:

> «Приезжает работник в деревню, он не заедет к бедняку, а заедет к тому, у кого дом с карнизом и крыльцо расписное... Мы имеем такие случаи, когда наши секретари ячеек не уделяют должного внимания бедноте. Приедет молодой работник в деревню, познакомится с дочкой кулака, и забывает нашего брата. Кулаки всяческими мерами стараются привлечь на свою сторону работников, и они забывают бедноту».

...Это только некоторые примеры того, как отражена «женская история» Беларуси в архивных документах ЦК КПБ.

ГОЛОДОМОР В БЕЛАРУСИ

Владимир Давыдовский

Беларусь, так же как Украина, Поволжье и Казахстан, пережила в 1932–34 годы трагедию Голодомора. Массовый голод, царивший в то время на территории бывшего СССР, к настоящему времени наиболее исследован в контексте украинской истории и официально признан правительственными организациями многих стран как акт геноцида.

О глубоком осмыслении этой трагедии нашими соседями свидетельствует принятый в 2006 году закон «О Голодоморе 1932–333 гг. на Украине». В этом документе Голодомор назван «геноцидом украинского народа». В Киеве создан музей Голодомора. Украинцы хотят увековечить память о миллионах сограждан, ставших жертвами насильственной коллективизации и волюнтаристской экономической политики Сталина и его соратников.

В Беларуси этот период остается малоизученным, поэтому трудно установить точные цифры жертв.

Одной из попыток осмысления трагедии в контексте нашей истории стала беларуско-украинская научно-практическая конференция «1929–1934: Сталинская «революция сверху», или уничтожение крестьянства и Голодомор в Беларуси». Факты, приведенные в докладах беларуских историков Ирины Романовой, Василия Матоха, Якова Басина и Игоря Кузнецова показали, что Голодомор в Беларуси хотя и был менее масштабным, чем в Украине, повлек не менее тяжелые последствия.

Массовый голод 1932–34 гг. в СССР явился результатом насильственной коллективизации, которая привела к упадку сельского производства. Однако Сталин объяснял неудачи в этой отрасли тем, что крестьяне просто прячут хлеб, чтобы потом продать. В Беларуси, как и в других республиках, развернулась решительная борьба со «спекулянтскими элементами и саботажниками хлебозаготовок... вплоть до выселения их из пределов Белоруссии, не останавливаясь перед применением расстрела в отношении наиболее злостных».

Колхозы, признанные саботажниками, заносились на «черную доску», что фактически означало голодную смерть для местных жителей. В таких колхозах торговля запрещалась, из магазинов забирали все товары, досрочно взыскивали кредиты и ссуды, склады с зерном для потребления опечатывали, семенной фонд распределяли между другими колхозами, закрывали мельницы, вели жестокую борьбу с помолом на ручных жерновах.

С марта 1932 года райисполкомы получили разрешение Совнаркома БССР заносить на «черную доску» уже отдельные деревни. Одновременно прошла новая волна арестов, ссылок и исключения из колхозов «кулаков» и «подкулачников».

В результате проведенной кампании по выселению и раскулачиванию в Беларуси было разрушено большое количество хозяйств. В ряде колхозов даже не осталось работников. При этом государство составляло планы заготовок наугад,

Из журнала «Абажур», 2008, № 3, с. 53–56. Перевод А.Е. Тараса.

а для достижения необходимых результатов стремилось выжать из крестьян максимум, используя все возможные способы: угрозы, насилие, репрессии.

Все это вело к дезорганизации сельского хозяйства. А неблагоприятные погодные условия 1931 и 1932 годов еще больше ухудшили положение в стране. Последствием стал массовый голод. Сообщения о голоде в БССР поступали с мест с лета 1932 года:

«Положение в районе /Туровском/ с обеспечением хлебом нуждающейся части колхозников до чрезвычайности напряженное. Для погран. колхозов: Малишева – 130 хозяйств, расположенных на самой границе, колхоз Дзержинский – 140 хозяйств /.../ совершенно сидят без хлеба /.../ опять началось хождение колхозников с сумками по деревням в порядке побиранничанья... Конец сева в этих колхозах характерен невыходами на работу по причине голодания и невозможности физически работать».

По результатам инспекции этого же района в Наркомат РКИ /рабоче-крестьянской инспекции/ поступило сообщение:

«Вследствие отсутствия точного учета вымоченных посевов для составления плана заготовок у части населения забрали последний хлеб, и уже сейчас имеются факты голодной опухоли (Тонеж, Бухча)».

С лета 1933 года сигналы в центр о голоде на местах стали массовыми. Так, в Узденском районе в 8 колхозах насчитывалось 1290 человек, которым требовалась помощь хлебом. Аналогичное положение сложилось в Ушачском районе где «многие колхозники уже теперь не имеют хлеба и питаются разными суррогатами». В Житковичском районе, согласно докладной записке, в тяжелом положении находились 33 колхоза, или около 4,5 тысяч человек. В 68 колхозах зоны Климовичской МТС из 4200 семей 3000 не имели вообще никаких продуктов. Не было хлеба и в Пуховичском районе, где люди болели и не могли выйти на работу.

«...Отмечены случаи отказов от работы со стороны отдельных колхозников колхо-

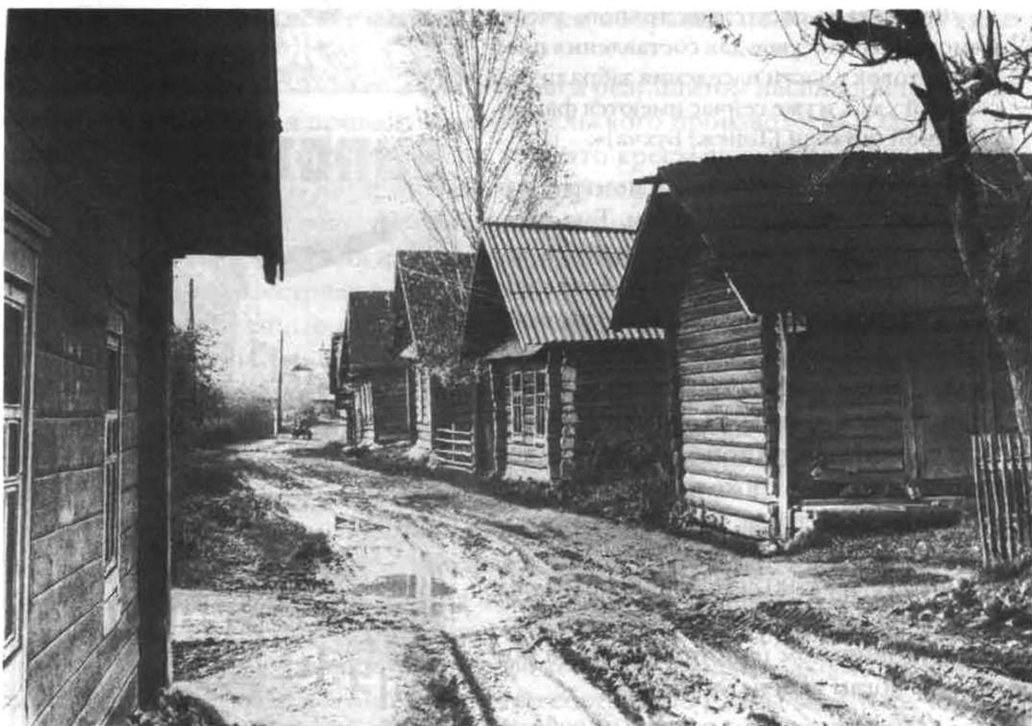
за «Перамога» на почве недоедания и голода. В этом колхозе на протяжении последних нескольких месяцев почти совершенно отсутствует хлеб, картофель, крупа и т.д., и колхозники в большинстве случаев питаются травой, которую варят и забеливают молоком. За последнюю неделю имеются случаи опухания у отдельных колхозников ног, рук, лица, и во время работы валятся с ног. /.../ Среди колхозников царит упадочное настроение и паника. Ожидают смерти и просят разным лицам забрать у них детей и спасти их от голодной смерти. По имеющимся данным, аналогичное положение имеет место в колхозах «Молотова» и «Луч Социализма» Острошицко-Городецкого с/с» (Минский район).

На Гомельщине из 93 колхозов в 45 вообще отсутствовали продукты питания. Крестьянам приходилось есть коренья и листья. От истощения они не могли выполнить даже половину нормы на прополке и на сенокосе, а некоторые умирали...

Отсутствие хлеба и голод вызывали массовое уничтожение скота, который и без того падал по причине нехватки кормов.

Люди покидали деревни. Кто-то нищенствовал, кто-то бежал на заработки в города и даже в Польшу, другие писали жалобы Сталину и Калинину, большинство же «крало» собственное зерно, чтобы не дать государству отобрать его путем хлебозаготовок, сводило свою скотину из колхозных хлевов.

Власти объясняли все это деятельностью антисоветских и «разложившихся» элементов, а факты нищенства квалифицировали не иначе как диверсии «классового врага» и агентов Польши «с целью агитации против советской власти».

Голодная беларуская деревня (фото 1930-х гг.)

И в последующем, вместо того, чтобы помочь крестьянам, власть стремилась наказывать «виновных». Закон от 7 августа 1932 года за кражу колхозной и кооперативной собственности (печально знаменитый закон «о трех колосках» – *Ред.*) предусматривал уже высшую меру наказания – расстрел*.

Достаточно типичным для того времени выглядит следующий факт. 21 августа 1933 года Могилевское управление ОГПУ арестовало в Костюковичском районе 56 человек. Под пытками они «признались», что являются врагами советской власти, саботажниками и т.д., на основании чего их выслали в Западную Сибирь. Однако истинной причиной их ареста послужили плохо обработанные поля.

Хлебная карточка 1934 г.

Благодаря драконовским репрессиям хлебозаготовки увеличивались. Но производство продуктов питания снижалось. Поэтому продуктов для городов становилось все меньше.

В 1931 году правительство пошло на снижение карточных норм для многих категорий населения, а целые группы трудящихся вообще лишило обеспечения. В 1932 году было введено еще более жесткое ограничение хлебных норм для рабочих, а члены их семей вообще не получали продукты по карточкам. При этом цены на рынке росли, денег на приобретение продуктов не хватало. На почве недоедания широко распространились тиф, туберкулез, оспа. Рабочие бросали фабрики и заводы, крестьяне бежали из деревень.

В некоторых местах протест принимал агрессивные формы. Наиболее известное такое выступление – Борисовский голодный бунт в апреле 1932 года.

После объявления городских властей об уменьшении нормы выдачи хлеба и снятия с централизованного обеспечения детей рабочих и служащих 3-й категории (наименее важной с точки зрения государства) в Борисове возник стихийный митинг, который стал предвестником массовых выступлений. Через два дня заместитель полномочного представителя (ПП) ОГПУ по БССР Дукельский и заведующий секретно-политическим отделом ПП ОГПУ по БССР Зубрицкий сообщали в ЦК КП(б)Б:

> «7-го апреля как в самом городе, так и в пригороде Ново-Борисов последовали массовые выступления преимущественно женщин, в результате чего была разгромлена хлебная лавка и расхвачен хлеб из двух повозок, следовавших к хлебным магазинам. Со стороны наводнивших улицы толп женщин и частично мужчин количеством 300 до 500 человек раздавались антисоветские выкрики и призывы».

При этом городское руководство полностью утратило контроль над ситуацией. ОГПУ отмечало:

---

* Большевиков явно вдохновляли английские законы 1536 и 1547 гг. о бродяжничестве, по которым людей, насильно согнанных дворянами с земли и лишенных своих хозяйств, дворянские суды объявляли «бродягами» и приговаривали к жестоким наказаниям вплоть до повешения. – *Прим. ред.*

«...в советских учреждениях и ЦРК царила полнейшая растерянность. Сотрудники в первый же день по приходе толпы разбежались».

Ближе к ночи прошли аресты. Однако утром 8 апреля волнения и погромы хлебных лавок возобновились. При этом рабочие многих предприятий и строек Борисова хотя и не приняли участия в выступлениях, но не вышли на работу. Волнения стихли только 9 апреля, когда возобновились поставки хлеба, а норма выдачи его детям была увеличена до 200 грамм.

Летом того же года зафиксированы активные выступления крестьян, прежде всего так называемые «бабские бунты». Так, из Толочинского района 30 июня 1932 года сообщили в Минск:

«Старые методы устарели и больше не годятся для дальнейшей работы, ибо женщины вооружились кольями и идут на нас в наступление».

Из Кормянского района докладывали:

«16 августа от поджога сгорели постройки председателя Руднянского колхоза. 20 августа ограблено Бычанское сельпо (...) 22 августа от поджога сгорело колхозное гумно с зерном»...

Доведенные до крайности крестьяне отказывались выходить на работу, выходили из колхозов, забирали свою скотину и сельхозинвентарь. Самовольно захватывали и делили землю и посевы для единоличного пользования.

Сообщая о вышеизложенном и исходя из наличия хлебных рессурсов, считаю необходимым:

1. Срочно пересмотреть вопрос хлебоснабжения групп населения, находящихся на централизованном снабжении, восстановив прежнее положение по важнейшим предприятиям и другим важнейшим категориям снабжаемых.

2. Тщательно проверить работу НАРКОМСНАБА БССР, не принявшего своевременно меры к изысканию источников покрытия дефицита хлеба, не возбудившего своевременно ходатайства перед Москвой о дотации и привлечь виновных в этом лиц к ответственности.

3. Немедленно отстранить от занимаемых должностей сотрудников НАРКОМСНАБА МИНЬКОВИЧА и ГАНТМАНА.-

ПП ОГПУ ПО БССР /ЗАКОВСКИЙ/

НАЧ ЭКО ПП /ЛУПЕКИН/

" "Мая-1934г.-
№

Секретное сообщение ГПУ
о нехватке хлеба в БССР (май 1934 г.)

При всем ужасе ситуации советские средства массовой информации /газеты, радио, кинохроника – *Ред.*/ упорно не признавали факт голода в СССР. Зато все советские газеты зимой и весной 1932–33 гг. взахлеб расписывали читателям страшный неурожай и голод во всем остальном мире. «Это не кризис, это катастрофа» – так называлась статья о Польше, рассказывавшая о крестьянах, просящих милостыню, чтобы прокормиться. «Вымирающие деревни» – это статья о Чехословакии. «Зарубежное крестьянство в тисках нищеты и разорения» – название передовицы, сообщавшей, что фермеры США и Канады находятся на грани банкротства, а в Польше, Словакии, Закарпатской Украине, Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии – катастрофический неурожай пшеницы.

Советские власти и газеты скрывали сообщения о голоде, отобравшем жизни у миллионов сограждан. Молчали они и о репрессиях, обрушившихся на тех, кто выражал недовольство. Власть не признавала голод, поэтому не могло быть и речи о спасении людей.

Дальнейшее сокрытие правды об этой трагедии привело к тому, что мы до сих пор не знаем не только имен репрессированных, но и их реальное количест-

во. Неизвестно даже то, сколько человек было арестовано и наказано в самом крупном выступлении горожан БССР – Борисовском бунте. До сих пор точно не установлено число наших граждан, которые в 1932–34 гг. умерли от голода, были казнены, сосланы в Сибирь или на Север, покинули родину в поисках хлеба.

Озвученные во время беларуско-украинской конференции факты заставляют более внимательно взглянуть на события 30-х годов, ибо последствия той трагедии влияют и на сегодняшние реалии.

Можем ли мы утверждать, что Голодомор в Беларуси – это геноцид, сознательно и целенаправленно осуществленный коммунистическим режимом в 30-е годы XX века?

Участник конференции, председатель секции «Мемориал» Беларуского добровольного общества охраны памятников истории и культуры Вячеслав Сивчик считает:

> «...насильственная коллективизация и массовые репрессии 30-х годов против беларуского крестьянства были попыткой уничтожения беларуской нации».

Историк Яков Басин, анализируя ситуацию с точки зрения международного права, сделал вывод:

> «...термин «геноцид» в данном случае вполне правомерен, так как в событиях прослеживается намерение властей наказать непокорное крестьянство голодом, чтобы и впредь было неповадно протестовать против советской власти».

А историк Игорь Кузнецов выразил уверенность, что репрессии в отношении беларуских крестьян, составлявших 75 % всех жертв, когда-нибудь и на международном уровне будут названы геноцидом.

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕМЕ

Врублевский А.П., Протько Т.С. **Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929–1934.** Минск: «Навука і тэхніка», 1992.

Заерко А.Л. **Побеги из ада (История белорусского крестьянства).** СПб: «Невский простор», 2003. – 302 с.

Лыч Г. **Трагедыя беларускага сялянства.** Мінск: Інстытут кіравання, 2003. – 268 с.

Протько Т.С. **Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.).** Минск: «Тессей», 2003. – 688 с.

Сарокін А. **Рэха эпохі крайнасцяў: Беларуская вёска ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гады.).** Мінск: «Права і эканоміка», 2005. – 304 с.

НАРОДНАЯ МОЛВА О ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ

(на примере 1930-х годов)

Ирина Романова

Поворот исторической науки от политики к жизни общества, от «великих событий» — к повседневности, от сильных мира сего к рядовым участникам исторического процесса, требует значительного расширения круга источников. Представители социальных низов почти не оставили документов, архивные материалы — это материалы о них, а не исходящие от них. Трудно выяснить, что на самом деле думали крестьяне — точнее, о чем они говорили между собой, а не посторонним лицам. В этом смысле повезло историкам, изучающим период 1920—30-х гг. в СССР: в их распоряжении ныне имеется целый корпус «народных» документов (разговоры, высказывания и настроения крестьян), собранный органами ГПУ — НКВД.

В 1920—30-е годы в СССР интерес общества к деятельности властей проявлялся в формах, уже не характерных для цивилизованных стран Европы: существовала масса слухов, фантастических домыслов и легенд об истинных или кажущихся намерениях властей. Все это документально фиксировали различные органы и сообщали высшим инстанциям в обобщающих сводках и докладных записках.

Анализ документов такого рода показывает, что народ с большим вниманием следил за перестановками в правительстве и госаппарате, с такими перестановками люди связывали надежды на решение волнующих их проблем. Надо также отметить, что анализ слухов показывает глубокое недоверие крестьян ко всему, что говорили и писали «они» (правительство, партийные пропагандисты, газеты), нередко крестьяне пытались найти истинный смысл и мотивы тех или других действий власти.

Упомянутые документы, несомненно, тенденциозны, поскольку органы ГПУ — НКВД всегда в первую очередь интересовались теми разговорами среди крестьян, которые касались государственной политики и партийно-советского руководства. Не удивительно, что в 1930-е годы слухи, домыслы, высказывания, о которых они сообщали, почти всегда имели крамольный характер.

Поэтому если допустить, что благодаря ранее секретным материалам НКВД, мы можем «услышать» частные разговоры, узнать мысли советских крестьян, вопрос о том, что же на самом деле они думали, остается не вполне решенным. И все же введение в научный обиход документально зафиксированных слухов, домыслов, отдельных высказываний, фольклора, выдержек из частной переписки крестьян позволяет анализировать то, как крестьяне (если не все, то значительная их часть) интерпретировали события в стране и за ее пределами.

Из сборника статей «Гісторыя, якой няма ў падручніках», Минск, 2002, с. 83—94. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Самым характерным для населения Беларуси 1930-х годов являлось ожидание войны, разговоры о которой велись постоянно: крестьяне сначала ждали прихода поляков, потом немцев и японцев и даже англичан. Средства массовой информации все время писали о войне как о катастрофе для СССР – если она начнется слишком рано, – прежде, чем индустриальное развитие страны наберет достаточные обороты. Крестьяне смотрели на это иначе. Во-первых, их раздражали лекции, которые часто сопровождались требованием уплаты разных взносов на укрепление страны. Во-вторых, многие, если не большинство крестьян, считали, что война – это не так уж плохо, если она принесет избавление от колхозов. Например, в докладной записке «О политическом положении деревни (пограничные районы)» (1932 г.) отмечалось:

«Специфическими моментами для характеристики политических настроений пограничной полосы является чрезвычайная восприимчивость к слухам о войне. Эти настроения усиливаются благодаря проникновению отдельных диверсантов, благодаря отдельным мелким инцидентам на границе, получаемым письмам, конфискации золота и ценной валюты» (1).

Об аналогичных настроениях свидетельствуют и частные письма. Так, крестьянин писал сыну в армию:

«...Каждый крестьянин молит, чтобы скорее война, будет легче жить» (2).

Разумеется, «органы» стремились как можно скорее арестовывать распространителей слухов. Но все же слухи вызывали у властей определенное беспокойство: они являлись средством быстрого распространения информации (о чем свидетельствует их сходство, а нередко и полное тождество во многих районах), они оказывали серьезное влияние на умы крестьян и имели реальные последствия. Так, в 1937 году в связи с военными учениями в ряде мест происходила массовая закупка хлеба, соли, спичек, керосина, мыла; из сберегательной кассы начали забирать вклады; крестьяне перестали выходить на работу в колхоз, начали срочно собирать урожай со своих приусадебных наделов. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 1938 году в связи с введением особого положения. Распространялись слухи:

«В этом году война неизбежна, будут уничтожать всех колхозников, выходите из колхоза пока не поздно, нам всем при перемене власти предоставят возможность возвратиться на свои хутора».

«В ближайшее время будет нашествие, все коммунисты будут уничтожены, при этом нашествии спасение будет только тем, которые не идут в колхозы и веруют».

«Лишь бы только началась война, буржуазные страны сразу разобьют Советский Союз, т.к. советскую власть защищать мало кто и будет. Довела она своими колхозами крестьян до разорения. При помещиках жилось гораздо лучше» (3).

Сводка «О политических настроениях в связи с вторжением японцев на советскую территорию» содержала следующее мнение:

«Может и лучше будет под японцами и поляками; теперь не надо вступать в колхозы, выполнять обязательства» (4).

В докладных записках с мест отмечалось, что при проведении собраний по коллективизации крестьяне свое нежелание идти в колхозы мотивируют так:

«...война будет, об этом все говорят, а поскольку мы находимся на самой границе, то так или иначе, несмотря на то, что наша Красная Армия сильная, все-таки в случае войны на некоторое время нам нужно будет отступить, тогда что мы будем делать...»

«Теперь нет таких людей, которые могли бы разогнать колхозы и поэтому осталась одна надежда на приход поляков».

В связи с перемещением воинских частей к западной границе начали распространяться слухи, что война уже началась (5).

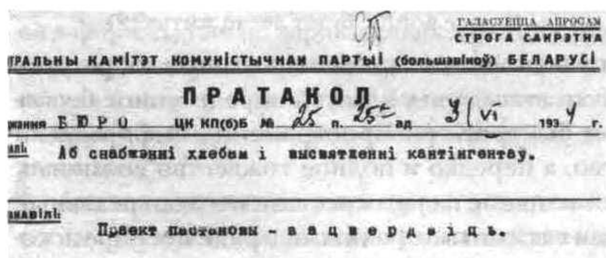
Некоторые крестьяне под влиянием слухов, отказываясь вступать в колхозы, пытались застраховаться на случай прихода оккупантов:

«Скоро граница будет отодвинута в тыл и тогда всем, кто помогает большевикам и колхозникам мало не будет».

«Будуць біць і рэзаць, як тых, хто запісвае ў калгасы, так і тых, хто запісваецца».

«Польша, а с нею и другие державы, с наступлением осени объявят войну СССР, займут Белоруссию, положат конец мучениям и вернут крестьянству все отобранное, а те, кто активно помогал проводить коллективизацию и вступал в колхоз, захватив кулаческую землю, – будут жестоко наказаны».

Еще одним доказательством лояльности к оккупантам и собственной неприязни к большевизму должно было стать крещение детей, которое из-за антирелигиозной кампании коммунистов осуществлялось подпольно (6).

ГАЛАСУЕЦЦА АПРОСАМ
СТРОГА САКРЭТНА
...ТРАЛЬНЫ КАМІТЭТ КОМУНІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ (большэвікоў) БЕЛАРУСІ
ПРАТАКОЛ
...жання БЮРО ЦК КП(б)Б № 25 п. 25 ад 3/VI 1934 г.
...ахі: Аб снабжэнні хлебам і высвятленні кантынгенту.
...навілі: Праект пастановы – зацвердзіць.

Заголовок одного из множества секретных партийных документов

В ряде мест в разное время появлялись листовки с призывами к противодействию коммунистам и оказанию помощи оккупантам в случае войны. Так, в апреле 1939 года в Кормянском районе была выявлена листовка с подписями «Гитлер и Мусалини»:

«...товарыщы заклинаем мы: в выпадку нападу на Савецки Союз со стороны капиталистых краин (Германия, Италия, Япония, Польща, Англия, Франция и другия) то нужно им оказать помач: как силай, так и харчами и всеми возможными средствами только нужно освободится от ига советскай империи...» (7).

***

В оценке тогдашними крестьянами колхозного строя преобладала идея о «втором крепостном праве»:

«Пры цару сяляне працавалі на памешчыкаў, а пры савецкай уладзе на камуністаў», «Паноў прагналі, а зараз другія панаскакалі к нам і камандуюць».

Высказывались крестьяне и против раскулачивания. Политическое управление штаба БВО составило обзор «О работе и настроениях вокруг решения партии о ликвидации кулака как класса». В нем отмечалось, что в армию приходит из деревни много писем о насильственной коллективизации, «они полны ненависти, носят характер запугивания», в армии распространены «кулацкие настроения: кулак – лучший хозяин! Он основной поставщик хлеба» (9).

В период заготовок в 1931–32 гг. недовольство крестьян нарастало. И настроения того времени характеризуют антисоветские листовки с призывами к активному сопротивлению властям (Лельчицкий район, 1931 г.; д. Свяциац Освейский р-н, д. Хоменичи Оршанский район, 1932 г. и др.). (10)

Слухи, сопровождавшие процесс насильственной коллективизации, нередко пугали загробным наказанием:

> «А если кто пойдет в колхоз, то тот будет проклят и будет вечно на том свете страдать» (Логойский район, 1931 г.). «Толькі тыя калгаснікі будуць памілаваны якія якраз выйдуць з калгасу» (1932 г, Лепельскі раён).

В 1931 году в Логойском районе толпа, состоявшая преимущественно из женщин, пыталась помешать аресту ксендза.

Во время стычек с представителями власти слышались призывы не ходить в колхозы, «а если кто пойдет, то тот будет проклят и будет вечно на том свете страдать». Крестьяне, выдавая желаемое за действительное, нередко использовали терминологию властей:

> «Маецца дырэктыва аб роспуску калгасаў, хто зараз не вайшоў у калгас, таму і не трэба ўваходзіць» (Березинский район, Тереховский район, 1932 г.).

Отношение к коллективизации запечатлел и фольклор, в частности большое число частушек, которые в 1930-е гг. были выявлены в ряде районов (Лепельский, Журавицкий, Бобруйский, Любанский, Чечерский и др.). Органы НКВД всегда расследовали доходившие до них факты исполнения антисоветских частушек с целью установления тех лиц, от которых «исходят эти частушки». Интересно отметить, что в конце 1930-х гг. виновными, как правило, были дети – ученики школ. Взрослые уже сознавали, какие последствия это может иметь. В качества примера приведем несколько таких частушек:

«Устань Ленін падзівіся
Як калгасы нажыліся
На варотах серп і молат
А ў калгасах поўны голад»;

«Ленин грая на гармошке
Сталин скача гапака
Скора будзе у калгасе
Па сто грам на едака»;

«Хлеб по плану государству
А картошка на вино
А калгаснику за это
Говорящее кино»;

«Ехаў Мартин з калгасу
Ен песенку пев
За стахановскую работу
Адну я жменьку з'еў»;

«Эх яблочко наливается
Троцкий Сталина запрег
Ды катаюцца»;

«Горшок разбился, рассыпалась каша
Колхозы разбегутся, земля будет наша»;

«Когда Ленин умирал Сталину приказвав
Каб хлеба вволю не давав, сало не паказвав» (12).

Во время массовых выходов из колхозов (в первом квартале 1932 г.) в партий но-советские органы пошел поток жалоб крестьян «на невозможность существо вания в колхозах людям с большой семьей при наличии малолетних, старико и неработоспособных». В докладной из Витебского района отмечалось:

> «Официальные мотивировки о выходе из колхозов в большинстве случаев следу ющие: «Я пойду работать на фабрику, завод и заработаю себе на хлеб», «Я старый, ра ботать в колхозе не могу».

Докладная из Полоцкого района зафиксировала более искренние высказыва ния крестьян насчет колхозов:

> «Почему от нас власть берет продукцию всех культур по государственным ценам а нам приходится покупать в городе по коммерческим ценам, а в порядке планового снабжения нас ничем не обеспечивает».

Об отношении к колхозам как к форме крепостного права свидетельствует за явление колхозника Полоцкого района в райком партии:

> «Просьба освободить меня и считать свободным гражданином» (13).

Стимулом для массового выхода из колхозов и развала ряда из них послужил и массовый наплыв украинцев, которые ходили по деревням, скупали хлеб и рас сказывали о голоде на Украине, многие из них предупреждали, что скоро то же самое будет и в Беларуси. Украинцы тоже ждали войну и выдавали желаемое за действительное:

> «в мае месяце будет война и колхозы все будут ликвидированы, Сталин и Вороши лов уже убежали, а остальных коммунистов всех повесят» (14).

Согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) (от 19.01.1934 г.) закупки хлеба у населения должны были проводиться только на основе добровольности Однако директива от 1 августа того же года обязала колхозы, выполнившие пла ны хлебозаготовок и натурплаты, немедленно создавать фонды для выполнения плана закупок. Естественно, что многие колхозники восприняли эти закупки, ко торые значительно снижали плату по трудодням, как введение районными ор ганами встречных планов. Немедленно распространился слух:

> «...сданный хлеб государству по обязательным поставкам сгнил на складах, поэто му партия и советская власть проводят вторую заготовку, причем заберут хлеб преиму щественно в колхозах» (15).

Отмену карточной системы на ноябрьском Пленуме ЦК (1934 г.) Сталин представил как радикальную экономическую реформу, направленную на разви тие в стране товарно-денежных отношений. Но в описании политико-экономи

ческого состояния пограничных районов БВО по результатам их обследования 15–31 декабря 1934 года отмечено:

«По решению Пленума ЦК о отмене карточной системы на хлеб и другие продукты – имеются разговоры: «У крестьян хлеб забрали по дешевке, а продавать будут по дорогой цене» (Себеж, Пустошкинский, Копыльский р-ны). «Отмена карточной системы облегчает только рабочего, а не крестьянина» (Невельский р-н). «Отмену карточной системы произвели тогда, когда у крестьянина не стало денег» (Лепельский р-н). (16)

Большевистское руководство уделяло немало внимания популяризации своих добрых поступков. Например, решение ЦК КП(б)Б и СНК БССР «О списании задолженности колхозов по поставкам и натурплате прошедших лет и снижения норм госпоставок зерна и натурплаты МТС в 1937 г.» (которое явилось вынужденной мерой, следствием голода 1936 г.) предписывалось «с большим подъемом» обсуждать на колхозных сходах, пленумах сельсоветов, «встречах с народом». Однако население в очередной раз проявило недоверие к «своей» власти. Было зафиксировано немало антисоветских высказываний:

Колхозницы
(фото из американской газеты начала 1930-х гг.)

«Пастанова СНК БССР і ЦК КП(б)Б з'яўляецца абманам, каб увосень з калгасаў забраць больш хлеба», «З нас усё выцягнулі, а зараз даюць ільготы, тады, як у нас нічога няма» (Шкловский район), «Як бы нам ні дапамагалі, то ўсё раўно ў калгасах мы нічога не атрымаем», «Мы только и слышим – партия, а что нам дала партия. Она дала нам землю навечно, но нам надо вечно отдавать хлеб государству» (Любанский район). (17)

* * *

Как всегда в периоды кризисов распространялось много фантастических слухов и небылиц, которые чаще всего исходили от сектантов, но довольно быстро расходились в широких крестьянских массах:

«На востоке появится звезда. Эта звезда будет только две недели, затем исчезнет. Исчезновение этой звезды будет знамением конца Советской власти».

Крестьяне находили подтверждения скорому концу большевистской власти и в Библии:

«Сергеенко Петр носится с библией, подчеркивая в тексте на стр. 260 гл. 9. «И вожди всего народа введут его в заблуждение и водимые погибнут». «Из библии видно, что кто запишется /в колхоз/, тот продастся антихристу и будет отвечать своей смертью», «В колхоз вступишь, черту душу отдашь», «В колхоз не вступайте, все имущество в колхозах нажито нечестным трудом, приобретено ограблением кула-

ков. Весной должна быть война, это говорит и библия, и тогда всем колхозникам, а также и тем, которые раскулачивали, мало не будет», «...по предсказанию господа бога точно известно, что скоро будет война, власть переменится и придут обратно те, которых раньше ставил бог, а тем, кто в колхозе, будет веревка на шее» (18).

* * *

Факты ссылок на Библию в значительном числе районов имели место в связи с проведением переписи населения в 1937 году, так как среди вопросов анкеты был вопрос о вероисповедании. По официальной доктрине, которая восходит к Ветхому завету, Бог – единственный, кто может знать точное количество существ и предметов, в связи с этим верующие рассматривали перепись как «клеймение»:

«Гэта сказана ў свяшчэнным пісанні, што той, хто зараз гэтым займаецца, пападзе да д'ябла, бо ён яму прадаецца», «Скоро будут ходить антихристы и будут ложить клеймо», «В Библии сказано про перепись, что после переписи большевики поставят печать на всех неверующих и через 15 дней после переписи будет конец света, печати помогут отделить овец от козлят» (19).

Обеспокоенность властей вызвали и широко распространенные «святые письма», содержавшие призывы к противодействию властям (20).

Главным блюдом в столовых для трудящихся была баланда. Отсюда и уныние едоков

Перепись населения 1937 года вызвала в народе споры на темы религии и политики (21). В центре дебатов стояла проблема: какие последствия будет иметь ответ на вопрос о вероисповедании. Среди крестьян были популярны три основные версии относительно целей переписи. Первая из них отражала реалии дня (подпольное вероисповедание, ссылки, репрессии и т.д.) и предлагала писаться неверующими, так как:

«Верующих будут выселять», «Верующих будут арестовывать», «Верующие будут голодать», «Верующих будут судить», «Верующих будут обкладывать налогами», «Верующих советская власть будет преследовать, а неверующим будет хорошо».

Вторая версия базировалась на возможности скорой войны и смены государственного строя, в связи с чем предусмотрительным считалось признать себя верующим:

«Неверующим хорошо будет при советской власти, но не долго, после войны хорошо будет верующим», «Все сведения о неверующих будет иметь Польша и Германия», «При переписи надо записываться верующими, иначе когда придут японцы или поляки – неверующих перебьют». «Всех неверующих во время войны вырежут фашисты, а война скоро будет».

Некоторые понимали вопрос анкеты о вероисповедании как своего рода референдум, результаты которого должны будут воздействовать на советскую политику либо непосредственно, либо в результате международного давления:

«Эта перепись пойдет на рассмотрение Лиги наций, а Лига Наций спросит у т. Литвинова, почему мы закрываем церкви, когда у нас много верующих», «Переписью выявляют, сколько будет религиозных и наверняка будут открывать церкви», «Перепись проводится для того, чтобы знать, сколько верующих, и построить в соответствии с этим церкви», «Записывайтесь верующими – отдадут церкви или дадут построить новые», «Пишите, что верующий, тогда попа вернут высланного», «После переписи будет перемена власти».

Вследствие растерянности (как ответить на вопрос: верующий или нет?) были и такие случаи: «Муж жену избил за то, что она записалась неверующей, и второй случай – муж записался неверующим, а жена верующей, муж тоже избил жену» (Хлопеничский район).

Дети беженцев из голодающих районов (фото начала 1930 гг.)

Были зафиксированы и такие слухи, которые свидетельствуют о настроениях безысходности:

«Если перепишут в колхозе, там навек придется остаться, лучше выйдем и будем умирать». «Верю, а разве можно в этом признаться, нет, страшно». «Нельзя отвечать верующий, даже когда неверующий, так как тогда снимут с работы» (22).

Кое-где слышались призывы прятаться от переписчиков:

«Возьмем сухари и не придем, пока не кончится перепись», «Надо прятаться в лес», «От переписи надо скрываться, она будут проходить одну ночь и эта ночь будет Варфоломеевская», «Будут печатать неверующих и скоро придет Гитлер и будет уничтожать неверующих и во время переписи надо скрываться» (23).

Значительная часть населения все же записалась верующими, как отмечалось в докладной по результатам проведения переписи:

«Пограничные районы оказались более пораженными контрреволюционной агитацией, как в смысле распространения контрреволюционных слухов, так и отказов от переписи» (в качестве примера приводился Лепельский район, где около 250 крестьян дали «обет молчания»). (24)

Имелись случаи избиения и даже убийства переписчиков (Оршанский, Бобруйский р-ны) (25).

Некоторые высказывания показывают, что перепись воспринимали как какую-то хитрую затею большевиков с целью обмана:

«Перепись проводится для подготовки нового поголовного налога», «Переписывают для того, чтобы установить, сколько единоличников и выслать их». (26).

Наиболее интересным и важным, на наш взгляд, кажется попытка анализа отношения крестьянской массы к советской власти вообще. Так, в сводке, поступившей в 1932 году из Мозырского района отмечено, что факты «антисоветской агитации» были выявлены во всех деревнях района:

«...крестьяне говорят, что это не народная власть, а банда, которая все делает без всяких законов, берет, что у кого видит. Так дальше жить нельзя, одно из двух, или наша гибель, или перемена власти» (28).

Факты, собранные партработниками и следователями НКВД, показывают, что убийство Кирова (1 декабря 1934 г.) вместо всенародного горя во многих случаях вызвало определенное удовлетворение. Это объясняется не особой неприязнью к Кирову, о котором крестьяне Беларуси мало что знали. Просто им было приятно услышать, что погиб какой-то коммунистический лидер — это рождало надежду на падение режима. В слухах, которые сопровождали смерть Кирова, повсюду проходило общее сожаление из-за того, что убили не Сталина.

Довольно часто представители власти узнавали о таких настроениях от наивных детей, пересказывавших в школе то, что они слышали дома. Например, ученики 3-го класса Стасевской школы Витебского района после траурного митинга высказались следующим образом:

«Добра, што ўбілі Кірава, а лепш было б каб убілі Сталіна», «Шкада, што ўбілі Кірава, а каб усе гэтыя Лейбы падохлі, нам жыць было б лепей».

Во время рассказа учительницы о достижениях, которых добилась страна под руководством Сталина, ученики 4-го класа возражали ей:

«Ай, у нас как было, так и есть», «Калі памёр Ленин, то гудкі гудзелі, а як памрэ Сталін, то яшчэ больш будуць гудзець» (Ульская СШ, Бешенковичский район, 1937 г.) (29).

Во время проработки письма ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова» из райкомов в ЦК КПБ регулярно направлялись письма о результатах разъяснения беспартийным значения судебного процесса над троцкистско-зиновьевским центром. В этих докладных содержались факты, свидетельствовавшие о ненависти народа к советской власти:

«Мало убили одного, нужно было больше», «Рабочий беспартийный Архипов Василий (работал на подвозке дров) сидя в столовой за обедом бурчал под нос: «Убили Кирова будет хлеб, убьют Сталина будут булки» (30).

Несмотря на все меры властей по дискредитации оппозиции, люди в ряде случаев высказывали собственное понимание истории партии:

«Тов. Троцкий — заслуженный деятель революции и он авторитетен так же, как и Ленин».

Кое-кто идеализировал бывших лидеров по принципу «враг моего врага — мой друг»: если Сталин ненавидит Троцкого, значит, Троцкий — противник коллективизации и друг крестьян.

В Мелешковичском сельсовете Ельского района была выявлена «контрреволюционная группа». Вот характерные «преступления» ее членов:

«Один из участников к/р группы Заяц Евстах, будучи обнаружен колхозниками во время самовольного сенокошения на колхозной площади на вопрос колхозников кто

ему разрешил косить сено, заявил: «мне разрешил косить сено наш руководитель Троцкий»; Кадол Иван во время судебного процесса над троцкистами и зиновьевцами заявил: «Судят невинных людей, которые заботились об устройстве лучшей жизни, скоро будет война, колхозов не будет и я вернусь на свое хозяйство, будет переворот власти и вернутся помещики» (31).

Многие высказывания крестьян и слухи свидетельствуют о глубоком недоверии к советской власти. Так, в связи с 16-й годовщиной освобождения БССР от поляков (1936 г.) ЦК КПБ готовил письмо Сталину от беларуского народа. Местные руководители рапортовали, что «во всех районах республики обсуждение и подписание письма т. Сталину прошло с большим подъёмом», однако не могли скрыть от центра факты негативного отношения к вождю и его политике. Например:

> «В колхозах «Чапаев», «Германский пролетариат», им. Ворошилова, «Каменка» /Круглянский р-н/ подписание письма было сорвано /.../ В колхозе «Городец» /Сенненский район/ 40% присутствующих на собрании колхозников отказались от подписи письма Сталину».

Николай Гикало официально демонстрирует радость в связи с успехами БССР во всех сферах жизни (фото 1936 г.)

Среди крестьян распространялись слухи о том, что на самом деле проводится подписка на новый заём, или что таким образом проходят новые выборы Сталина:

> «Бальшавікі не дурні, скора патрэбна цара ізбіраць, вось зараз сабіраюць подпісі, а потым скажуць, што вы яго – Сталіна – збралі», «Нам не нужно подписывать письмо т. Сталину – он берет у нас хлеб, мясо, молоко». (32).

Ряд крестьян отказывался получать материальную помощь от государства по многодетности, говоря: «я не хочу продавать своих детей Сталину», «пособие – это продажа своих детей государству» (33).

* * *

Новая Конституция (декабрь 1936 г.) заменила неравные классовые выборы равными, многоступенчатые – прямыми, открытые – закрытыми. У рядового гражданина впервые за 20 лет советской власти появился шанс показать во время выборов свое отношение к проводимой политике.

С другой стороны, популяризация новой Конституции и положения о выборах среди широких масс не только имела пропагандистское значение, но и позволяла выявлять тех, кто хочет использовать новые возможности для того, чтобы высказать свое недовольство политикой. В центральные органы опять пошли сводки «об антисоветских проявлениях».

Многие люди восприняли появление Конституции как начало перемен к лучшему, в частности верующие, ссылаясь на Конституцию, доказывали местным органам власти, что теперь можно открывать церкви и проводить богослужения, вели сбор подписей и посылали коллективные письма в республиканские органы власти с просьбой разрешить открыть церкви, синагоги, костёлы, более того, пытались избрать в Верховный Совет бывших священников.

«Вот мы не пошли на выборы, нам ничего не сделают, если мы будем организованно не подчиняться тому, что нам не нравится, то с нами власть будет считаться и будет выполнять наши требования. Зачем нам выбирать в совет тех, которые разоряют наши хозяйства, заставляют создавать колхозы, мы должны жить свободно, как кому нравится, так как живут в иностранных государствах» (Слуцкий район), «В Верховный Совет БССР можно избирать кулаков, в этом ничего страшного нет, кулаки уже перевоспитались и они также будут хорошо работать» (34).

Но веру в хотя бы частичную демократизацию жизни «партийные товарищи» квалифицировали как «антисоветскую агитацию». Так, в докладной записке о ходе предвыборной кампании в БССР отмечалось:

«При обсуждении кандидатур антисоветский элемент в отдельных случаях использует предвыборные собрания для открытых выступлений против руководителей партии и Сов. Правительства /.../ Колхозник колхоза «3-й решающий» Ковалевского с/с /Бобруйский р-н/ Пухальский Степан на собрании в озлобленной форме выступал против руководителей ВКП(б) и Соввласти заявив, что «при тайном голосовании я вычеркну выставленных кандидатов». Пухальский арестован. /.../ В этом же районе в дер. Красновке, на общем собрании к-зников и единоличников, Бобруш выступал против кандидатуры т. Сталина». (35).

В ряде мест крестьяне пришли к следующему выводу:

«По новой системе выборов в Верховный Совет никакой демократии не существует. Кого партия выдвинет, за того и прикажут голосовать» (Брагинский район). «Вот будут проводить перевыборы, которые сидят во власти. Они сами выдвигают свои кандидатуры. Мы не пойдем голосовать потому, что нам за них нет смысла голосовать» (Круглянский район).

Довольно широко были распространены высказывания такого типа:

«Мне ничего не дала Сов. власть, я не буду голосовать», «Отдайте нам мужей и мы будем голосовать», «Голосовать за кровопийцу не буду, после выборов снова начнутся аресты и расстрелы».

В ходе выборов в Верховный Совет власти столкнулись с реальной оппозицией. Помимо фактов отказа идти на выборы, были выявлены листовки и воззвания с призывами оказывать противодействие властям. Так, в школе Уваровичского района были разбросаны листовки, призывавшие учеников агитировать своих родителей против участия в выборах (37). В колхозе «Красный путиловец» Журавицкого района на бюллетенях были сделаны следующие надписи: «Долой ЦК КП(б)Б», «Бей жидов», «Герой Троцкий», «Голосуйте против большевиков», в Меховском районе – «Дайте нам жить, дайте нам свободу» (38).

* * *

В период «большого террора» 1937–38 годов наряду с разоблачением мифических «шпионов» и «врагов народа» всплывали и вполне реальные проступки

местных руководителей. В таких случаях партийные пропагандисты объясняли людям, что в их злоупотреблениях и самодурстве виновна не партийная система выдвижения кадров, а именно ненависть «врагов» к народу.

Б. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР

Управление Государственной Безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ №

1935 г. марта мес. 30 дня Я, упол. опергр. УПВО НКВД ЭЙДЕЛЬМАН Х.А. (должн., наимен. органа, фамилия) допросил в качестве обв. по 87 ст. УК БССР

1. Фамилия АЛЕКСАНДРОВ
2. Имя и отчество Викентий Михайлович
3. Дата рождения 1888

(род занятий родителей и их имущественное положение) 1 корова, 1 лошадь, 3 га земли и над. постройки

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
а) до революции я лично до революции был в Америке.
б) после революции 3 га земли, 1 корова, 1 теленок, 1 овечка, 3 свиньи, 1 лошадь и дом.

11. Состав семьи Отец Михаил, 70 лет, прож. в д. Макаричи, брат 35 лет, колхозник д. Макаричи, сестра 30 лет, дочь Мария, рожд. 1914 г., живет в Кормазах, дочь Люба 3½ лет.

Надо признать, что широкомасштабные процессы над пресловутыми «врагами», «шпионами», «троцкистами» большинство населения связывало с надеждой на улучшение жизни. Многим людям казалось, что никто, кроме настоящих врагов народа, не мог установить те порядки, что существовали в стране. Да и персоны многих репрессированных партийно-советских руководителей не вызвали никакого сочувствия к ним.

Вместе с тем определенная часть населения понимала, что высшее партийное руководство в очередной раз нашло «козлов отпущения». Так, в докладной записке из Чаусского района (1939 г.) отмечено:

«Члены с/совета не хотели идти в качестве понятых, категорически отказывались и говорили «сегодня пойду помогать, а через некоторое время меня будут судить» (39).

Некоторые крестьяне пытались использовать в своих интересах судебные процессы над местными руководителями — «перегибщиками»:

«Мясопоставки выполнять не буду. Раньше с нас требовали те, которые оказались врагами вы тоже идете по их пути» (Жлобинский район), «Раньше нам говорили, что нас облагали враги, а теперь опять наступление на единоличников, опять начинают те же налоги» (Уваровичский район) (40). «Но дальнейшая работа после такого суда никак не стимулировала выполнение своих обязательств единоличниками и если говорить политическим языком внесла полное разложение и единоличники после того прямо заявляли, что это требуют налоги неправильно и угрожая, что и Вам, это значит новым руководителям будет то что и старым» (Чаусский район) (41).

* * *

Сталин, возможно, думал, что в народе сложилось представление о нем как добром царе, который справедливо жалует и наказывает. Однако на самом деле подобный образ чрезвычайно редко встречается в слухах и других народных источниках. Права Ш. Фитцпатрик, утверждая:

«Память о коллективизации в предвоенной деревне не позволяла утвердиться образу Сталина — «доброго царя». Если Сталин и делал какие-то уступки или примири-

тельные шаги, крестьяне воспринимали их с недоверием и подозрительностью. Если же он закручивал гайки, это казалось им не предательством, поскольку доверия к нему и так не было, а служило лишь еще одним подтверждением сложившегося мнения о Сталине как о враге № 1» (42).

Действительно, в упоминаемых документах нет формулировок типа: «Калі б Сталін ведаў, што адбываецца...», нет упоминаний о его роли в спасении крестьян от местных самодуров. Зато выявлено значительное число документов, аналогичных анонимному письму в газету «Камунар» Сенненского района:

> «Камисар ваен. По напрасну ваше старание. Знайте, что мы ожидаем день ото дня когда вспыхнет война тогда не будет места никому, ни Сталину даже Ленина подымем с того света. Нам уже свобода горька стала вы взяли пугу и загнали как скот в хлев и сейчас мучите нас разве это власть что мы просим себе смерти /.../ а вот мае предложение убить Сталина который загнал нас в хлев и замкнул чтобы мы не вышли я думаю что есть люди которые избавят нас от этого ига /.../ смерть Сталину долой социализм» (43).

* * *

10 сентября 1937 года нарком внутренних дел БССР Б.Д. Берман направил на имя исполняющего обязанности 1-го секретаря ЦК КПБ А.А. Волкова сводку «О настроениях населения в связи с арестами контрреволюционных элементов среди поляков», в которой приведено много фактов, свидетельствующих о том, что общество было охвачено атмосферой страха. Но вместе с тем были зафиксированы и оппозиционные настроения:

> «СССР стоит на пороге войны и поэтому арестовывают всех подозрительных колхозников, т.к. советская власть не имеет никакой надежды на поддержку со стороны крестьянства в случае войны» (учитель Белицковской школы Дзержинского района Качан); «Советская власть – это хитрая власть. Душила, угнетала мужика, а потом осмотрелась, что ведь опасность грозит от мужиков и давай расстреливать, хоть и невинных, чтобы показать, что власть не виновата, а виноват кто-то. А теперь дали льготы, чтобы заслепить глаза мужикам» (Зам. председателя колхоза «Коммунар» Дзержинского района Позняк)».

Рядовому советскому гражданину в 1930-е годы было достаточно трудно разобраться в сути того, что происходило вокруг. Низкий уровень культуры, незначительный политический опыт, мизерность достоверной информации – все это делало людей безоружными перед абсолютным господством официальной пропаганды. Но, несмотря на это, как видно из цитированных документов, значительная часть общества вполне адекватно представляла себе реалии жизни советского общества. Однако локальные выступления и листовки, разоблачавшие режим, не представляли для него сколько-нибудь серьезной угрозы. Мощный репрессивный аппарат без особого труда подавлял любые попытки не только сопротивления, но и вольнодумства.

ИСТОЧНИКИ

1. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 392, л. 134.
2. Там же , д. 210, л. 74.
3. Там же , д. 1926, л. 178; 1385, л.5; 1392, л. 384–385; 1393, л. 1–8.
4. Там же , д. 1391, л. 150–154.
5. Там же , д. 56, л. 310; д. 278, л. 11; 1392, л. 367; д. 1785, л. 5, 6.
6. Там же , д. 56, л. 308, 328–329; д. 278, л. 213; д. 279, л. 41; д. 1385, л. 5, 6.
7. Там же , д. 1576, л. 21
8. Там же , д. 1934, л. 175.
9. Там же , д. 210, л. 72–75, 81.
10. Там же , д. 266, л. 80; д. 272, л. 61; д. 369, л. 427.
11. Там же , д. 56, л. 329; д. 293, л. 65; 369, л. 55, 57.
12. Там же , д. 368, л. 65; д. 870, л. 7; д. 1027, л. 59.
13. Там же , д. 357, л. 23, 40, 42.
14. Там же , д. 235, л. 65; д. 357, л. 55, 117.
15. Там же , д. 372, л. 58.
16. Там же , д. 668, л. 7.
17. Там же , д. 904, л. 142; д. 988, л. 215, 222.
18. Там же, д. 56, л. 327; д. 1027, л. 159, 201.
19. Там же , д. 988, л. 66, 176, 180.
20. Там же , д. 1027, л. 199.
21. Данные о проведении переписи примерно в 40 районах.
22. Там же , д. 988, л. 5–7, 10–11, 175–178, 180–181, 184.
23. Там же , д. 988, л. 178, 179, 181; д. 1033, л. 5.
24. Там же , д. 988, л. 187–188.
25. Там же , л. 179, 181.
26. Там же , л. 184, 186.
27. Там же, д. 1097, л. 266–269.
28. Там же , д. 371, л. 253.
29. Там же , д. 806, л. 63–66; д. 1071, л. 150.
30. Там же , д. 770, л. 2, 3.
31. Там же , д. 1415, л. 71.
32. Там же , д. 882. л. 259–261.
33. Там же , д. 1030. л. 158; д. 1097, л. 80–84.
34. Там же , д. 1389, л.220; д. 1390, л. 247.
35. Там же , д. 1098, л. 180, 182.
36. Там же , д. 1099, л. 24, 29, 99–100.
37. Там же , д. 1271, л. 5.
38. Там же , д. 1099, л. 41, 99; д. 1414, л. 1–2.
39. Там же , д. 1575, л. 6.
40. Там же , д. 1388, л. 31; д. 1389, л. 139.
41. Там же , д. 1575, л. 5.
42. Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России, 30-е годы: деревня. /Пер. с англ./ М., 2001, с. 331.
43. НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 790, л. 54.

В КОГТЯХ СОВЕТСКОГО «ПРАВОСУДИЯ»

Иван Матлаш

В 1939 году, когда уже чувствовалось приближение Второй мировой войны, я окончил 10 классов школы в Речице, а осенью поступил в Речицкое отделение Гомельского аэроклуба. В мае 1940 года я был зачислен курсантом в авиационное училище военно-морского флота в городе Ейске, что стоит на берегу Азовского моря. Я мечтал стать летчиком-истребителем, и теперь мечта могла превратиться в реальность. Могла...

Летом следующего года Германия внезапно напала на нашу страну. Нас стали ускоренно готовить к выпуску. В октябре 1941 года, когда наша эскадрилья располагалась в 16 км от Ейска, мне довелось совершить два боевых вылета. Второй вылет оказался неудачным: при посадке самолет получил повреждение. В начале ноября мы эвакуировались на Кавказ, в станицу Екатериноградскую, неподалеку от города Моздок – столицы Кабардино-Балкарской АССР. Курсантам еще надо было многому научиться.

Мои мать и отец, младшие братья и сестры остались в Речице, на оккупированной немецкими войсками территории. Что с ними теперь? Мое сердце было наполнено яростью, желанием сражаться с коварным врагом. Мог ли я подумать, что никогда не попаду на фронт и что мне уготована совсем другая участь?!

* * *

Тихо произнесенные слова летчика Павла Самсонова о том, что меня вот-вот арестуют, прозвучали как гром! Он дежурил в штабе, когда передавалось это сообщение. Вскоре под предлогом перевода в другую эскадрилью меня вызвали в штаб и заперли в одной из комнат. Произошло это 22 февраля 1942 года.

Я не чувствовал никакой вины за собой. Голова шла кругом от вопроса «за что?» Ждал, что меня вызовут объясниться.

Через несколько часов в комнате рядом со мной оказался сантехник Иван Федорович Кожемякин, уроженец Ейска, где у него остались двое детей и жена. Потом нашим соседом по несчастью стал еще один курсант училища. Вечером, когда нас сажали в машину, Павел передал мне узел со всей моей одеждой. Позже эти вещи очень пригодились.

Нас привезли в Моздок и сдали в камеру предварительного заключения. Отобрали поясные ремни, срезали пуговицы. Так началась моя тюремная жизнь. Только через две недели мне предъявили обвинение: «Восхваление фашистской техники, разговор, что у Гитлера недурная голова. Что Гитлер обманул Сталина, и Сталин остался в дураках, а нам теперь придется расплачиваться». В действительности я о Сталине так не думал, тогда он мне представлялся почти богом. Ведь я был молод и глуп.

Оперативный уполномоченный Тютюнин протянул заранее подготовленный текст и сказал: «Не отказывайтесь подписать, все равно подпишите, нику-

---

По материалам публикации в газете «Літаратура і мастацтва» за 22 февраля 1991 г.

да от этого не уйдете». На мои возражения ответил: «Ну, если вы с этим обвинением не согласны, то распишитесь», — и указал пальцем где поставить подпись.

Я не отрицал, что вел разговоры о военной технике немцев. Иметь представление о вооружении противника нам нужно было по программе обучения. Восхваление фашистской техники здесь не при чем.

Из Моздока меня отвезли в тюрьму в Баку, как будто для ведения следствия. За месяц пару раз водили на допрос, каждый раз в полночь. Постою у стены в кабинете следователя полтора — два часа, потом он вызывает надзирателей и приказывает им: «в карцер». Видимо просто так, «для порядка». Из Баку попал в Пятигорскую тюрьму. Здесь камеры были переполнены. Сидели буквально друг на друге, ночью поворачивались с бока на бок по команде, задыхались от духоты, спали на цементе.

В августе 1942 года с утра слышим какой-то шум и стук. Доходит очередь и до нас: «выходи с вещами». Вывели на тюремный двор, весь заполненный арестантами. Построили, дали по куску хлеба, по три селедки — в дорогу на три дня — и в путь. Погнали куда-то этапом. Шли из Пятигорска колонной около двух тысяч человек, под конвоем.

Когда проходили через аулы, местные жители бросали нам, что могли. Таким способом и я кое-что заполучил из продуктов. Но однажды, при попытке поймать узелок с фруктами, получил от конвоира удар прикладом по голове.

Конвоиры предупреждали: «шаг вправо, шаг влево считаю за побег, стреляю без предупреждения». Мы шли вторую неделю, когда где-то в пути к колонне приблизилась женщина, державшая что-то в фартуке. Из колонны к ней выскочил Максим, колхозник из Пятигорского района. Женщина высыпала ему в фуражку фрукты. Но не успел он вернуться в строй, как конвоир выстрелил ему в спину. Я сидел с ним в одной камере, знал, что у него остались дома пятеро детей. Максим обвинялся по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР: «контрреволюционная агитация».

Шли полями, питались тем, что там находили. Воду пили из луж, встречавшихся на пути. В конце второй недели нам дали по поллитровой банке плохой муки. На привале возле речушки мы хотели сделать из нее лепешки, для чего требовался костер. Молодой парень из арестованных отошел на несколько шагов за сухими ветками. Это стоило ему жизни. Прогремела автоматная очередь, он так и остался лежать с зажатым в руке хворостом.

Все мы страдали сильнейшим расстройством кишечника. Кожевников — упомянутый мной сантехник — оправлялся кровью. Запомнился такой эпизод. Под вечер нас привели к реке, разместили вдоль берега. Охрана поставила пулеметы. Приказали ночью не вставать, при нужде оправляться под себя. Но как не вставать, если люди лежат вплотную друг к другу, и у всех понос. Мой сосед, бывший кадровый военный, старшина, здоровенный мужчина, попытался присесть. Тут же затрещал пулемет. Он упал, обливая кровью мои сапоги. Всю ночь я пролежал рядом с мертвецом.

Многие двигались из последних сил, бросали свои вещи, лишь бы только не отстать от колонны. Всех тех, кто не мог идти дальше, охрана безжалостно уничтожала. Каждый день гремели выстрелы.

Больше месяца мы шли этим страшным этапом смерти. Наконец, вошли во двор тюрьмы в Махачкале. Стали нас «лечить» от кишечного расстройства — поить раствором марганцовки. На второй день в котлах, где раньше варили смолу, приготовили «затируху» из муки. Но она не пошла на пользу. Спасал только кипяток.

Уделом заключенных советских лагерей всегда был физический труд на износ

На третий день погнали на станцию, набили арестантами вагоны до отказа, так, что нельзя было повернуться. Это было еще одно ужасное испытание. В вагонах, где сидели, там и справляли естественные потребности.

Привезли опять в Баку, где я уже был раньше. Здесь посадили на большой грузовой пароход. Вечером он отошел от берега. И трюмы, и палуба были до отказа заполнены арестантами. Уже наступила осень, ночью разыгрался шторм. У меня еще были силы. Добрался до середины палубы, уцепился руками за какие-то снасти, укрыл шинелью голову и так держался всю ночь. Под утро шторм стих. На рассвете увидел, что половина палубы опустела. Всех, кто находился возле бортов, унесло в море. Ни одного конвоира не было видно. Но когда стали подходить к берегу, они сразу откуда-то появились.

Нас высадили в Красноводске, это на другом берегу Каспия, в Туркмении. Провели через город, расположили на открытом месте. Ночью холодно, днем метет песок. На второй день дали по 400 граммов хлеба и стали водить «на водопой». Поили из тех же корыт, откуда пили овцы и верблюды. Я за один раз выпил восемь полулитровых банок воды. Однажды повели в баню. Думал, попью там воды вволю, но она оказалась соленой. Через несколько дней такой «жизни» отвели на станцию в Красноводск, загнали в товарные вагоны.

В Красноводске я простился с Кожевниковым. Он уже не мог идти. Предложил мне свое кожаное пальто, попросил меня — если останусь жив — сообщить о нем семье в Ейск. Пальто я не взял. Дальнейшей судьбы Кожевникова не знаю.

Нас повезли в сторону Ташкента. Примерно в середине пути нам устроили баню прямо в вагонах. Всем приказали раздеться догола и поливали холодной водой из пожарного брандспойта. Возле Ташкента сунули в руки по куску хлеба.

Сколько суток мы ехали, не помню, но долго. Наконец, эшелон прибыл в Красноярск. На дворе уже лютая зима. Мороз и снег. А половина арестантов раздета и разута. Снова загнали в вагоны, отправили эшелон в тупик. Всю ночь мы тряслись от холода.

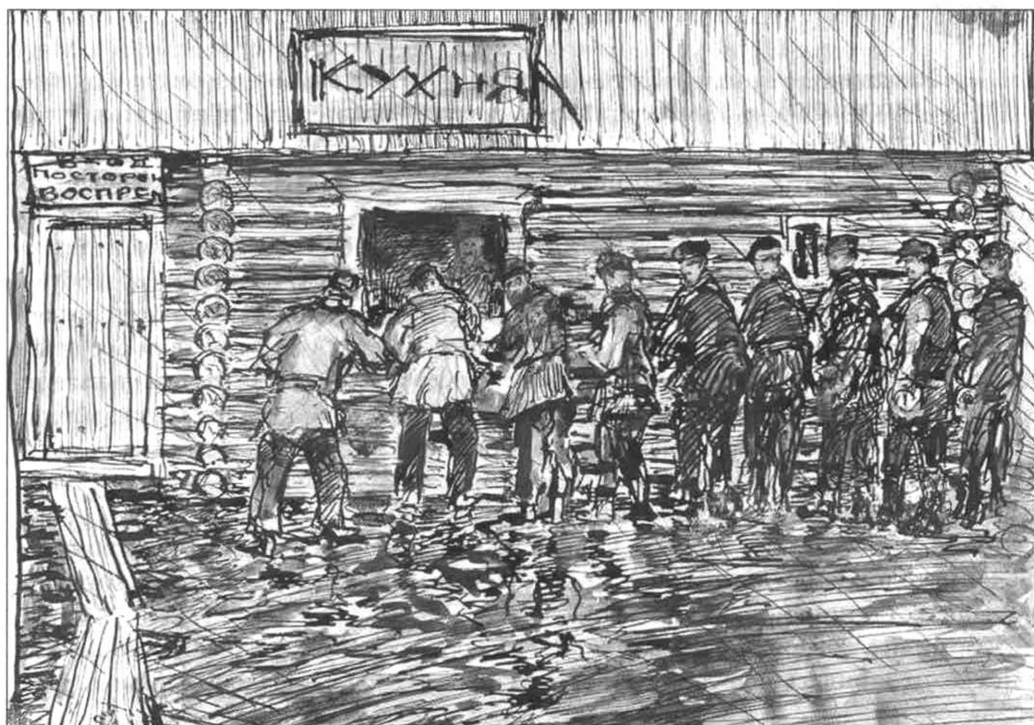
Утром привезли одежду и обувь, старое армейское барахло. Но все же люди хоть как-то оделись и обулись. Отвели нас в здешнюю тюрьму. Развели по камерам. Попал я в большую камеру с нарами, где находилось примерно 250 человек. Когда разместились, все сразу легли и спали около двух суток. Нас в это время не трогали. Мы не просили ни пить, ни есть, спали непробудным сном после перенесенных мучений.

В этой тюрьме я находился до июня 1943 года. И вот вызвали меня и еще двоих товарищей по несчастью и зачитали нам приговор Особого совещания. Тем двоим по 10 лет, мне 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Перевели с вещами в рассыльную камеру. Оттуда в «воронке» отвезли в товарный вагон. Ехал один под конвоем четырех охранников. На станции Решеты высадили и сдали другим конвоирам. Эти с любопытством посматривали на мою военную форму, особенно на шинель и сапоги. Нам выдали ее в училище в конце 1941 года, заменив морское обмундирование на армейское.

* * *

Вскоре я оказался в так называемом «комендантском лагере». Первое впечатление оказалось самым сильным, оно врезалось в мою память навсегда. Я прошел метров 30 вдоль бараков и оцепенел от того, что увидел. Возле одного из них грелись на солнышке с полдюжины заключенных. Они были до предела истощены, настоящие скелеты, обтянутые кожей. Странно было видеть, что эти скелеты шевелятся, двигают конечностями. Даже разговаривают. Мне стало жутко от мысли, что такая же участь ждет и меня.

Меня сдали в карантин, где уголовники сразу затеяли возню вокруг меня, чтобы завладеть военной формой. Вначале предлагали за нее четыре пайки хлеба по 600 граммов каждая и лагерную одежду – не мог же я остаться совсем голым. Потом посулили шесть паек. Я не согласился, о чем потом горько сожалел.

Выдача пищи заключенным в лагерном пункте Темиртау (Сиблаг),
(рис. И.П. Суханова, заключенного художника, 1936 г.)

Видя мое упрямство, жулики придумали другой способ. Через неделю меня отвели в бригаду, сказали: «вот твоя бригада, в ней будешь работать и жить». То была режимная бригада, состоявшая из одних головорезов и жулья. Пришли мы на место работы – строить лежневую дорогу через болото. Когда привезли обед, мне в миску баланды положили головку сибирского лука, растущего на болотах. На вкус он не горчит, но действует на человеческий организм подобно яду. Позже я видел, как от него умерли шестеро заключенных.

«Доходяга»
(рис. Е. Керсновской, бывшей узницы сталинских лагерей)

Съев баланду, я потерял сознание. Меня раздели догола и бросили в тракторный прицеп. Трактор отволок прицеп в лагерь. На меня нацепили какое-то рванье, отнесли в барак режимной бригады. Неделю я пролежал без сознания. Затем очнулся, смотрю вокруг и ничего не понимаю. Где я? Что со мной? Спросил у дневального, но в ответ услышал ругань. Тогда я слез с нар, вышел из барака. Хожу по лагерю, пытаюсь вспомнить что к чему, но ничего не выходит. Увидел на одном бараке надпись «мед. пункт», зашел туда. Женщина-врач, еврейка, тоже из заключенных, вспомнила, что произошло со мной, отправила меня на лечение в стационар. Когда я более или менее «оклемался», попал в отделение лагерного пункта № 11 – на строительство железной дороги.

***

Потом в другом лагере я строил лесопилку, лежневые дороги. Был в разных лагерях. Работал на лесоповале.

Пришлось мне быть в одном лагере, где свыше половины заключенных составляли литовцы и латыши, вывезенные со своей родины после прихода Красной Армии. Увозили их семьями, разрешали брать с собой не более 20 кг вещей. Конечно, они брали самую лучшую одежду и обувь, предметы быта, продукты. Когда их привозили в назначенное место, жен, мужей и детей разлучали. Потом уводили подальше друг от друга, отнимали все вещи и продукты, а также «лишнюю» одежду и только после этого загоняли в лагеря.

В тайге видел жилища ссыльных литовцев и латышей, видел их кладбища. На одном таком кладбище я насчитал не менее тысячи могил. Над каждой могилой стоял столбик с насечками. Русские просто закапывали своих мертвецов и сравнивали могилы с землей, никаких знаков они не ставили.

Сколько мне пришлось быть в заключении, всегда испытывал чувство голода. Иногда доходило до того, что от истощения не мог стоять на ногах. Тогда помещали в стационар.

Кормили в лагерях очень плохо. Все мысли заключенных были о пище. Мы ели все, что попадалось: лягушек, птиц, собак, дохлых лошадей, коренья, даже траву.

Нужно ли объяснять, что смертность в сталинских лагерях была очень высокой. Скажу, как «провожали» покойников в последний путь. Умершего клали на

телегу таким образом, чтобы его голова свисала сзади. Возле ворот охранник брал кувалду и бил ею по голове. Делалось это с целью перестраховки – чтобы случайно не вывезли из лагеря живого.

В каждом новом лагере мне зачитывали одно и то же: осужден Особым совещанием в Москве по 53-й статье. Так и отбыл весь свой срок в Красноярском крае.

***

Истощенного и больного, меня освободили из заключения в августе 1949 года. Вскоре я приехал в Речицу к своим родителям. Здесь никто не знал о том, что произошло со мной. Я скрывал свою печальную историю, говорил, что служил в армии и уволен по болезни. Это звучало правдоподобно, ибо соседи знали о моем поступлении в военное училище.

Мое дело было пересмотрено военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа в Ростове-на-Дону 30 октября 1964 года. В присланной мне справке сказано:

> «Постановление от 18.11.1942 в отношении Матлаша И.М. отменено и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления. Матлаш Иван Маркович по данному делу полностью реабилитирован».

Кем я был осужден, какой инстанцией, на основании чего, в справке не сказано.

Вот так, не совершив никакого преступления, я без следствия и суда провел в тюрьмах и лагерях семь с половиной лет (6 месяцев сняли за хорошую работу). Лучшие годы молодости прошли в страданиях.

После освобождения я по сей день страдаю сильными головными болями. Много лет подряд была полная бессонница. Мне постоянно вспоминались пережитые ужасы.

Примечание

Иван Матлаш родился в 1922 году в Речице, умер там же в 2006.

Свои заметки о пережитом он написал в мае 1990 года, когда ему было 68 лет.

ГИБЕЛЬ МАШЕРОВА:
Несчастный случай или убийство?

Альберт Лазакович

Это произошло 4 октября 1980 года. Автомобиль «Чайка», в котором находился первый секретарь ЦК компартии БССР Петр Миронович Машеров, на большой скорости врезался в пересекавший шоссе грузовик с прицепом, до верху нагруженным картофелем. Водители автомобиля и грузовика были ранены, но остались живы. Беларускому генсеку не повезло: травмы, полученные им, оказались несовместимыми с жизнью.

Практически сразу в нашем народе пошел слух о том, что эту катастрофу «подстроили», что «Мироныча убили». Кто? Ясное дело, москали. Мол, одна группа «товарищей» в Политбюро ЦК КПСС хотела сделать главного беларуского коммуниста главным «партайгеноссе» всего Союза ССР, а другая группа из того же учреждения была категорически против.

* * *

Свинцовое небо висело над Ленинградом, тихо осыпая мелким дождем прохожих, спешивших на работу. С привычной организованностью транспорт развозил человеческие потоки по заводам, институтам, учреждениям огромного города. В тот день я добрался от Финляндского вокзала до своего объединения раньше обычного. Открыл лабораторию и взялся за служебные бумаги, сортируя их для совещания по результатам испытаний аппаратуры космодрома.

Углубившись в работу, я не услышал, как в лабораторию вошел Игорь Дмитриев, заведующий технологическим сектором и мой приятель. Аккуратно прикрыв за собой дверь, он посмотрел на меня как-то растерянно, а потом выжал: «Ну что, Альберт, укокошили твоего Машерова»... Зная его как человека интеллигентного, я тем не менее воспринял его слова как неудачную шутку: «Ты что, белены объелся, или... – Никакого «или»! По «Голосу» сообщили – дескать, автомобильная катастрофа под Минском».

Если сказать, что эта весть ошеломила меня, значит – ничего не сказать. Я стоял как вкопанный! – Машеров погиб?! Невероятность того, что случилось, придавила. Посмотрел на Игоря: «Ты что-нибудь понимаешь?» Взявшись за ручку двери, Игорь обернулся и ответил: «Ты не хуже за меня понимаешь – убили шельмы. Стал сильно мешать, не вписывался».

Весть быстро проникла в коридоры и курилки института. Местные аналитики исключали случайность катастрофы. Общим рефреном звучало – убили кремлевские жадюги Петра Мироновича.

В последующие дни все, кто хорошо знал кремлевский ритуальный протокол, обратили внимание на его нарушение – задержку с похоронами Машерова. Бюрократизм партийной жизни предопределял меньший срок прощания с кандидатами в члены Политбюро по сравнению с телами членов.

Но наплыв в Минск тысяч людей со всего Союза заставил задержать погребение. Представители республик, городов и областей страны, а также бывшие

партизаны в течение нескольких дней самолетами и поездами спешили в Минск попрощаться с Машеровым, отдать дань уважения героическому сыну Беларуси. Резонансная волна миллионов сердец огорчила кремлевских воротил: Машерова явно хоронил народ.

Брежнев и Машеров
на площади Победы в Минске

Официальная версия трагического происшествия у многих людей не вызвала ни малейшего доверия. В их головах не укладывалось странное обстоятельство: как мог самовольно выехать поперек дороги грузовой автомобиль с прицепом, нагруженный колхозной картошкой именно в тот момент, когда стремительно приближалась «Чайка» высшего партийного чиновника – вопреки строжайшему регламенту для автотранспорта в подобных ситуациях, обеспечиваемому ГАИ?!

Водители, которые немного позже объезжали место катастрофы, оцепленное милицией, удивлялись: как могла технически случиться катастрофа, если только это не умышленный шаг?

...Прошли годы. Закономерно рухнул Союз. Бурные события в Беларуси постепенно оттеснили внимание ошеломленного люда от той катастрофы. Как-то, покидая Московское кладбище в Минске после прощания с Геннадием Карпенко в апреле 1999 года, я подошел к серому камню – памятнику Петру Машерову. Вглядевшись в черты каменного облика, обратил внимание на удачно переданное скульптором выражение лица Машерова – задумчиво-печальное...

Могила П.М. Машерова
на Московском кладбище в Минске

...Через пару лет приехал я уже не в Ленинград, а в Санкт-Петербург навестить дочь и племянника. Перед возвращением домой вспомнил старых друзей моего отца, наших земляков, и решил повидаться с ними, но, к сожалению, они уже умерли, остался их сын Владислав. С ним вместе учились в Берлине после войны. Он, как и его отец, связал свою жизнь со службой в КГБ, тоже был не молод, на пенсии, полковник...

Стоял теплый летний вечер. На метро добрался до Лесного проспекта, быстро нашел знакомый дом. Двери открыл Вла-

дислав, весь седой, сильно располневший, но высокий – в отца. Пригласил в гостиную: «Нам повезло. Я один, мои на юге, никто не мешает нырнуть в прошлое и поговорить о днях молодости».

По телевизору диктор с нотками таинственности в голосе сообщал по какому-то поводу очередную версию давнего события – гибели известного британского водолаза капитан-лейтенанта Лайонела Крэбба. Погиб Крэбб 19 апреля 1956 года при скандальных обстоятельствах – обследовал конфигурацию днища крейсера «Орджоникидзе», на котором в Англию прибыла правительственная делегация СССР во главе с Н.С. Хрущевым. Тогда возник большой политический скандал, в британском парламенте «размазывали» спецслужбы кто только хотел... Глядя на экран телевизора, мы с Владиславом улыбнулись. Он – мне: «Ты помнишь?» Я ему: «Конечно».

А дело было так. 1956 год, тихий осенний вечер. В этой же квартире мы, студенты, «режемся» в шахматы. За шахматной партией критически наблюдает его отец, большой знаток этой игры (в 1948 году в Берлине он сыграл вничью с гроссмейстером Максом Эйве, бывшим чемпионом мира). Раздался звонок. Отец пошел открыть дверь. Донесся странный диалог: «Все свои?» – «Да, проходи». Я улыбнулся про себя: и здесь конспирация.

Вошел высокий мужчина, одетый для того времени задиристо не по-советски: узкие кремовые брюки, оранжевая рубашка и неслыханно яркие туфли на толстой подошве – ну, просто находка для комсомольского патруля! Видимо хозяин успел сообщить гостю мое досье надежного советского гражданина, потому что тот неожиданно для меня протянул руку и представился: «полковник Васильев».

Старшие начали свой разговор, из которого я с удивлением узнал, что гость не просто полковник, а человек, отвечавший за вопросы безопасности визита Хрущева в Великобританию. Наша шахматная партия закончилась моим поражением, правда, – достойным, и мы с любопытством присоединились к разговору ветеранов. Полковник Васильев увлеченно рассказывал о деталях похода, о крейсере и его экипаже, специально укомплектованном процентов на семьдесят курсантами ленинградских высших военно-морских училищ.

Поскольку в прессе уже появлялись разные версии причин гибели Крэбба, я спросил у Васильева – что же произошло на самом деле? Он улыбнулся, посмотрел на нас:

«Я по агентурному каналу получил информацию о намерении морских английских коллег квалифицированно изучить конструктивные особенности днища нашего крейсера (английская военная разведка МИ6 с трудом уговорила известного водолаза оказать ей эту услугу). Поэтому мы отслеживали каждый его шаг под водой. Я с помощником находился на самом краю носовой части, смотрел вниз и в какой-то момент хорошо рассмотрел его фигуру рядом с коком гидролокатора».

Я тогда наивно спросил у Васильева: «И что, сбросили ему на голову колосник?»

Васильев усмехнулся и спросил: «На каком факультете, студент?» Отвечаю: «На радиотехническом». Васильев: «Тогда поймешь. Я приказал включить гидролокатор, а это 40 киловатт! Последнее, что мы увидели, – почти всплывшее

тело Крэбба с раскинутыми в стороны руками, которое плавно пошло вниз. Но это уже было не тело, а мешок с костями. 40 кВт – не шутка!»*

Посмеявшись над очередной туманной версией телевидения, мы с Владиславом прошли на кухню, где он соорудил вокруг бутылки армянского КВВК удачный натюрморт «Встреча друзей». Вспоминали Берлин 1946 – 48 годов, остров Рюген с пионерским лагерем, американских военных с их раскованной манерой поведения. Много радостного и печального. Пожужукали о том, что прячется за семью печатями, подальше от глаз и ушей бывших советских граждан.

Разговор потихоньку перешел на родную Беларусь с ее экзотическим «узурпатором» и «рассудительным» населением. Было заметно, что Владислав аккуратно визирует даже старую политическую информацию – профессия! Я не настаивал на уточнениях и расшифровках его кратких сообщений. Однако затронул вопрос о редкостном несоответствии деятелей нынешнего правящего режима и Машерова, о нашей чересчур эмоциональной и профессионально незрелой оппозиции. Владислав неожиданно встал, подошел к раскрытому окну. Помолчал, вернулся, наполнил бокалы коньяком. «Давай выпьем за светлую память убиенного беларуса Петра Мироновича». Мы выпили стоя.

По фотографии видна сила столкновения машин

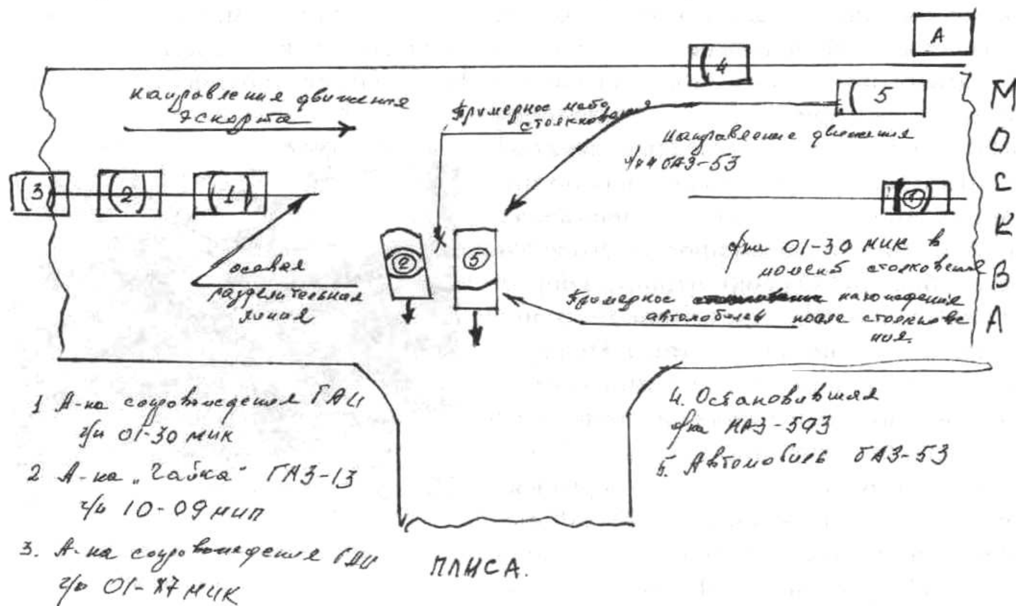
Помолчали, Владислав закурил:

«То, что искажу, – абсолютная правда. Мелкие детали можно опустить. Не спрашивай потом ни о чем. Так вот... Машеров был осужден. Те лидеры, которые болеют за нацию, любят по-настоящему свою землю, свой народ – недопустимая опасность для Кремля. Тем более – такой лидер! О каких бы его недостатках ни полоскали потом языками доморощенные критики-эстеты, важно помнить, что он резко выделялся среди высшего клана своей порядочностью и человечностью. Как уважительно к нему относились люди во всех регионах Союза! Кремлевский клан ощутил большую опасность существования Машерова не только на политическом Олимпе, но и вообще – существования.

Ну, да ладно. Теперь коротко о самом убийстве. «Контора» сработала профессионально. В стороне была выставлена нагруженная бульбой колхозная шаланда, которая направлялась, кажется, в Выборг. Путь далекий, кабина заставлена канистрами. Водитель дисциплинированно сидел за рулем, ожидая разрешения гаишников (он никакой причастности к афере не имел). Неожиданно открывается левая дверца и в кабину, резко оттолкнув водителя вправо, запрыгивает во-

* Эти слова Васильева расходятся с фактами. Крейсера проекта 68-бис, в т.ч. «Орджоникидзе», действительно имели гидроакустическую станцию «Тамир-5Н». Но в акватории Портсмутской гавани было обнаружено **обезглавленное** тело Крэбба в легководолазном снаряжении. Его голову не нашли. По мнению следователей полиции, во время осмотра винто-рулевой группы крейсера винты неожиданно стали вращаться и отрубили Крэббу голову. Понятно, что у крейсера, стоящего на рейде, винты просто так не вращаются. – *Прим. ред.*

енный в форме старшего прапорщика (конечно, на самом деле не прапорщик, а боевик из спецструктуры). Выворачивает руль резко влево и дает газ. Машина выползает на дорогу, почти перекрывая ее. Прапор спрыгивает с машины резко влево, за полотно дороги. Сзади – ужасный удар, взрыв горючего. Все. К счастью, водитель шаланды остался жив, хотя и пострадал*. В госпитале ему объяснили правила дальнейшего поведения и выживания, если жалко семью.

Примерная схема ДТП 4 октября 1980 г.

Но не все обратили внимание на случайную, казалось бы, деталь. За Машеровым в нескольких минутах отставания неслась «Волга», где сидел в форме генерал-майора ответственный сотрудник Административного отдела ЦК КПСС. Задача отдела – контроль выполнения решений ЦК (как открытых, так и закрытых). Ради этого и мчался на «Волге» тот сотрудник.

Все, Альберт, ты и так слишком много знаешь. Давай выпьем за тебя. То, что я тебе рассказал, это слабая попытка очистить душу. Передавай привет Беларуси, сходи на могилу Машерова и ...береги себя»**...

Возвращаясь от Владислава к своей дочери, а потом из Питера в Минск, я еще более отчетливо представил себе, что раковая опухоль москвоцентризма должна быть удалена ради спасения самой же России – обновленной, не «нашистской», не ордынской.

* По такому же сценарию 12 ноября 1996 года на автостраде Брест – Минск произошла ликвидация журналиста Анатолия Майсени. В отличие от Машерова он сам сидел за рулем своего джипа, а вместо прицепа с картофелем на его пути появился тяжелый грузовик КРАЗ. – *Прим. ред.*

** Версия Владислава тоже расходится с фактами – как и версия «полковника Васильева» относительно Крэбба. Грузовик ГАЗ-53 с прицепом ехал по дороге, а не переезжал ее. Перед ним следовал самосвал МАЗ. Внезапно самосвал затормозил. Избегая столкновения, водитель грузовика вывернул на встречную полосу, по которой мчалась машина Машерова. Водитель «Чайки» резко повернул влево и удар грузовика пришелся по той части салона, где сидел Машеров. На схеме ДТП все это хорошо видно. – *Прим. ред.*

IV. СЛАВНЫЕ ИМЕНА

ГЕНИЙ АРТИЛЛЕРИИ: Казимир Семенович

Анатоль Тарас

«Авторитет автора этой книги был и до сих пор остается для ракетчиков и фейерверкеров святым»...

Джордж Шелвок, 1729 г.

Какие имена приходят на ум, когда речь заходит о ракетах, освоении космоса? Константин Циолковский, Фридрих Цандер, Роберт Годдард, Сергей Королев... Знатоки могут вспомнить военных-ракетчиков XIX века Уильяма Конгрева, Александра Засядко, Константина Константинова... Но, оказывается, огромный вклад в теорию и практику ракетной техники внес наш земляк, живший в XVII веке.

В 1650 году в Амстердаме была издана на латинском языке книга ранее неизвестного автора Казимира Семеновича «Artis magnae artilleriae pars prima» («Великое искусство артиллерии часть первая»). В ней, среди прочего, описан принцип устройства многоступенчатой ракеты, приведены рисунки треугольного крыла и ракетной системы залпового огня. И это – за 250 лет до трудов Циолковского!

Контур жизненного пути

Дата рождения Казимира Семеновича не установлена. Сопоставляя немногие известные факты, исследователи пришли к выводу, что он родился между 1600 и 1605 годом.

Неизвестно также место рождения. На его происхождение указывает дарственная надпись Леопольду Вильгельму Габсбургу на титульной странице (во французском издании дарственная надпись посвящена уже Вильгельму Фридриху) – «eques Lithuanus», что обозначает шляхтича из Великого Княжества Литовского.

Написание фамилии встречается разное. Так, в реестре коронной артиллерии в одном месте указан Семянович, в другом месте – Семенович. Правильным является вариант Семенович, который использовал сам автор (в названии книги, в посвящениях Леопольду Вильгельму и Вильгельму Фридриху). Его же привел Юзеф Наронович-Наронский в своей работе «Артиллерия» (1665 г.).

На титуле книги изображен геральдический щит с гербом «Астоя» и инициалами C.S. – Casimirus Siemienowicius. Правда, в списке фамилий, имеющих пра-

во на этот герб, нет ни Семеновичей, ни похожих (1). Но Юзеф Наронович-Наронский отметил, что от герба «Астоя» происходит герб «Шелига». В Жамойтии, где великие князья Литвы селили своих панцирных бояр и других военнослужащих, в Росенске около 1560 года жила семья Семеновичей, использовавшая герб «Шелига» (2).

Герб «Астоя»

Герб «Шелига»

Петр Кравченко из Минска утверждает, не ссылаясь ни на какие источники, будто бы автор «Artis magnae» родился близ Новогрудка и принадлежал к обедневшему княжескому роду Семеновичей, который в XIV–XVI веках владел землями на Витебщине, в нынешнем Дубровенском районе. Но такие князья в беларуской истории неизвестны. Сам Казимир написал во вступлении к своей книге следующие слова:

> «В юности оставил всякую мысль сделать политическую карьеру, хотя и она, по происхождению предков, была мне доступна, и полностью посвятил себя прежде всего практическому изучению этой науки /артиллерии/, а позже все свои силы отдал теоретическому исследованию ее, и так увлекся ею, что не жалел никаких затрат, только бы узнать то, чего не знал раньше».

Сообщение Александра Краушара о том, что Семенович учился в артиллерийской школе во Львове ничем не подтверждено. Кроме того, в первой половине XVII века эта школа еще не существовала.

Адольф Ивашкявичус (2004 г.) установил, что Казимир учился в иезуитской Академии в Вильне (3). Он поступил в нее в возрасте 20 лет, то есть, между 1620 и 1625 годом. Но экзамен на степень магистра вольных искусств и философии (Magistri Artium Liberalium et Philosophiae) сдал значительно позже — 7 июня 1651 года, в конце своей жизни (4).

Мариан Суботович (1957 г.) предположил, что в 1624–25 гг. Семенович совершил свое первое путешествие в Европу — в свите королевича Владислава (1596–1648), будущего короля Владислава IV, который посетил испанские Нидерланды, Германию (Рейнские земли), Австрию, Швейцарию, Баварию и Италию. Однако никаких документов об этом нет.

Книга «Artis magnae...» свидетельствует о широком гуманитарном образовании автора. Семенович владел, кроме родного старобеларуского, польским, латинским, греческим и французским языками. Среди 200 работ, на которые он ссылается в книге, только несколько относятся к военной тематике, тогда как остальные из области теологии, риторики, грамматики и даже поэзии. Кстати говоря, в Виленской ака-

демии он мог изучать только эти предметы. Преподавание физики, механики, математики и других «точных наук» было введено здесь лишь в XVIII веке.

По книге «Artis magnae...» видно, что Семенович разбирался в механике, гидравлике, пневматике, оптике, фортификации, физике, химии, математике, рисовании, скульптуре, граверном и литейном деле. Он сам писал, что «изучил много искусств, как свободных, так и механических». Где Казимир приобрел столь обширные знания – неизвестно. Несомненно, что главным образом путем самообразования. Но, может быть, он еще и учился где-то в Европе?

Генрик Барыч (1970 г.) и Мацей Иловецкий (2001 г.) утверждают, будто бы Семенович учился в Лейденском университете, и притом за счет короля Владислава IV. Такое предположение возникло на основе его собственных слов о том, что он использовал в своих экспериментах воду из притока Рейна близ Лейдена. Следовательно, мог находиться в этом городе достаточно долго. Между тем, в Лейдене существовал университет, имевший факультет механики, а преподавание осуществлялось на латинском языке, который Семенович хорошо знал. Но никаких свидетельств об учебе Казимира в архивах Лейденского университета не обнаружено.

Относительно службы в войсках Речи Посполитой до 1647 года (когда Семенович получил должность инженера коронной артиллерии), он приводит в своей книге два факта.

Первый – участие в осаде крепости Белой (с 22 марта до 27 мая 1634 г.), о чем автор пишет как непосредственный свидетель, хотя и не указывает, какую роль он там исполнял. Мариан Суботович заявил об участии Семеновича во всей Смоленской войне 1632–34 гг., но не подтвердил это фактами. Сам Семенович пишет о штурме Смоленска в феврале 1634 года, однако из этого еще не следует, что он принимал в нем непосредственное участие.

Второй момент – участие Семеновича в битве с крымскими татарами под Охматовым в Украине (30 января 1644 г.), о которой он рассказывает от первого лица*. Однако и в этом случае мы не знаем об исполняемых им обязанностях. Возможно, что Семенович состоял в артиллерии коронного гетмана Станислава Конецпольского. Он пишет, что татарские пиротехники прикрыли дымовой завесой свое отступление: «С помощью дьявола туманом и паром затемнили солнце на побоище».

В конце 1644 или в начале 1645 года Семенович выехал в Нидерланды, где совершенствовался в артиллерийском деле. Он пишет о личном знакомстве с Павлом Гродским, командовавшим коронной артиллерией в 1637–45 гг. Поэтому можно предположить, что его послало командование артиллерийского корпуса по согласованию с королем. Казимир служил в армии Республики Соединенных Провинций под командованием Вильгельма Фридриха в качестве канонира. Вероятно, дослужился до более высоких чинов, о чем свидетельствуют его собственные слова.

О боевом пути «канонира» известно немного. Как свидетель он упоминает только осаду в 1645 году крепостей Гульст и Мурспей, хотя можно предполо-

* Белая находится в нынешней Калининской области России. Охматово – в Черкасской области Украины.

жить, что военных приключений было больше. Семенович также пишет, что выезжал из Нидерландов в Германию, в Ольденбург, для знакомства с коллекцией оружия графа ольденбургского.

Семенович вернулся в отечество по приказу короля Владислава IV. Он впервые упомянут в документе 1647 года – четвертым после полковника-лейтенанта артиллерии Николая Арцишевского, цехмастера (инспектора) Фридриха Гентканa и капитана Себастьяна Адерса, на должности инженера артиллерии, с месячной зарплатой 100 злотых (Н. Арцишевский получал 200 злотых).

Деятельность Семеновича в качестве инженера почти неизвестна. Но именно в тот период он встретился с людьми, имевшими знания и опыт в деле строительства ракет. В варшавском арсенале работали специалисты из Дрездена Генрих Бухер и Каспер Киттель. Производство ракет осуществлялось большими партиями, о чем свидетельствуют факты покупки нужных материалов (например, бумаги). Об этом читаем в приказе командующего коронной артиллерией Криштофа Арцишевского (видимо, родственник Николая Арцишевского). Ракеты использовались не только для фейерверков, но и в военных целях. Так, в 1646 году при выступлении в поход были выписаны веревки для связывания ракет.

Весной 1648 года, предположительно 20 апреля, умер заместитель командующего коронной артиллерией Николай Арцишевский. Именно на его место был назначен Семенович. Известно, что решение об этом принял еще Владислав IV (так сказано в меморандуме сенатско-сеймовой комиссии от 31 января 1651 г.), то есть, это произошло до смерти короля 20 мая 1648 года.

В новой должности Семенович 28 мая 1648 года выдал из варшавского арсенала по письменному распоряжению регента, примаса Мацея Лубеньского полку королевских мушкетеров 100 голландских мушкетов и 60 пик на общую сумму 1030 злотых (по другой версии – выдал оружие по требованию командира этого полка Самуэля Асинского). Генерал Криштоф Арцишевский, вернувшись из Гданьска, возмутился: почему оружие выдано бесплатно? И стал требовать от подчиненного возмещения ущерба. Но Семенович не смог или не захотел сделать это. Вероятно, он считал, что королевский полк, идущий на войну, имел право на бесплатное вооружение из королевского арсенала.

29 июня 1648 года Семенович прибыл во Львов с 17 пушкарями и обозом, где присоединился к походу против восставших украинских казаков. Воинские качества казаков он оценивал невысоко, считал их просто разбойниками.

В августе туда же прибыл и К. Арцишевский. Он выдал Семеновичу 24.879 злотых для оплаты услуг обоза и выдачи жалованья пушкарям. Артиллерия находилась в лагере сначала в Глинянах под Львовом, затем под Староконстантиновым и Пилявцами. Неизвестно, участвовал ли он в битве с казаками под Пилявцами (23 сентября) и в обороне Львова (в октябре).

В ноябре возникло дело о деньгах, когда начальник артиллерии Криштоф Арцишевский обратился в суд с обвинениями против Семеновича. Многое в этом деле остается неясным. Сначала Арцишевский указал в своем заявлении, что Семенович 24 августа в основном отчитался в расходовании полученной им суммы (осталось только 1155 злотых). Однако через два месяца опять обвинил Семеновича в присвоении денег и потребовал суда над ним.

Только через два с половиной года (31 января 1651 г.) сенатско-сеймовая комиссия, которая рассматривала дело, определила, что Семенович присвоил деньги, предназначенные для оплаты подвод. Он якобы посчитал, что все подводы и возчики погибли в битве под Пилявцами либо попали в плен к казакам. Но некоторые возчики появились в Варшаве, а позже и в Кракове, требуя платы. После проверки всех счетов получилась разница в 7885 злотых, которые должен был вернуть Семенович.

К присвоению денег его могло склонить трудное материальное положение. Имея чин полковника-лейтенанта и должность заместителя начальника артиллерии, он получал всего лишь 200 злотых в месяц, тогда как Наронович-Наронский предлагал, чтобы жалованье лиц командного состава артиллерийского корпуса составляло не менее 1000 злотых в месяц.

В итоге Семенович так и не рассчитался. Он получил от нового короля Яна II Казимира отставку от службы без обязанности возврата долга в казну и разрешение на выезд в Нидерланды. Не исключено, что король, который знал о его работе над книгой по артиллерийскому делу, посчитал эти деньги вознаграждением за нее.

Весной 1649 года Семенович прибыл в Нидерланды, где окончил книгу. В конце того же года он сдал рукопись и эскизы рисунков в типографию Яна Янсона. Но и после этого дополнял ее разными вставками. Например, текст вступления закончил в феврале 1650 года в Амстердаме. Следовательно, большую часть 1649 и начало 1650 года Семенович провел там.

Казимир Семенович
(из брошюры А. Бельского и М. Ткачева «Вялікае мастацтва артылерыі: Казімір Семяновіч», 1992 г.)

Правда, Семенович упоминает о том, что отсутствовал во время печатания книги. Возможно, выезжал из Амстердама для поиска денег. Он нашел покровителя в лице Леопольда Вильгельма Габсбурга, испанского наместника в Бельгии и Бургундии. Это свидетельствует о трудном материальном положении автора, которое заставило искать мецената в лагере бывших противников (ведь он в свое время воевал в армии Провинций).

Последний след Семеновича – его подпись под посвящением Вильгельму Фридриху в изданном в 1651 году французском переводе «Artis magnae...». Посвящение доказывает, что автор по-прежнему испытывал нужду в деньгах и нуждался в поддержке.

О личной жизни автора мы не знаем практически ничего. Может быть, у него была семья, а может и нет.

Все современники писали о преждевременной смерти Казимира Семеновича. Но причины ее нам неизвестны. Существуют три версии.

Первая – погиб во время опытов со взрывчатыми веществами.

Вторая – был убит. По мнению А. Штернфельда, собратья по ремеслу якобы вынесли ему смертный приговор за то, что он в своем трактате разгласил профессиональные тайны пиротехников. О том, что его научная открытость встречала определенное сопротивление, можно судить по трактату, где Семенович словно оправдывается перед кем-то:

> «Если к горящей лампе приблизить тысячу не зажженных, чтобы они зажглись от нее, то первая лампа не потеряет ни своего масла, ни своего пламени... Я с полным искренности сердцем выявил то, что нечестно было скрывать... Я не ради награды, ни по какой иной причине, а даром даю то, что даром и получил, чтобы служить всеобщему добру».

Но истинная причина более прозаична. Его собственные слова в книге, а также тот факт, что магистерский экзамен в Виленской академии был перенесен в связи с болезнью, свидетельствуют, что в годы работы над «Artis magnae...» здоровье автора сильно ухудшилось. Длительное путешествие в Вильню для сдачи экзамена окончательно подорвало силы, результатом чего и стала скоропостижная смерть. Она наступила то ли в конце 1651, то ли в первой половине 1652 года.

Историк польской литературы Феликс Бентковский писал в начале XIX века, что в библиотеке Варшавского лицея находился бюст Семеновича с орденской лентой и орденом Звезды на груди (5). Полагают, что орденом его наградил король Ян II Казимир за выдающийся научный труд – книгу «Великое искусство артиллерии».

Труд жизни

В трактате «Великое искусство артиллерии» 304 страницы, в том числе 22 гравюры, содержащие 206 рисунков. Гравюры выполнил по эскизам автора известный голландский гравер Якоб ван Мейрс.

Книга эта – учебник для артиллеристов, поэтому в ней обобщен весь опыт того времени. Немало в ней оригинальных мыслей и разработок самого Семеновича.

В первом ее разделе изложены методы определения калибра пушек, размеров и веса ядер в зависимости от материала. Для сравнения веса ядер одинаковых размеров, но из разных материалов Семенович дал таблицу относительного веса ядер из 19 материалов, взяв за 100 единиц вес ядра из золота. То есть, впервые создал таблицу удельных весов.

Рассматривая возможность выстрела из пушки двумя ядрами, автор фактически сформулировал закон неупругого столкновения тел. Любопытно, что незадолго до этого в Амстердаме вышла книга Рене Декарта «Начала философии», где были изложены ошибочные законы упругого удара...

Во втором разделе автор описал методы получения черного пороха – единственного метательного и взрывчатого вещества того времени, описал пиротехническое и артиллерийское оборудование.

Наибольшее внимание привлекает третий раздел книги – «О ракетах». В нем содержится описание конструкций и способов производства нескольких десятков видов ракет.

* * *

Семенович был «натуралистом», то есть приверженцем опытного естествознания, традиции которого связывали его с Античностью и Средними веками, и в то же время – одним из первых учёных Нового времени.

Он стремился к созданию научных основ артиллерии. Это выразилось в критическом отношении к предыдущей литературе на данную тему, в практической проверке ряда теоретических положений, в использовании математических расчетов и т.д.

Благодаря использованию информации из многих источников, проверке их опытным путем, систематизации и дополнению собственных концепций он создал работу более полную и точную, а потому более ценную, чем предшествующие.

Титульный лист книги К. Семеновича

В результате трактат Семеновича стал одним из фундаментальных в теории артиллерии и ракетостроения, несмотря на то, что в нем имеется множество отступлений от основной темы.

В своём мировоззрении он в основном придерживался концепции Аристотеля. Об этом свидетельствуют те места в его книге, где он переходит от эмпирических результатов к их интерпретации или к общим вопросам. Ему были хорошо известны и учение древнегреческих философов о естественном и вынужденном движениях, и современная ему концепция «импетуса» – движения тела под действием другого тела-двигателя.

Польский историк Г. Новак подсчитал, что Семенович привел цитаты более чем из 200 авторов, использовал свыше 260 произведений, изданных на немецком, греческом,

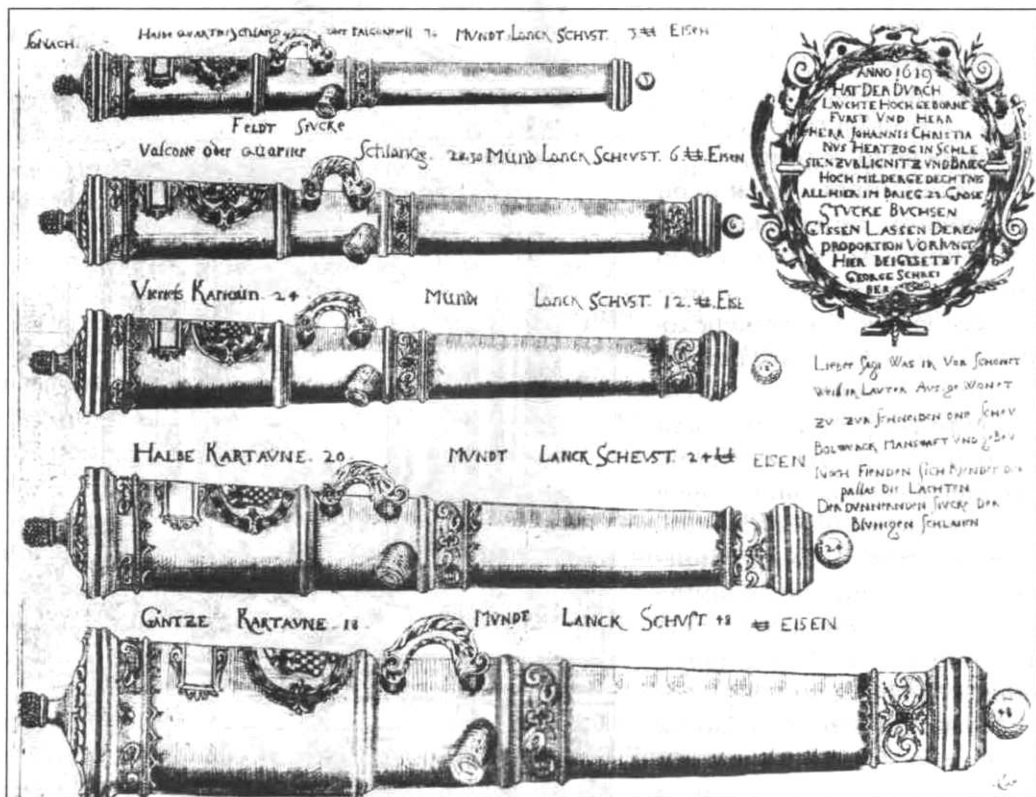
латинском, французском языках. Это сочинения Платона, Аристотеля, Сенеки, Эвклида, Архимеда, Аполлона из Пергама, авторов Средних веков, Возрождения и Нового времени по медицине, природоведению, земледелию, химии, технике, истории.

***

Трактат «Artis magnae artilleriae pars prima» очень долго был популярен в Европе.

Уже в 1651 году появился французский перевод, подготовленный под наблюдением самого Семеновича. Он служил основным учебником по артиллерии и пиротехнике в артиллерийской школе в Париже. Но это издание было популярно не только во Франции. Позже многие авторы чаще всего ссылались на французский текст, несмотря на то, что в нем имелось много неточностей и ошибок.

Затем книга вышла в Лейпциге на немецком языке в переводе Томаса Берена, со вступительным словом капитана артиллерии Даниеля Эльриха. В это издание вошла и вторая часть, которую Д. Эрлих написал по плану Семеновича, приведенному в предисловии к «Artis magnae...». Издание Эрлиха неоднократно

Пушки первой половины XVII века. Сверху вниз: фальконет (ядро 3 фунта), фалькон (ядро 6 фунтов), четверть-кулеврина (ядро 12 фунтов), полукулеврина (ядро 24 фунта), полная кулеврина (ядро 48 фунтов). Рисунок из книги Георга Шрайбера, 1619 г.

использовали другие авторы, например, Франсуа Блондель (6). Правда, Макс Янс утверждал, что немецкий полковник фактически повторил материал Семеновича, только дал свои названия разделам во второй части книги, и изложил трудным языком то, что Семенович написал вразумительно (7).

В 1729 году (через 79 лет после появления оригинала!) вышло английское издание в переводе Джорджа Шелвока, использовавшего французский вариант книги, поскольку у него не было латинского оригинала. В этом издании переводчик сделал немало исправлений (8). Сегодня именно этот текст наиболее понятен современным читателям, потому что английская техническая терминология меньше изменилась с XVIII века, чем французская или немецкая с XVII века. Но англоязычная версия редко встречается вне Англии, так как в то время уже появились новые работы по теории артиллерии.

Возможно, существовал также голландский перевод (о нем упоминал польский библиограф К. Эстрейхер в 1930 году) и итальянский (об этом писал Христофор Щит).

Кроме переводных изданий «Artis magnae» часто встречается ее цитирование и использование различными авторами. Так, работа Георга Андреаса Бёклера на треть состоит из фрагментов работы Семеновича (9). Семеновича очень высоко ценил Валентин Франк фон Франкенштайн, который прославлял его наравне с Йозефом Фартенбахом, считавшегося гением артиллерийского дела. Французский автор Амаде-Франсуа Фрезье издал в 1747 году великолепную работу, которую можно считать современной ему версией «Artis magnae...» (10).

К трактату Семеновича часто обращались авторы, осуществлявшие собственные исследования. Например, специалисты в области ракет Жорж-Луи Ледер де Буффо и Жак-Филипп Мерижонд, математики и военные инженеры Патрик д'Арци, Леонард Эйлер, Эней Безо, Христиан фон Вольф, Клод Миллет Дехале, Эрнест Браун, Мишель Мет, Роберт Андерсон, Гуллем ле Блонд и другие.

Ракеты!

Семенович в своем трактате обобщил знания в области артиллерии, пиротехники и ракетостроения середины XVII века. Что касается его собственных изобретений и открытий в области ракетной техники, то они таковы:

а) В области конструкции ракет:

– описание метода точного вычисления длины ракеты в зависимости от ее диаметра;

– схема и детальное описание устройства трехступенчатой ракеты;

– описание ракетной батареи (фактически системы залпового огня);

– описание стабилизаторов типа «дельта» и стабилизатора в виде железного шара, размещенного в головной части ракеты.

б) В области ракетного топлива:

– описание методов приготовления пороховых зарядов в соответствии с размерами ракет (основанных на математических расчетах) и рекомендации по практическому применению таких зарядов;

– описание состава материалов, дающих цветные вспышки ракет, более полные по сравнению с ранее опубликованными.

в) В области механизмов для изготовления и пуска ракет:

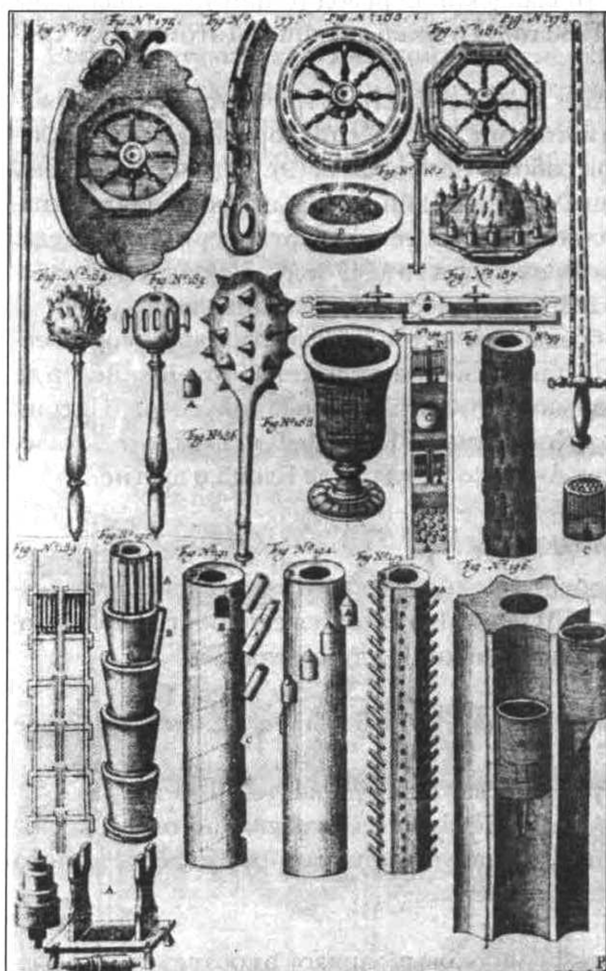
– более точное, чем прежде, описание сверл для формирования каналов в пороховых зарядах ракет, а также описание станка для изготовления зарядов;

– более точное описание ракетных форм и штамповок, а также описание калиброванной лопатки для измерения составных частей при изготовлении пороховых зарядов и красящих составов;

– описание трех столов для связывания ракет, специальных клещей для соединения частей ракет и приспособления для смешивания топлива в больших ракетах;

– описание ручного пускового ствола для ракет со стабилизаторами типа «дельта».

* * *

Различные пиротехнические конструкции для устройства фейерверков (рисунок из книги К. Семеновича)

В XVII веке пороховые ракеты использовались в военных целях редко, больше для забавы на массовых празднествах. В этом мастера пиротехники преуспели: многие фейерверочные «фигуры» – взрывающиеся огненные шары, разлетающиеся разноцветные искры и т.п. – радовали тогдашнюю публику. Семенович увидел за этой мишурой другое, более важное, предназначение ракет.

Предложенный им принцип абсолютно новой ракеты – многоступенчатой – явился скачком научной мысли на качественно новый уровень. Его суть вкратце выглядит так. Когда топливо (порох) полностью сгорает в первой ступени, она отбрасывается. Теперь порох горит во второй ступени, и облегченная ракета продолжает движение. Когда и он выгорает, включается третья ступень, и т. д. Это позволяет ракете подниматься все выше и выше.

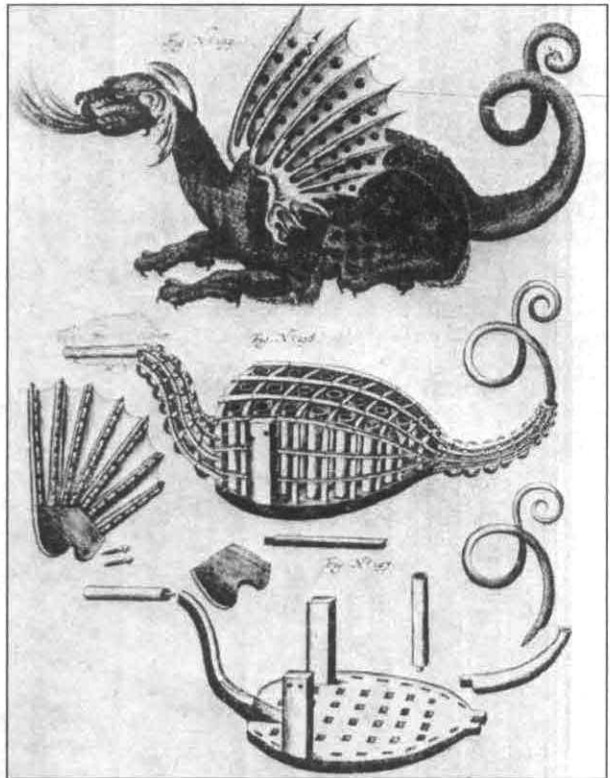
Таким образом, задолго до Циолковского, до бельгийского инженера Р. Бинга (полу-

чившего патент в 1911 году), до американца Р. Годдарда (патент 1914 года) принцип и конструкцию многоступенчатой ракеты описал беларуский шляхтич.

Очень важно и то, что он не только впервые описал многоступенчатую ракету, но и нарисовал ее. Это важно для последователей – инженеру нужна не столько сотня страниц текста с описанием устройства, сколько чертеж, чтобы опереться на него.

И еще одна принципиально важная мысль, облеченная Семеновичем в поэтическую форму: «Огонь возвращает свою силу, если вытекает и с большой мощью бросает ракету...». В переводе на современный научный язык это означает те движущие силы, которые заставляют ракету лететь: реактивную тягу и реактивную силу. Но тогда такой терминологии еще не было. Этим он подчеркнул, что вовсе не от воздуха ракета отталкивается (как считали даже в XX веке). У Семеновича нечто совсем иное!

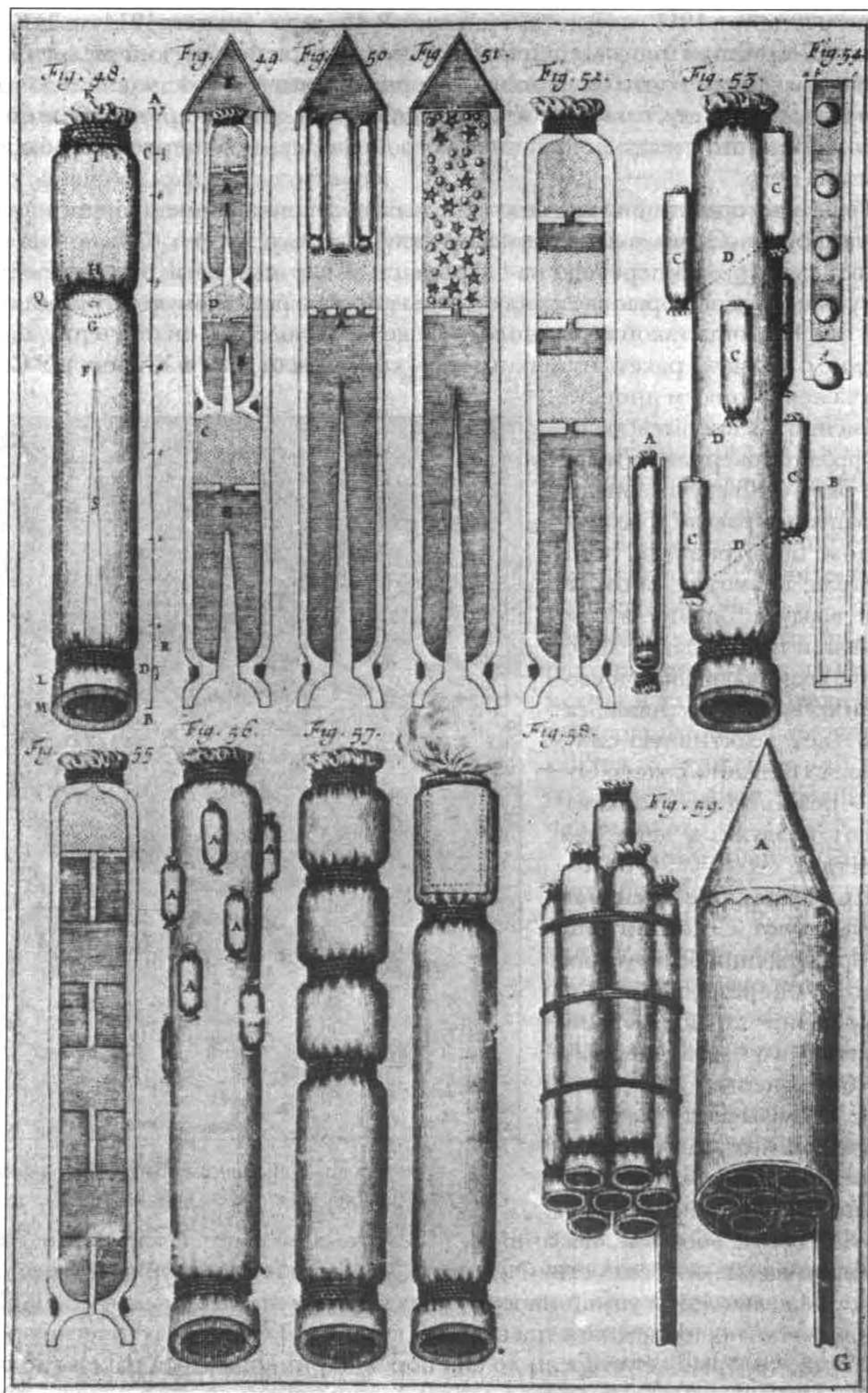
Именно эту процитированную фразу проверили на практике уже в XX веке американцы, запустив ракету в безвоздушном пространстве. Она полетела, несмотря на отсутствие воздуха. Главное в том, что, как и предполагал Семенович, возникающая при сгорании топлива реактивная тяга создает реактивную силу, которая «толкает» ракету. Отдача – результат не отталкивания от воздуха, а действия струи газа.

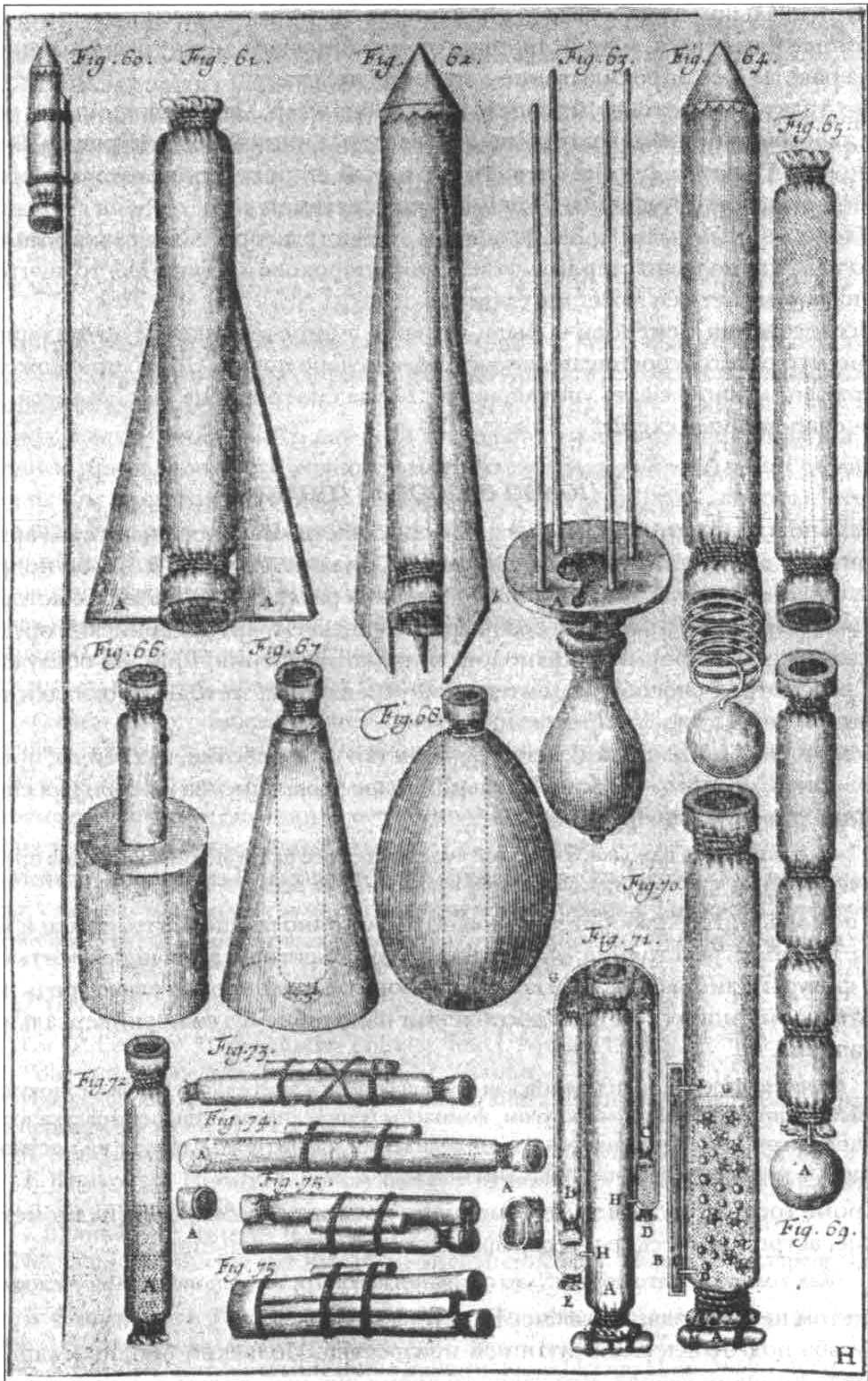
Конструкция для фейерверка «Летучий дракон» (рисунок из книги К. Семеновича)

Эти важнейшие идеи свидетельствуют о поразительном предвидении беларуского ученого, опередившего свое время. Они позволяют поставить его имя первым в когорте ученых, с именами которых связывают успехи человечества в создании ракетно-космической техники...

Семенович исследовал многие важные вопросы, связанные с эксплуатацией ракет. В частности, их аэродинамические особенности. Он считал, что внешний контур ракеты сильно влияет на дальность и устойчивость полета. Указал на такой важнейший параметр, как соотношение диаметра и длины корпуса. Дал ряд практических рекомендаций, которые не устарели до сих пор. Например: высота ракеты должна быть пропорциональна диаметру сопла; поднимаемый ею груз должен иметь такую форму, которая бы создавала как можно меньшее сопротивление воздуха

Типы ракет. Фигуры 48-52 показывают 2-х и 3-х ступенчатые ракеты

Типы ракет. Фигуры 61 и 62 показывают ракеты с дельтовидным оперением

при вертикальном взлете; ракета с прикрепленным грузом должна иметь форму пирамиды или конуса, и т.д. Установил он и взаимосвязь между расположением сопла ракеты и ее опрокидыванием во время полета.

Его трактат – настоящий кладезь идей. Например, Семенович описал ракеты с хвостовыми стабилизаторами-крыльями различной конфигурации. В том числе стабилизатор формы «дельта», который широко применяется в современной реактивной авиации и космических системах.

Плодотворным назвали бы инженеры и конструкторы XXI века его замечание о том, что полезно сверлить отверстия в пороховом заряде для того, чтобы «огонь достиг нутра и зажег материал...».

Исследования Семеновича были связаны с пиротехникой и артиллерией, потому что ракетостроение появилось значительно позже. Но его предложения и чертежи можно назвать уникальными. Когда смотришь на них, кажется, что это – современные схемы!

Судьба второго тома

Семенович подготовил к печати и вторую часть «Великого искусства артиллерии». По его собственному свидетельству, она имела 7 глав. В них он подробно изложил свои взгляды на причины движения ракет, сделал экскурс в историю древней военной техники, дал обзор современных ему артиллерийских орудий, описал литейные формы и технологию их изготовления, приемы обслуживания, рассмотрел способы строительства укреплений, методы прокладки подземных ходов и подрыва крепостных стен.

Семеновичу принадлежит еще и первенство в разработке, как сейчас принято говорить, «умного» оружия. В седьмой главе была описана уникальная система прицеливания для орудий и ракет:

> «Это моя новая находка, в которой содержатся все наши знания. Она одна превосходит многие другие приспособления и заменяет их все».

С помощью этого изобретения можно было точно прицеливать пушки и мортиры, измерять расстояния, высоту и глубину объектов и даже переносить плоские фигуры с листа бумаги на поле и наоборот. Предположительно, речь идёт об оптико-механическом приспособлении наподобие буссоли универсального назначения.

> ***Справка:*** Буссоль артиллерийская – вращающаяся зрительная труба (монокуляр), соединенная с угломерным кругом, компасом и нивелиром (пузырек воздуха в стеклянной трубке). Применяется для определения магнитного азимута на местности с целью управления артиллерийским огнем.

Кроме того, во втором томе Семенович проанализировал многие геометрические, астрономические и географические вопросы. Он писал:

> «Как только всё это дойдёт ...до сознания каждого, тогда поверят в мои слова».

Но том не был издан из-за смерти автора.

Судьба подготовленной рукописи неизвестна. Польский библиотекарь Ян Даниель Еноцкий уверял, что какое-то время она находилась в собрании книг князей Сангушко в имении Любартово, на Волыни / Эту библиотеку создал Си-

мон Самуэль Сангушко, умерший в 1638 г. Собирательство книг продолжили его сын Героним Владислав (1611–1657), внук Павел Кароль (1680–1750), правнук Януш Александр (1712–1775)/.

А в 1909 году в польском журнале «Przeglad Biblioteczny» появилась информация, будто польский военный историк Бронислав Гембажевский видел эту рукопись в библиотеке Артиллерийского музея в Петербурге. По его сведениям, она попала туда вместе с собранием книг и рукописей семьи Залуских, вывезенным русскими после захвата Речи Посполитой (11). Где она теперь, неизвестно...

Не поляк, а беларус

В предисловии к книге Семенович подчеркнул, что сознательно отбросил стремление сделать военную карьеру. Гораздо притягательнее для него было постижение тайн природы.

Важной особенностью его научной деятельности и творческих поисков было чувство принадлежности родной земле. Основную цель своей книги он видел в том, чтобы послужить Отчизне и своим соотечественникам, «которые всегда проявляли большую склонность к этой науке и которые ценили её более, чем другие области военной науки». Воспоминание о дорогом Отечестве можно найти в описании родной природы, народных традиций и праздников, в привычных названиях предметов, в старых беларуских мерах веса – «бочка», «барыла», «вядро», и, наконец, «беркавец».

Он писал, как дома празднуют Купалье:

> «Собиралось огромное количество народа обоих полов и всех возрастов на улицах городов, а также на лугах, чтобы у множества зажженных костров ладить хороводы и веселые танцы».

Разумеется, поляки считают его «своим». Однако литовский шляхтич с фамилией на «ич» – это однозначно беларус.

В Минске есть улица Космонавтов, во многих городах Беларуси – проспекты, улицы, скверы, названные в честь покорителей космоса. Но имя Семеновича увековечено лишь на почтовых марках, выпущенных малой серией в 1995 году.

ИСТОЧНИКИ

(1) См.: Z. Leszczyc. Herby szlachty polskiej. Tom I. Poznac, 1908, s. V.

(2) Polska encyklopedia szlachecka. Tom XI. Warszawa, 1938, s. 47.

(3) Ивашкявичюс А. Казимир Семенович и его книга «Великое искусство артиллерии. Часть первая», Вильнюс, 1971, с. 9.

(4) A. Bumblauskas et al. Universitas Vilnensis 1579–2004, Vilnius, /2004/, s. 85.

(5) F. Bentkowski. Historya literatury polskiey wystawiona w spisie dziei drukiem ogioszonych, t. II. Warszawa-Wilno, 1814, s. 361.

(6) F. Blondel. L'art de jetter les Bombes. Paris, 1683.

(7) M. Jähns. Geschichte der Kriegswissenschaften. Tom I. München – Leipzig, 1889, s. 1196.

(8) K. Siemienowicz. The Great Art of Artillery. Translated from the George Shelvocke. London, 1729.

(9) G.A. Böckler. Manuale architecturae militaris. Frankfurt am Main. 1659 – 1660.

(10) A.-F. Frezier. Traité des feux d'artifice pour le spectacle. Paris, 1747.

(11) См.: Estreicher. Bibliografia polska. Tom 28, Krakow, 1930, s. 24–26.

ГРАФ ВАЛИЦКИЙ – ИГРОК И ФИЛАНТРОП

Анатоль Тарас

Введение

В Европе XVIII век был эпохой повального увлечения игрой в карты. Прежде – просто любили играть. Теперь же игра стала для многих людей подлинным смыслом жизни. А также источником хитро закрученных интриг. Достаточно вспомнить «Пиковую даму» А.С. Пушкина.

Карточный азарт родился в Версальском дворце. Оттуда вместе с модой на все французское он распространился до Лондона и Копенгагена, Мадрида и Рима, Варшавы и Кракова, Москвы и Петербурга. Он расцвел на почве безделья богатых аристократов. Стал для них своего рода наркотиком, заполнявшим внутреннюю пустоту. Он заставлял дрожать пальцы, возвращал глазам блеск, стирал с лиц маску безразличия, заставлял учащенно биться сердца, скрытые под роскошными кафтанами, усыпанными звездами.

На кон часто ставили целые состояния, не говоря уже о приданом жен и дочерей! У этого безумного азарта было имя: «фараон»*. Ни одна другая игра не могла сравниться с ним своей популярностью, славой, легендами и влиянием на человеческие судьбы. Ни одна игра не создала и не разорила столько богачей. Ни одна не воспитала так много ловкачей, прославившихся своим шулерством.

Одним из них, может быть самым великим, был наш земляк, литвин (беларус) Михаил Мицкевич, вошедший в историю как граф Валицкий. Он едва ли не единственный среди асов картежных игр сумел добыть картежной игрой огромное состояние, и – в отличие от многих других авантюристов – не пустил его по ветру. В какой-то момент своей жизни он из шулера превратился в истинного «человека общества», притом высшего европейского уровня, стал меценатом культуры и науки.

Примерно через 20 лет после его смерти другой наш земляк Тадеуш (Фаддей) Булгарин напишет о нем, что он «мог бы быть героем весьма занимательного романа, если бы жизнь его была вполне известна».

Минск – Могилев – Минск

Михаил Мицкевич родился в 1746 году в окрестностях Минска, в семье мелкого шляхтича из Новогрудского повета, купившего здесь небольшое имение (застенок). Еще ребенком он потерял отца. По тогдашней традиции, осиротевших шляхетских детей брали семьи богатых родственников. Михаила взял дядя по матери, великокняжеский кравчий Бучинский, живший под Могилевом**. После того как мальчик научился читать и писать, дядя отдал его на учебу в Могилевский иезуитский коллегиум.

---

* Фараон – карточная игра с банком, разновидность штосса (от немецкого stoss – колода). В ней каждый игрок и банкомет имеют по одинаковой колоде карт.

** Кравчий («крайчы», т.е. резчик) – придворный, в обязанности которого входила нарезка блюд, подаваемых на стол короля, великого князя или магната. С середины XVII века номинальная должность.

Дядя отнюдь не баловал племянника, потому что много позже в Варшаве рассказывали, как вечно голодный Михаил садился за карты с более «заможными» школярами, чтобы выиграть у одного обед, у другого – ужин. Видимо, именно тогда он привык «мухлевать» в карточной игре.

Когда Михаилу исполнилось 18 лет (т. е. в 1764 г.), дядя подарил ему бричку с лошадьми, прислугу, оружие, сотню червонцев, дал рекомендательные письма и отправил в Минск. Вот как описал начало его жизненного пути русский писатель В.В. Крестовский*:

«Один из замечательных авантюристов, почти современник знаменитого Калиостро, шляхтич Валицкий являл в себе некоторые типические черты своего времени. Бедный потомок захудалого рода, он из милости получил воспитание в доме «крайчего литевскего», пана Бучинского, где выказал замечательные способности к наукам.

Предание говорит, что, когда ему исполнилось 18 лет, пан Бучинский, в силу «старожитного» обычая, подарил ему бричку, четверку лошадей, пару пистолетов, ружье и саблю, снабдил бельем и несколькими переменами платья, да двумя-тремя рекомендательными письмами в Вильно и в Варшаву, и закрепил за ним мальчика-казачка да кучера.

Затем будто бы призвал его в лучшую парадную комнату своего могилевского дома и приказал гайдукам растянуть его на ковре, ибо родовитому шляхтичу Валицкому не подобало быть растянутым на голом полу, а непременно на ковре, и не иначе как на хорошем ковре; после этого пан Бучинский, «крайчий литевский», в своем «властнем» присутствии, тоже в силу «старожитного» обычая, велел гайдукам влепить ему, здорово живешь, «сто бизунов», т. е. плетей, собственно, не из-за какого проступка, а просто на добрую память, и по окончании столь назидательной операции вручил юноше сто червонцев, дозволил припасть к своей ноге, дабы почтительно облобызать ее, и пустил в подаренной бричке на все четыре стороны «в умизги до фортуны», т. е. на волокитство за счастьем».

Любимое развлечение пана Бучинского

Видимо, Крестовский невнимательно читал мемуары Булгарина, ибо тот уверяет, что его родственник плетей как раз и не получил. Впрочем, нам важно лишь одно – честолюбивый и талантливый молодой человек отправился на завоевание мира!

О следующих 20 годах его жизни Булгарин написал: «Пропал без вести, исчез как камень, брошенный в воду»... От этого камня были, однако, заметные круги.

Справка: Тадеуш Бенедикт (Фаддей Венедиктович) Булгарин (1789–1859) – беларуский шляхтич, родился в имении Пырошево, в нынешнем Узденском районе. В молодости служил в русской армии, участвовал в войнах против Франции и Швеции. Но не прошел очередную аттестацию и был уволен. Отправился в Париж, вступил во французскую армию, с ней участвовал во вторжении Наполеона в 1812 году. Попал

* Всеволод Владимирович Крестовский (1840–1895) известен своими романами «Петербургские трущобы» (1864–67 гг.), «Панургово стадо» (1869 г.) и «Две силы» (1874 г.).

в плен, затем ряд лет жил в Вильне, где мог лично встречаться с М. Валицким. Он приходился графу дальним родственником по линии Мицкевичей.

С 1819 года Тадеуш-Фаддей жил в Петербурге. В 1822–28 гг. издавал в Петербурге журнал «Северный архив», в 1825–59 гг. газету «Северная пчела» (совместно с Н.И. Гречем). Написал несколько романов и повестей, десятки статей и очерков. В 1846–49 гг. опубликовал «Воспоминания» в шести томах.

Поначалу Михаил служил вице-регентом в минских судах, но это занятие ему быстро надоело. Через год или два он бросил службу и уехал в Краков (по другой версии, ему пришлось срочно покинуть Минск после дуэли с приближенным одного из князей Радзивиллов).

Краков – Вена

В доме, где Михаил снимал квартиру, имелся бильярд. Здесь он прекрасно освоил эту игру. Но главное, именно в Кракове молодой шляхтич во всех тонкостях изучил шулерские приемы картежников*. Надо сказать, что в ту пору Краков славился игорными домами, как сейчас Монте-Карло, а польская школа шулеров считалась лучшей в Европе.

Французские карты XVIII века: два короля и дама

В тогдашней Польше играли магнаты и шляхтичи, горожане и студенты, солдаты и бродяги, играли везде – в светских салонах и трактирах, в разрешенных местах и подпольно. Богачи в кураже иной раз даже не считали монет: ставкой объявляли «стопку» – чарку, наполненную монетами.

Разумеется, поначалу получалось далеко не все. Проиграв в Кракове свое имущество, Михаил переехал во Львов, ставший осенью 1772 года австрийским Лембергом, где поступил маркером в богатый ресторан**. Но, волею случая, туда явился литвинский магнат князь Франциск Сапега. Был он чрезвычайно богат и эксцентричен. Он путешествовал по Европе ради собственного удовольствия, ценил приятные знакомства и занимательные беседы.

* В те времена были популярны такие варианты бильярда как пирамида и карамболь.

** Маркер – человек, руководящий карточными играми в зале.

Вероятно, Михаил заинтересовал земляка своей блестящей игрой. А еще он был великолепным собеседником – остроумным, с чувством юмора, но в то же время тактичным. Сапега принял молодого человека в свою свиту, помог деньгами, а потом взял с собой в Вену.

В столице Австрийской империи ему сильно повезло. Однажды Михаил метал банк в одном довольно мрачном притоне. Вдруг в комнату вошел пожилой сухощавый человек с длинными усами, одетый в венгерку. Он пожелал сыграть ва-банк на честное слово, не выставляя денег на кон.

Игроки стали возмущаться, но Михаил заявил, что верит слову пришельца и готов играть против него один на один. Игра состоялась, гость проиграл. И предложил Михаилу последовать за ним, чтобы получить долг.

Чудаком оказался венгерский князь Эстергази, чрезвычайно богатый, эксцентричный еще больше Сапеги. В поисках острых ощущений он нередко посещал притоны и трущобы Вены. Говорили, что именно легенды о его похождениях послужили писателю Эжену Сю основой для создания образа князя Родольфо в «Парижских тайнах»*.

Аристократы за карточным столом

Молодой литвинский шляхтич понравился Эстергази, он стал новым покровителем Мицкевича, а затем увез его в Париж.

Париж

В Париже князь Эстергази свел Мицкевича с некоторыми аристократами, в том числе с земляком Михаила, беларуским магнатом К. Веселовским, одним из наиболее образованных людей Речи Посполитой того времени. А с местными игроками он сам познакомился.

Играя в карты по вечерам, днем Михаил учился. От Веселовского он получил глубокие знания в области физики, химии и минералогии. От него же перенял аристократические манеры поведения.

Теперь у него были деньги и связи, не хватало только аристократической фамилии и титула. Но с деньгами все доступно. Огромные карточные выигрыши позволили Мицкевичу купить прямо в Париже у литовского воеводы Б. Валицкого его фамилию и право принадлежать к этому знатному роду (так делали в те времена: вспомните, как граф Монте-Кристо покупал титул для проходимца, которого он использовал в своих целях).

* Французский писатель Эжен Сю (1804–1857) опубликовал 10-томный роман «Парижские тайны» в 1842–43 гг.

А в 1778 году он купил у подскарбия (помощника королевского казначея) Станислава Солтыка (Stanisław Sołtyk) должность королевского подстолия*.

Чуть позже во время поездки с Солтыком в Италию Михаил купил у какого-то итальянского аристократа графский титул. Так появился на свет «фантастический граф» Михаил Валицкий. С великолепными манерами, богатый, щедрый и таинственный.

Кстати говоря, своего покровителя Солтыка он спас в Неаполе от банды шулеров, обыграв их до нитки. Этот факт убедительно доказывает, что Михаил великолепно владел всеми приемами тогдашних шулеров.

Мария Антуанетта в 22 года (худ. Жан-Франсуа Жанинэ, 1777 г.)

«Путь наверх» в ту эпоху пролегал через салоны светских дам. Эстергази познакомил своего друга с графиней де Полиньяк (Polignac), близкой подругой королевы Марии-Антуанетты. Голубоглазый литвин покорил сердце этой дамы, вскоре она стала его любовницей.

После возвращения из Италии графиня представила его Марии-Антуанетте – как графа, члена знатного рода и придворного польского короля. Валицкий-Мицкевич стал постоянным партнером за карточным столом королевы. Весь двор играл. Достаточно напомнить, что ряд лет спустя приказ об аресте драматурга Бомарше король Людовик XVI написал на семерке пик. Какие еще роли он исполнял при дворе – о том ходят домыслы. Говорили, что был замешан в знаменитом деле об ожерелье королевы (вспомним роман Александра Дюма), что исполнял секретные поручения королевской семьи. Игра при дворе по высоким ставкам, а также исполнение секретных поручений королевской семьи позволили Михаилу сделать себе огромное состояние в деньгах и драгоценностях.

Точно известно одно: именно в Версальский период жизни он стал очень богатым. Ставки за королевским игорным столом были немалые, и не только золотом, но и бриллиантами. Он садился за партию фараона с богатейшими людьми Франции. Вежливый и ненавязчивый, граф демонстрировал игру высшего класса. Польский хронист тех времен Генрик Жевуский писал:

> «Никогда ни о чем не спорил, прощал ошибки партнерам, никогда никому не отказывал в кредите, ни от кого не требовал немедленно заплатить проигрыш наличными деньгами».

В изящной легкой манере он демонстрировал игру (или шулерство) высшего класса. Играл на груды золота, на бриллианты, сапфиры, изумруды и рубины.

* Подстолий – заместитель стольника, помогавший ему сервировать королевский стол. Постепенно должность подстолия (как и многие другие) стала чисто номинальной, обозначавшей принадлежность к свите короля Речи Посполитой.

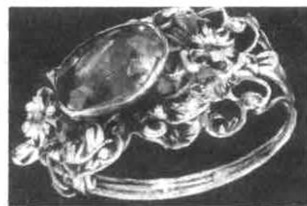
Однажды начисто обыграл Филиппа Жозефа, герцога Орлеанского. Последний, увидев такой талант, предложил Валицкому войти в долю с ним. Принц взялся финансировать игру и поставлять «дичь» – глупую молодежь из богатых аристократических семей, а Михаил должен был только играть. И как он играл! Едва не довел до нищеты графа Артуа (d'Artois), будущего короля Карла X Бурбона (правил в 1824–30 гг.). Сейфы обоих аферистов ломились от мешков с золотом!

Французские аристократы за игрой в карты (XVIII век)

Справка: Филипп Жозеф Бурбон (1747–1793), герцог Орлеанский, принадлежал к младшей линии династии Бурбонов. В начале революции 1789 года был избран в Генеральные штаты и примкнул к депутатам от третьего сословия. Прославился своими демагогическими речами. В 1791 году вступил в Якобинский клуб. В 1792 отказался от титула, а фамилию Бурбон заменил на Эгалитэ (Egalite – «равенство»). Был избран в Конвент, голосовал за казнь короля Людовика XVI. Но после измены генерала Шарля Дюмурье, вместе с которым в апреле 1793 года бежал за границу сын Филиппа – Луи Филипп (король в 1830–48 гг.), якобинцы казнили бывшего герцога.

Именно тогда Валицкий выиграл знаменитый сапфир, меняющий свой цвет в зависимости от освещения, о котором французская писательница мадам де Жанлиз написала рассказ «Сапфир графа Валицкого» (или «Великолепный сапфир»).

Золотой перстень графа Валицкого с сапфиром (франц. работа XVII в.)

Но не только за карточным столом прославился наш шулер. Еще одним увлечением «света» был в то время бильярд. Михаил обладал твердой рукой и точным глазомером. По словам Жевуского, одним шаром он партию начинал и кончал, на пари забивая в лузы все шары подряд.

Лондон

Понимая, что избыток удачи опасен, Михаил решить сменить берега Сены на берега Темзы. В мае 1783 года он переехал в Лондон – за 6 лет до того, как Фран-

цию захлестнуло кровавое безумие, известное под названием «Великой революции». С помощью устройства доктора Гильотена был положен конец всем играм в Версале*. 25 ноября 1793 года взошел на эшафот и Филипп Эгалитэ, бывший герцог Орлеанский.

Томаш Каэтан Венгерский: поэт и шулер в одном лице.

В Лондоне Михаил занимался тем же, чем и в Париже – играл. И не только в карты. В блестящей манере он выигрывал у лучших английских бильярдистов. Однажды обыграл известного мастера кия лорда Стеснли (Stesnley) на 300 тысяч франков!

Кроме того, спекулировал золотом, драгоценными камнями и произведениями искусства, продолжая умножать свое и без того весьма значительное состояние.

В Лондоне Михаил Валицкий познакомился с эмигрантами из Польши – Яном Снядецким (1756–1830), Юлианом Урсыном Немцевичем (1758–1841) и Томашем Каэтаном Венгерским (умер в 1785 г.). Кстати говоря (об этом не упоминают историки литературы) Томаш Каэтан был не только прекрасным поэтом, но и выдающимся шулером. Неизвестно, правда, играл ли он в одной команде с Валицким или же против него.

Варшава

В конце 1787 года, в возрасте 41 года, пресытившись успехами, впечатлениями, богатством и роскошью, он приехал в Варшаву – графом и миллионером. Возможно, что некоторые здешние аристократы с иронией относились к графству карточного игрока. Но графский титул и фамилию Валицкий удостоверил сам король, Булгарин это особо подчеркнул в мемуарах: родственник не был самозванцем!

Генрик Жевуский (H. Rzewuski) так писал о нем в своей книге «Теофраст польский»:

> «Из всех известных мне игроков только Валицкий не имел в себе ничего такого, что выдавало бы в нем профессионального шулера. Он единственный среди них своим тоном и манерами всегда был аристократом. Было в нем какое-то особое достоинство, свойственное человеку, привыкшему к высшему обществу, которое невольно вызывало уважение к нему».

Летом 1789 года король Станислав Август за пожертвование значительных сумм в пользу учебных заведений наградил графа Валицкого орденом Св. Ста-

* Врач Ж. Гильотен (J. Guillotine) в 1792 году изобрел орудие для смертной казни посредством отсечения головы, названное его именем.

нислава первой степени. А в 1790 году удостоил его ордена Белого Орла. Живописец Лампи, в обязанность которого входило написание портретов кавалеров этого редкого ордена, создал портрет Михаила Валицкого. Сейчас портрет пылится где-то в запасниках Эрмитажа.

Справка: Орден Святого Станислава учредил король Станислав Август в 1765 г. Девиз – «Награждая, поощряет». К ордену полагалась красная лента с двумя белыми полосами по краям. С 1831 г. вошел в число российских орденов.

Орден Белого Орла учредил король Август II в 1705 г. Девиз – «За веру, короля и закон». К ордену полагалась синяя лента. С 1831 г. вошел в число российских орденов.

Ордена Белого Орла (вверху) и Св. Станислава

В Варшаве Валицкий произвел сильное впечатление на высшее общество. Он всю жизнь оставался холостым, но отнюдь не был женоненавистником. Для каждого устраиваемого бала выбирал новую «хозяйку». Многие светские красавицы добивались его благосклонности. В его доме на улице Длинной (Длугой) постоянно играли в карты, но никто не умел с таким спокойствием и любезностью проигрывать значительные суммы, как граф Валицкий. Однако если сюда пробирались мошенники в надежде на легкий куш, он до последней нитки обирал всю компанию, а затем жертвовал выигрыш в пользу бедных...

Осенью 1793 года, в самый разгар якобинского террора, граф съездил в Париж. Как во время всякой революции там утратило ценность все, что нельзя было съесть или спрятать в карман. За бесценок купил здесь картины знаменитых художников, мебель из Версаля и Тюильери, античные скульптуры, фарфор...

Санкт-Петербург

Валицкий полностью вошел в роль утонченного аристократа и благородного мецената. Он переехал в Санкт-Петербург, снял первый этаж дворца Юсуповой, затем в 1799 году купил себе дом на Большой Морской улице (позже дом семьи Набоковых), который обставил с необыкновенной роскошью. Граф удивлял здешнее общество роскошными приемами и балами, великолепными манерами, образованностью, коллекцией драгоценных камней, а также благотворительностью. У него было множество драгоценных вещиц, в том числе лучшая в Европе коллекция позолоченных табакерок. Среди них нашлось место и для 12 эмалированных табакерок, принадлежавших когда-то Людовику XVI.

В Петербурге граф Михаил Мартынович Валицкий прославился как большой барин и большой игрок. Говорили, что он играет ради самой игры – азарта, риска, страсти. Случалось, шулеры объединялись, чтобы обыграть Валицко-

го, но не тут-то было! Граф применял против шулеров их же приемы, но так искусно, что карты тех всегда бывали биты. Трудно представить, чтобы кто-то мог делать такое за счет одной только удачи. Некоторых шулеров он выделял как «честных» игроков, соблюдающих профессиональный кодекс; таких он жалел и возвращал им проигранные ими деньги.

Российский дворянин 70-80-х гг. XVIII века

Крестовский, да и многие современники твердо верили, что Валицкий был шулером высшего класса. Правда, Булгарин родственника всячески обеляет, уверяя, что тот играл исключительно честно, просто ему везло. А состояние сделал на торговле драгоценностями. Но в то время для аристократа считалось крайне неприличным заниматься торговлей. Мол, Валицкий потому и распространял слухи о своем карточном благородном бизнесе.

Камнями Валицкий, конечно, торговал. Есть много свидетелей, что к нему приходили с тайными делами известные ювелиры, да и сами камни были налицо. Но торговать зазорно для дворянина, пусть даже его товар – драгоценности, поэтому граф совершал сделки через ювелиров и доверенных лиц. По утрам его особняк превращался в своего рода биржу – ювелиры приносили сюда камни и готовые украшения, устанавливали цены, обсуждали сделки.

Во время жизни в Петербурге Валицкий купил коллекции китайских и японских редких вещей, которые привезли в 1806 году из кругосветного плавания члены экспедиции И.Ф. Крузенштерна на кораблях «Нева» и «Надежда». Кому – географические открытия, а кому – возможность приобрести экзотические артефакты. Светские люди каждый день собирались на аукцион, где продавались японский и китайский фарфор и прочие невиданные вещицы. Валицкий купил очень многое из привезенного с Дальнего Востока.

Гродно – Озёры

Как и во Франции, Михаил в Санкт-Петербурге не стал долго искушать судьбу. Он переехал в Гродно, где еще в 1793 году купил дворец вице-губернатора.

В 1798 году, после смерти бывшего короля Станислава-Августа (король умер 12 февраля 1798 года), он купил местечко Озеры (или Езиоры) в 25 верстах восточнее Гродно, на берегу озера Белое, ранее принадлежавшее экс-монарху. Здесь он создал образцовое хозяйство. В 1807 году открыл суконную мануфактуру, а в 1809 году – бумажную мануфактуру*. О мануфактурах и сейчас напоминает дамба между Верхним и Нижним озерами. В Ильянах, на другом берегу озера Белое, граф построил «соломенный дворец». Возле этого любопытного соору-

* После восстания 1863–64 гг. собственность Валицких была конфискована, оба предприятия пришли в упадок. Ныне Езиоры – это деревня Озеры (около 750 дворов).

жения, по свидетельству Крестовского, были вырыты глубокие ямы, куда сажали провинившихся холопов.

Кстати говоря, его в 1799 году как знатока искусств, известного библиофила и нумизмата, избрали членом Варшавского общества Друзей Науки. Причем избрали тайным голосованием.

Вильня

Последние 20 лет жизни граф провел в основном в Вильне, где купил себе большой дом на Бакште. В 1805 году он учредил стипендию для студентов из шляхетских семей Валицких и Мицкевичей, учившихся в Виленском университете (это учебное заведение действовало в 1803–1832 гг.). Для них же купил дом, где они жили вместе с нанятым гувернером.

Устав от светской жизни, граф уединился от «общества». Но двери его дома, закрытые для большинства, были всегда доступны тем, кто нуждался в поддержке: бедным студентам и ученикам, начинающим художникам и молодым поэтам. Подарки и пожертвования Валицкого Виленскому университету превысили сумму в два миллиона злотых! Его портрет висел на почетном месте в вестибюле университета среди портретов других заслуженных его покровителей и спонсоров.

Граф Михаил Валицкий
(гравюра Александра Регульского
с портрета художника Лампи)

Достойную поддержку получал от Валицкого и лицей в Кременце, который окончил знаменитый поэт Юлиуш Словацкий*. Немалые деньги получали от него ученые, искавшие материальной поддержки для своих проектов.

В конце жизни Валицкий подарил университету значительную часть своей уникальной коллекции драгоценных камней и минералов. Ее принял лично ректор университета профессор Станислав Юндил, назвавший в своей описи «коллекцией графа Валицкого».

Царь Николай I закрыл университет в 1832 году, т.к. треть его студентов участвовала в национально-освободительной войне 1831–32 гг. При этом все коллекции университета были вывезены в Петербург, в царскую сокровищницу Эрмитаж*. Там коллекция Валицкого пребывает по сей день.

---

* Город Кременец – центр одноименного повета Волынского воеводства. Здесь с 1750 года действовал иезуитский коллегиум, преобразованный в 1773 году в лицей. С 1793 года в Российской империи. Ныне Кременец в составе Тернопольской области Украины.

** Адам Мицкевич (1798–1855) учился в Виленском университете в 1815–1819 гг. Юлиуш Словацкий (1809–1849) окончил Кременецкий лицей около 1827 г.

Справка: Начало Эрмитажу положили несколько десятков картин, купленных в 1764 году в Германии по приказу царицы Екатерины II. Далее его пополняли коллекции картин, скульптур, ювелирных изделий, монет, орденов и других ценных предметов, купленных в Европе у частных лиц, либо конфискованных царскими генералами и чиновниками в дворянских имениях и учебных заведениях на захваченных территориях (в Прибалтике, Беларуси, Украине, Польше, на Кавказе и т.д.).

Умер Мицкевич-Валицкий в Вильне в 1828 году, в возрасте 82 лет. Его похоронили на кладбище возле Бернардинского монастыря. В последний путь графа провожала толпа бедной и учащейся молодежи.

В салоне дома Валицких на Монтвиловской улице в Вильне висела до 1939 года репродукция гравюры Александра Регульского конца XVIII века, изображавшая немолодого мужчину с завитой шевелюрой и звездой ордена Белого Орла на левой стороне груди. Это была копия портрета графа Михаила Валицкого, написанного французом Лампи и висевшего в актовом зале Виленского университета.

А в доме Костялковских на современной улице Карла Маркса в Гродно когда-то можно было увидеть старый портрет из имения в Озерах. На большом холсте был изображен Валицкий с задумчивыми голубыми глазами, среди роскошной обстановки богатого кабинета. Он сидел в кресле у стола, одетый в богатый французский кафтан, пред ним стоял раскрытый ларец, наполненный драгоценностями, в руке словно играя держал нить крупных жемчужин...

Заключение

По меркам XVIII и XIX веков Валицкий прожил очень долгую жизнь. Он никогда не был женат (как и Казанова), не имел детей. Но, в отличие от Казановы и Калиостро, смог построить благополучную жизнь на зыбкой почве эпохи.

Крестовский завершил свои рассуждения следующим образом:

> «Так или иначе, а все-таки шляхтич Валицкий с его фантастическим графством и шалыми миллионами является личностью крупной и достопримечательной».

Состояние Михаила Валицкого после его смерти поделили родственники как со стороны Мицкевичей, так и «псевдородственники» со стороны Валицких.

В 1976 году в Кракове была издана книга Анджея Хамерлинского-Деружинского «О картах, картежниках, играх обычных и шулерских». Один из ее разделов посвящен Михаилу Валицкому. Вот отрывок:

> «Михаил Валицкий ...персонаж, весьма далекий от рядовых. Но не потому, что сделал карьеру, каких мало, и фундамент своего огромного состояния построил игрой, а потому что достигнув высот тогдашнего общества не рухнул оттуда, как многие другие знаменитые авантюристы. Потому, что в определенный момент своей жизни перестал быть авантюристом... Потому что использовал огромное состояние необычным способом, щедро спонсируя учебные заведения, давшие нам Мицкевича и Словацкого, а среди художников, писателей, людей науки заслужил репутацию бескорыстного мецената и надежного покровителя»...

СУДЬБА ЕПИСКОПА — СУДЬБА ЦЕРКВИ

Лев Горошко

Время поругания святынь

После февральской революции 1917 года, когда помимо всего прочего была торжественно провозглашена свобода вероисповедания, многим жителям Беларуси и других регионов казалось что теперь можно надеяться на улучшение религиозной жизни на территории бывшей Российской империи.

Так думали православные, восстанавливая 5 ноября 1917 года Московский патриархат, так думали католики, восстанавливая Минскую епархию и учреждая Могилевскую митрополию. Так думали беларуские католические священники на своем съезде в Минске 24 и 25 мая 1917 года, где они приняли решение о беларусизации религиозной жизни.

Поначалу действительно наблюдались обнадеживающие признаки. В Петрограде и Вильне было учреждено Беларуское Христианское Демократическое Объединение (БХДЗ), с 8 сентября в Петрограде начала выходить газета «Крыніца» под редакцией ксендза Л. Хветько. Митрополит Эдвард фон Ропп разрешил использовать беларуский язык в проповедях и катехизации, а отец Фабиан Абрантович пытался весной 1918 года создать в Минске Беларускую Католическую духовную академию.

В 1917 году беларуские общественные деятели братья Иван и Антон Луцкевичи предприняли немалые усилия для возрождения в Беларуси Католической церкви восточного обряда (т.е. униатской) и с этой целью тайно пригласили в Вильню только что освобожденного из российской тюрьмы львовского митрополита Андрея Шептицкого.

Однако все надежды на лучшее будущее разбились о жестокую действительность. Советская власть, издав 23 января 1918 года декрет об отделении Церкви от государства, повела систематическое наступление против религии.

В 1919 году прокатилась первая волна массовых арестов. Митрополит Могилевский Эдвард фон Ропп был арестован в Петрограде в ночь с 16 на 17 апреля 1919 года. 27 апреля несколько тысяч петроградских католиков после богослужения в костёле Св. Екатерины с крестом впереди, распевая религиозные гимны, пошли к дому № 2 по Гороховой улице, где находилась ЧК. Они долго стояли и пели перед домом, пока наконец на балконе не появились чекисты с вопросом, чего они хотят. Из толпы сказали, что желают возвращения архиепископа.

Результат этой манифестации оказался трагическим. Чекисты вызвали отряд красноармейцев, и стали всем угрожать расстрелом на месте. Но дух верующих был крепок, угрозы не вызвали паники, никто не тронулся с места. Готовые отдать жизнь за веру, люди продолжали стоять и громко читали молитвы. Видя такую решимость чекисты не отважились стрелять, но не оставили собравшихся в покое. После разных издевательств они прикладами загнали во двор около

Из журнала «Божым шляхам» (Париж), 1953, № 56 — 58. Перевод А.Е. Тараса.

300 человек из тех, кто стоял ближе к воротам, а затем всех их отправили в Чесменский концлагерь возле Петрограда. Митрополита же через несколько дней увезли в Москву, и в октябре того же года обменяли на какого-то коммуниста из Польши.

Справка: Барон Эдвард фон Ропп (1851–1939), по матери граф Пляттер, в 1875 окончил Петербургский университет, в 1886 Ковенскую католическую духовную семинарию. С 1889 ксёндз в Либаве, с 1896 каноник Жмудской диацезии. С 1902 епископ Тираспольский, в 1904–07 епископ Виленский. В 1907–1917 жил в своем имении Нища (Витебская губерния) под надзором полиции. С июля 1917 по январь 1919 архиепископ Могилевский (с резиденцией в Петрограде). Арестован ЧК как заложник, но освобожден по ходатайству Папы римского и отправлен в Польшу. Формально оставался архиепископом Могилевским до 1931 года.

Митрополит Э. фон Ропп

Граф Андрей Шептицкий (1865–1944) служил офицером в австрийской армии. В 1888 вышел в отставку, перешел из католичества в униатство и стал монахом. С 1899 епископ Станиславский, с 1900 архиепископ Львовский, с 1901 митрополит Галицкий (т.е. глава униатской церкви). В 1914 после вступления русской армии во Львов арестован и сослан в монастырь в глубь России. Освобожден после февральской революции 1917. В 1918–19 гг. активно поддерживал Западно-Украинскую народную республику. С 1925 стал сотрудничать с польскими властями. В 1939–44 гг. поддерживал Организацию украинских националистов, боровшуюся против коммунистов.

Митрополит
Андрей Шептицкий

Пост митрополита Могилевского занял Ян Цепляк, имевший титул архиепископа Охридского. Для Виленской епархии 23 октября 1918 года был хиротонизирован епископ Юрий Матулевич*. В апреле 1919 года большевики его тоже арестовали, но вскоре им пришлось покинуть Вильню и епископ вышел на свободу.

В 1920 году антирелигиозные выпады большевиков на время утихли, но в 1921 возобновились с новой силой. Два события развязали им руки. Во-первых, 18 марта 1921 года был подписан в Риге мирный договор между РСФСР и Польшей, благодаря чему можно было использовать армию для карательных действий внутри страны. Во-вторых, летом того же года в центральной России возник страшный голод – он дал повод большевикам для ограбления святынь. С этой целью 27 декабря они издали соответствующий декрет.

Минский епископ Сигизмунд Лозинский, предупрежденный верующими о предстоящем аресте, переодевшись крестьянином, в 1921 году сумел бежать в Западную Беларусь. Большевики объявили награду в 10 тысяч рублей тому, кто поможет его поймать.

* Хиротония (греч.) – рукоположение, христианский обряд возведения в сан священника.

Повсюду происходили аресты и расстрелы духовенства. За 1921 год в одной только маленькой БССР, состоявшей тогда из шести поветов, расстреляли 201 православного и католического священника.

Перед Пасхой, в ночь с 12 на 13 апреля 1921 года, в Петрограде арестовали архиепископа Цепляка. А 23 апреля католики города собрались на службу в костёле Св. Екатерины. После службы, рассудив что нет смысла идти с крестом в ЧК, как в прошлом году, они вышли на погост перед костёлом и устроили манифестацию. Большой плакат с надписью «Католики требуют освобождения своего архиепископа», поднятый высоко вверх, сообщал всем о цели собрания. После манифестации верующие с пением религиозного гимна снова вошли в костёл на вечернюю, которую служил ксёндз Болеслав Слосканс.

В это время агенты ЧК ворвались в храм с револьверами в руках и стали орать возле входных дверей, чтобы прервать богослужение. Но служба продолжалась. Тогда агенты, а их было много, и все пьяные, ринулись стаей к алтарю и попытались силой выгнать верующих из храма. Когда они схватили за руки и одежду одну женщину и потащили ее к выходу, она закричала так громко, что пение прекратилось. В этот момент все верующие как по команде легли крестами на пол (т. е. выставив руки в стороны – *Ред.*). Костёл наполнился рыданиями взрослых и плачем детей. Агенты остолбенели и не знали, что им делать.

Выйдя из костёла, они ждали у дверей. Когда верующие начали выходить, агенты требовали от каждого предъявления паспорта. У кого паспорта не было, тех арестовывали, при этом арестовали многих и с паспортами. В числе арестованных оказался отец Антоний Неманцевич, он просидел в петроградской тюрьме несколько недель, а затем был отправлен в Москву и лишь там освобожден.

Справка: Антоний Неманцевич (1893–1943) окончил Виленскую католическую духовную семинарию, с 1915 ксёндз. В 1918 окончил Петроградскую католическую духовную академию, работал викарием костёла Св. Екатерины в Петрограде. В 1921 арестован за протест против ареста епископа Цепляка. Освобожден через несколько месяцев, работал викарием парафии Св. Петра и Павла в Москве. В 1923 снова арестован, в 1925 освобожден по обмену с Польшей политзаключенными.

В 1925–27 изучал теологию в Риме. В 1929 перешел в униатство, был настоятелем церкви в Альбертине, с 1933 в Сынковичах. С 1939 глава Беларуского экзархата Украинской униатской митрополии. В 1942 арестован гестапо. Умер 1 апреля 1943 в тюрьме в Берлине.

Хотя большевики обрушились на религию с невиданной прежде жестокостью и силой, в одном они подражали предыдущим гонителям веры: старались придать своим злодеяниям форму законнности. Так, под предлогом исполнения декрета об отделении Церкви от государства, они в 1922 году потребовали от всех парафий заключить договоры об аренде храмов у государства. Но католические священники и члены церковных комитетов отказались подписывать такие договоры. Тогда, чтобы сломить сопротивление католического духовенства, большевики закрыли в Петрограде все католические храмы кроме французского костёла Нотр Дам де Франс в Ковенском переулке. Однако ксендзы, верные своим обязанностям, вели службы в разных помещениях, где собирались верующие.

В это неспокойное время архиепископ Ян Цепляк, недавно вышедший из тюрьмы, жил в Петрограде и время от времени собирал католическое духовенство на совещания. Выхода из создавшегося положения не было, участники этих встреч лишь поддерживали друг друга морально. Обязанности секретаря на совещаниях исполнял генеральный викарий прелат Константин Буткевич, он же – петроградский декан. Он записывал в тетрадь краткое содержание бесед и имена участников.

Архиепископ Ян Цепляк

Постоянно ожидая ареста, Буткевич, как и большинство других ксендзов, почти не ночевал в своей квартире и не держал там никаких документов. Но зимой 1923 года чекисты производили обыск в одном доме, куда пришел на ночлег Буткевич. Ему удалось скрыться, однако его папка с документами и тетрадью протоколов совещаний попала в рук чекистов.

А тем временем повсюду в огромных масштабах продолжалось ограбление храмов, которое большевики называли «изъятием ценностей». На этой почве возникали многочисленные конфликты. Большевики выворачивали их на свой лад, изображая «сопротивление властям». Именно в этой связи они устроили 21–26 января 1923 года большой судебный процесс в Москве.

Ксёндз
Константин Буткевич

За неделю или две до суда ЧК провокационно вызвала в Москву архиепископа Цепляка и 14 священников. В Москве их сразу арестовали и поместили в тюрьму. В Петрограде остались на свободе только ксёндз Слосканс и настоятель французского костёла монах-доминиканец отец Омудрю.

На процессе фигурировали документы из папки Буткевича. Ничего компрометирующего в них не было, они лишь подтверждали готовность священников отдать свою жизнь за верность Католической Церкви и их нежелание идти на какие-либо компромиссы с совестью. Несмотря на это «революционные судьи» приговорили Цепляка и Буткевича к смерти, а остальных к лишению свободы на срок от трех до десяти лет.

Приговор вызвал бурю возмущения в странах Западной Европы и Америки. Поэтому большевики из дипломатических соображений заменили смертный приговор Цепляку десятью годами тюрьмы (23 марта 1924 года они обменяли его на несколько коммунистов из Польши), а вот Буткевича 30 марта все-таки расстреляли.

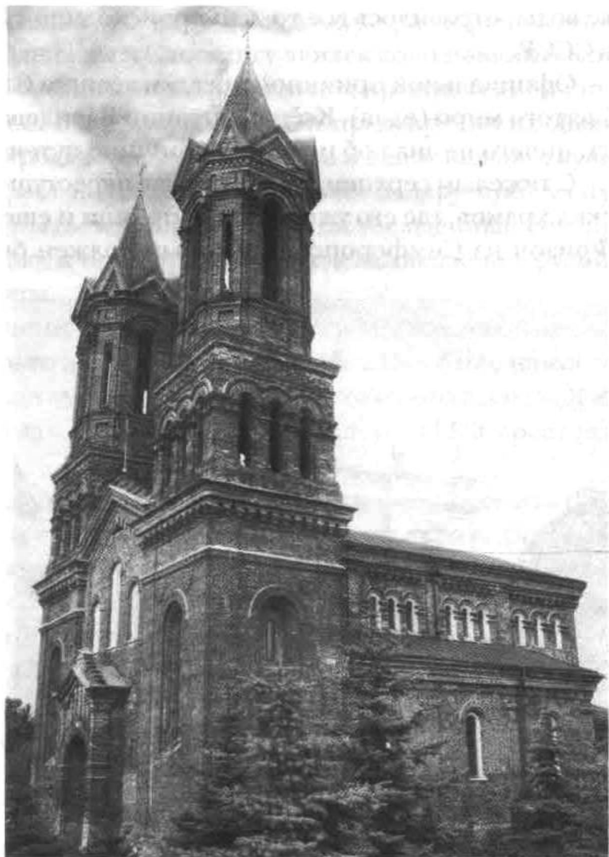
После осуждения архиепископа Цепляка обе католические епархии в границах БССР – Минскую и Могилевскую – возглавляли временные администраторы. Могилевской митрополией с 1923 по 1925 год руководил ксендз С. Пширембель, а затем прелат Антоний Малецкий. Минским администратором до 1927 го-

да был ксёндз Эдвард Войцеховский. Многие парафии пустовали из-за отсутствия ксендзов.

В 1924 году произошло весьма грустное событие в парафии Св. Варвары в Витебске. Ксёндз Владислав Хшчонович под давлением агентов ГПУ публично отрекся от веры. Чтобы смягчить отчаяние верующих, вызванное этим случаем, духовные власти срочно отправили в Витебск ксендза Болеслава Слосканса.

На его первую службу собралось много народа. Новый пастырь, не упоминая имени отступника, сумел рассеять мрачное настроение верующих и вызвал у них душевный подъем.

Он быстро добился всеобщего признания, но в 1925 году был отозван в Ленинград на должность викария парафии Св. Екатерины.

Костёл Св. Варвары в Витебске

Неожиданное назначение

В 1926 году французский епископ Д'Эрбини получил разрешение приехать в СССР для инспекции нескольких французских костёлов. Но истинная цель визита заключалась в другом: Папа римский Пий XI уполномочил его восстановить католическую иерархию на советской территории.

Однажды француз появился в костёле Св. Екатерины в Ленинграде, где служил Болеслав Слосканс. После службы он договорился с ним о встрече на следующий день – 5 мая. При новой встрече Д'Эрбини под большим секретом предъявил собеседнику свои полномочия и сообщил, что намерен возвести его в сан епископа, а для этого приказывает ему приехать в Москву, сохраняя суть дела в строжайшей тайне от окружающих. Напрасно кандидат в епископы искал в памяти повод, чтобы отказаться от такого назначения – и неожиданного, и трудного.

Выпускник Римско-Католической духовной академии Болеслав Слосканс, рожденный 31 августа 1893 года в деревне Стерняны Режицкого повета Витебской губернии (ныне деревня Цилгас в Латвии), был рукоположен в сан священника за 9 лет до того – 21 декабря 1917 года, в Петрограде. В его судьбе, как в кап-

ле воды, отразилось все то, что происходило с Римско-Католической церковью в СССР...

Официальной причиной поездки ксендза Слосканса в Москву стала доставка Святого миро (елея). Ксёндз Антоний Василевский, сопровождавший Слосканса, ничего не знал об истинной причине путешествия.

С тяжелым сердцем отец Болеслав переступил 26 мая порог одного из московских храмов, где его уже ждали Д'Эрбини и еще один ксёндз. Им был Александр Фризон из Симферополя, который должен был получить хиротонию вместе с Болеславом и стать апостольским администратором в Одессе. Он узнал об этом всего час назад, когда с вокзала приехал в костёл. Хиротония произошла в упрощенной форме и при минимальном числе свидетелей.

Костёл Св. Екатерины в Ленинграде

Не задерживаясь в Москве, отец Болеслав взял Святое миро и вернулся в Ленинград – исполнять далее обязанности викария и ждать дальнейших распоряжений. Не раз он преодолевал искушение поделиться тайной хотя бы с местным священником. Наконец 13 августа владыка узнал от того же Д'Эрбини, что ему присвоен титул епископа Циллийского, что он назначен Апостольским администратором Могилевским, и что в течение трех месяцев он должен принять Минскую Апостольскую администратуру из рук ксендза Эдварда Войцеховского.

Новый администратор прежде всего должен был сообщить верующим о своем назначении. С этой целью он написал пастырское послание. Оно было опубликовано на двух языках – беларуском и польском. Беларуский текст попал в руки агентов ГПУ, но поскольку был посвящен теме христианской любви, ничего интересного для себя они в нем не нашли.

Зато это пастырское послание сыграло важную роль в вопросе о языке. В Минске верующие-католики, имевшие родным языком беларуский, почти не употребляли его в религиозной жизни, так как привыкли к польскому. В Могилеве же верующие хотя и пользовались богослужебными книгами на польском языке, ибо других у них не было, плохо его понимали. Теперь беларуский язык должен был получить все права. При переводе послания на беларуский язык существенно помог ксёндз Петр Янукович из костёла Св. Марии в деревне Фащевка Мозырского повета*.

* Ксендза П. Януковича и вместе с ним 13 активистов церковной общины большевики расстреляли в июне 1937 г. Косте в Фащевке был взорван в 1967 г. – *Прим. ред.*

О том, как большевики относились к беларускому языку, красноречиво свидетельствует следующий факт. Однажды к Слоскансу явился довольно интеллигентный беларуский деятель и в беседе признался, что под принуждением стал секретным сотрудником ГПУ (т.е. осведомителем). Он предупредил владыку, что надо быть осторожным в вопросах беларуского языка и национальной культуры. Советская власть лишь делает вид, что поддерживает беларускую культуру, но если кто-то на самом деле пытается доказать, что он убежденный беларуский патриот, то попадает в кутузку, а там... при этом он сделал движение рукой, означавшее выстрел из револьвера.

Более или менее наладив административный аппарат в Могилевской архиепархии, Слосканс хотел сделать то же самое в Минске. Но здесь было намного больше препятствий. Он назначил вместо Эдварда Войцеховского ксендза Язепа Демьяна, однако тот не успел даже приехать в Минск: агенты ГПУ арестовали его в пути.

Не обращая внимания на трудности, владыка Болеслав начал посещать подчиненные ему парафии. Так как и в прошлом подобные визиты в католических парафиях Беларуси были редким явлением, не удивительно, что в нынешних условиях они вызывали настоящее паломничество верующих. Визиты обычно совершались без предварительного уведомления местных священников. Только в больших городах им сообщали заранее, чтобы они могли предупредить прихожан.

Во время инспекций владыка Болеслав сам служил мессы. Визиты обычно занимали три дня, иногда четыре. В первый день присутствовали преимущественно женщины, на второй день преобладали мужчины, а на третий день люди заполняли храмы до отказа. Молодежь приходила толпами: исповедывалась, причащалась, освящались елеем. При этом бывали весьма волнующие моменты. Перед елеосвящением епископ Болеслав спрашивал каждого в отдельности:

– Желаешь быть бежмованым?

– Да! – звучал уверенный ответ.

– Готов отдать жизнь за веру?

– Да!

Это производило сильное впечатление и на самих освященных и на всех присутствующих, а потом оберегало их от разных искушений. Однажды юноша сказал владыке: «Сейчас нельзя грешить, потому что осталось мало священников, так что и исповедаться трудно».

Внешние условия не только оправдывали визиты без предварительного уведомления, но и заставляли совершать их в места, достаточно удаленные друг от друга. Правда, за короткий срок пребывания в Могилеве владыка побывал не во всех парафиях. Он успел посетить Минск, Борисов, Велиж, Витебск, Гомель, Лепель, Мстиславль, Оршу, Полоцк, Рогачев, Толочин, Фащевку, Чаусы.

Советские власти категорически не позволяли ему появляться в пограничной зоне. Например, запретили приехать в Койданово, а в Росицу сначала разрешили, но когда он прибыл в Полоцк, то дальше не пустили, между тем Росицкая парафия насчитывала около 10 тысяч католиков и ксёндз Петр Капуста, сам родом из тех мест, уже все подготовил к встрече епископа.

Проповеди во время визитаций владыка произносил преимущественно по-беларуски. Раз уж зашла речь о языке, можно вспомнить, что в Гомеле вступление к проповеди владыка произнес на польском, обращаясь к местным интеллигентам, привыкшим слышать в храмах польский язык. Главная мысль того давнего выступления заслуживает внимания как документ своего времени:

> «Проповедь имеет целью разъяснить всем верующим, без различия степени их образованности, важнейшее дело их жизни, дело спасения души. Поэтому говорить об этом на том языке, который плохо понимают широкие массы, было бы напрасно, а произносить две проповеди на разных языках у меня нет времени. Поэтому прошу интеллигенцию приспособиться к языку широких кругов верующих и выслушать проповедь на беларуском языке»...

И все слушали проповедь очень внимательно.

В конце октября 1926 года новые епископы Ленинграда и Москвы сообщили верующим о своем истинном иерархическом положении. После этого агенты ГПУ усилили наблюдение за всем католическим духовенством. Владыка Болеслав решил, что пора и ему довести до всеобщего сведения свое истинное положение в иерархии, чтобы в случае ареста его взяли уже как епископа, а не рядового священника.

Оповещение произошло очень просто. В день святого Иосафата 14 ноября 1926 года могилевский генеральный викарий Виталий Пашкевич*, будучи вместе с владыкой в Витебске, объявил на вечерней службе в костёле Св. Антония, что «4 декабря здесь в Витебске в церкви Св. Варвары Его Экселенция епископ Болеслав Слосканс будет иметь свою первую понтификальную Службу Божию». В назначенный день храм не мог вместить в своих стенах всех верующих. Возможно, что столь мощное массовое проявление веры на какое-то время оттянуло арест. Владыка и дальше визитировал парафии, но за ним установили такой надзор, чтобы днем и ночью не выпускать из поля зрения.

Жил владыка Болеслав в Могилеве в небольшой квартире из трех комнат, которую нашел ему отец Шатило**. Его соседом был советский командир дивизии. Как вскоре выяснилось, ГПУ поручило ему следить за владыкой Болеславом и за его посетителями. Владыка узнал об этом от своей прислуги, а она – от жены комдива. Кстати, почти все священники находились в таких же условиях. Агенты ГПУ всегда поручали кому-нибудь из соседей по квартире быть их наблюдателем.

Помимо соседа-шпиона, владыку всегда ждал на улице агент, который ходил за ним по пятам. Если иногда случалось, что на станции он терял из виду свою жертву, то вскоре появлялся еще один, который вежливо просил владыку предъявить паспорт и далее следил за ним с некоторого расстояния.

Корреспонденция всех духовных лиц всегда контролировалась, а с некоторых писем чекисты снимали копии – это выяснилось во время следствия. Проповеди тоже записывали специальные агенты.

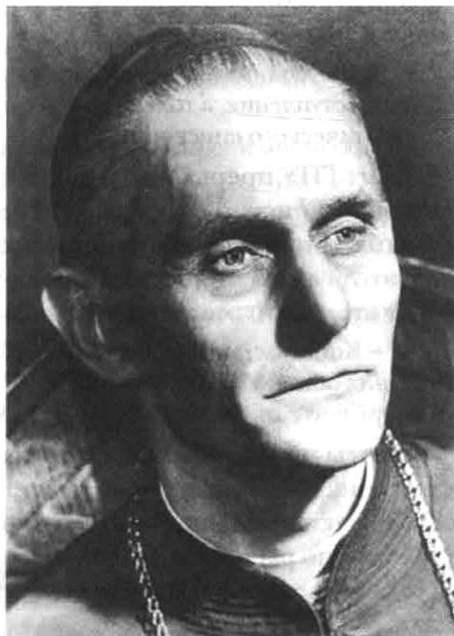
* Ксендза В. Пашкевича большевики расстреляли в 1940 г.

** Ксендза Альбина Шатило органы ГПУ арестовали в августе 1929, но в 1930 выпустили. Снова арестовали в январе 1932 и отправили на 10 лет в Соловецкий лагерь. Там его расстреляли 3 ноября 1937 г.

Словом, собирался «материал» или, лучше сказать, его искали, чтобы обосновать обвинительное заключение. Но, поскольку эти поиски ничего не давали, прибегли к провокациям. Стали приходить «на исповедь» люди со странными вопросами; кое-кто настойчиво пытался придти к владыке домой. Требовалось всегда быть готовым к любым неожиданностям.

Впрочем, избегать откровенных провокаций было нетрудно, зато требовалось быть очень осторожным в отношениях со своими верующими. Об этом свидетельствует такой случай. Один старый работник, который часто исповедывался и приходил домой к владыке поговорить о повседневных заботах, однажды признался ему, что обязан отчитываться перед агентами ГПУ обо всех своих разговорах с епископом. Несомненно, что такого рода осведомителей было немало, но они скрывали свою деятельность.

Советские газеты использовали любой повод, чтобы поднять кампанию против епископа Болеслава. Например, во время приезда в Толочин вся школьная молодежь явилась на исповедь и елеосвящение, так что школа два дня стояла пустой. В прессе сразу появилась статья, что епископ отравляет молодежь религиозным дурманом, и что он – агент Польши и Пилсудского. В Велиже в связи с визитацией большевики устроили антирелигиозный диспут и пригласили на него епископа, а когда он отказался, в газетах появилась статья с оскорбительными выпадами.

Епископ Болеслав Слосканс

Интриги против владыки усиливались с каждым днем и становились все более наглыми. Однажды агенты ГПУ арестовали Марысю З., регулярно посещавшую богослужения в кафедральном соборе. Три дня ее мучили морально и физически, требуя подписать донос об аморальной жизни владыки Болеслава. На четвертый день она была уже на грани помешательства, но все же категорически отказалась подписать бумагу. Когда бедную Марысю отпустили, она побежала из тюрьмы прямо к владыке – сказать о своих мучениях и о том, чего от нее требовали.

Было ясно, что день ареста приближается, а неудачные провокации, компрометирующие ГПУ, только ускоряют это событие.

Первый арест

Владыка Болеслав между своими поездками готовил в Могилеве к священству одного молодого человека из Минска, который жил в одной квартире с ним. В 1927 году, 4 сентября, когда владыка уехал с очередной визитацией, агенты

ГПУ задержали этого человека на несколько часов и в это время произвели без свидетелей обыск в помещении.

Вернувшись в Могилев поздно вечером 16 сентября, владыка узнал от своего генерального викария о том, что произошло в квартире во время отсутствия. Владыка поспешил домой, но когда вошел, не заметил никаких следов обыска. Впрочем, не успел он толком осмотреться, как к нему явились трое агентов ГПУ, привели пятерых свидетелей-католиков, и начали обыск, сначала в прихожей, потом в комнате. Когда они приподняли портрет Папы, из-за рамы выпал какой-то сверток. Его развязали перед владыкой – это была военная карта. Под другим портретом чекисты «нашли» другую карту. В альбоме они обнаружили какую-то военную статистику. Они сложили все это, забрали также корреспонденцию и приказали владыке «собираться с вещами».

Перед выходом из помещения владыка обратился к присутствующим свидетелям с такими словами:

> «Мои любимые, я вас больше не увижу, но помните, что меня забирают не за какие-то преступления, а только потому, что Белоруссию хотят избавить от единственного католического епископа»...

Агент ГПУ прервал речь владыки резким замечанием: «Вы занимаетесь агитацией!». Епископ ответил: «Расценивайте мои слова как хотите, но я делаю то, что считаю своей обязанностью».

В этот самый момент прислуга владыки, старая Марцелина, дрожа от страха перед агентами, все же осмелилась сказать владыке и всем присутствующим:

> – Когда вас, эксцеленция, не было дома, сюда приходили трое агентов ГПУ, и один из них остался со мной в прихожей, а двое других вошли в комнату, закрыли за собой дверь и что они там делали, я не знаю.

Агенты просто озверели от этих слов и готовы были убить старуху на месте, да поздно: слово не воробей, вылетело – не поймаешь. Служанка скомпрометировала чекистов перед свидетелями.

Согласно распространенному советскому методу, руководство ГПУ планировало обвинить владыку Болеслава в военном шпионаже, в соответствии с их поговоркой: «Дайте нам человека, а обвинение мы сами найдем». Правда, в данном случае подобное обвинение выглядело настолько невероятным, что агенты привели посторонних людей, чтобы они потом рассказывали компрометирующие подробности, но получилось наоборот, ибо свидетели потихоньку говорили знакомым, что «компромат» подложили сами же агенты.

Так начался тернистый путь владыки Болеслава.

Его привели в кабинет могилевского следователя Кузьмина, но не допрашивали. Утром 17 сентября Кузьмин с двумя агентами отвез Болеслава в Оршу, откуда его через два часа отправили в Минск. Там его сначала поместили в чистой комнате, где у дверей стоял «ангел-хранитель» со штыком. Было это поздно вечером. Помолившись, владыка лег на диван и только задремал, как в комнату вошли двое. Чекисты обратились к нему с напускной вежливостью:

> – А, вы уже спите?
> – Да, сплю!
> – Позвольте вас побеспокоить. Скажите нам точно, кем вы являетесь?

– Я католический епископ Минский и Могилевский.

– А кто же вас хиротонизировал?

– Представитель Апостольского Престола.

– Но он же обычный шарлатан...

Агенты явно искали больное место, чтобы вывести из равновесия свою жертву. Поэтому владыка Болеслав умолк и не отвечал на их дальнейшие вопросы.

Утром на столе оказалось много бумаги с письменными принадлежностями. В ГПУ хорошо знали психику арестованных и давали им возможность излить мысли на бумагу, чтобы иметь возможность внимательно изучить их. Но владыка решил использовать представившуюся возможность в своих целях. Он взял перо и начал писать – не просьбу и не требование, а заявление.

«Я, ниже подписавшийся, епископ Болеслав Слосканс, Апостольский Администратор Минский и Могилевский, считаю своей обязанностью уведомить через минскую секцию ГПУ правительство и общественность о следующем:

1. Днем 16 сентября этого года агенты могилевского ГПУ произвели у меня обыск и нашли военные карты и документы.

2. Никого из проживающих в доме я не подозреваю том, что они могли украсть эти документы.

3. Себя я тоже не признаю виновным в этом.

4. Я утверждаю, что эти документы и карты были мне подложены агентами ГПУ, которые 4 сентября произвели обыск в моем жилище в мое отсутствие.

5. Я утверждаю, что эта негодная комедия сыграна только ради того, чтобы лишить Белоруссию ее католического епископа.

6. Мое положение епископа и человеческое достоинство не позволяют мне участвовать в этой комедии, тем более что в минском ГПУ оскорблено достоинство дорогой мне Католической Церкви.

Могилев в 20-е годы XX века

7. На время досудебного заключения я отказываюсь давать какие бы то ни было показания независимо от последствий.

8. Я утверждаю, что все подчиненное мне духовенство не занимается антигосударственной деятельностью.

9. Я охотно приму ради блага Церкви любую кару, направленную против меня, и наибольшее наказание – смерть, приму с радостью.

Епископ Слосканс»

Обычно то, что пишут арестованные, они отдают следователю, но владыка Болеслав лист с заявлением положил себе в карман. Вскоре его отвели на допрос к самому председателю минского ГПУ Гродису и его секретарю Эстрину. Гродис стал задавать вопросы по-русски, владыка отвечал ему по-беларуски и обратил внимание на то, что они находятся в Беларуси и что он имеет право говорить на официальном языке. На это Гродис сказал: «ГПУ везде употребляет русский язык».

То ли он сам боялся получить пулю в затылок, то ли презирал беларускую «мову», кто его знает. Между ним и владыкой состоялся продолжительный разговор, в котором, между прочим, были такие моменты:

– Вы знаете черного папу? – спрашивает Гродис.

– Нет, не знаю, – спокойно отвечает владыка.

– Разве вы не знаете, что так называют генерала ордена иезуитов, и что папа римский все делает под диктовку иезуитов.

– Это определенно не так, потому что иезуиты являются лишь одним из многочисленных католических монашеских учреждений и подчиняются папе наравне с другими.

Вдруг Гродис переходит на другую тему:

– А вы знаете, что ксендза Мустейко осудили на три года за алименты?

– Да, знаю это дело так же, как и вы.

— Что это значит?

– Это значит, что его осудили безосновательно, ради того, чтобы скомпрометировать сан священника.

Тут следователь опять сменил тему:

– А вы переписываетесь с кем-нибудь?

– Конечно, я получаю огромную почту и отвечаю на каждое получаемое письмо.

– А со своими прихожанками вы переписываетесь?

– Да, и с ними переписываюсь.

– А вы их употребляете? – При этом Гродис похабно засмеялся.

После такого вопроса владыка Болеслав, ничего не говоря, достал из кармана свое заявление и положил на стол. Гродис и секретарь прочитали и пытались продолжить разговор, но владыка не отвечал на их вопросы.

Затем его на неделю оставили в покое. Всю неделю хорошо кормили, прибирали в комнате, ни разу не обыскивали. После этой загадочной недели снова отвели на допрос. Теперь перед следователем на столе был целый ворох бумаг и среди них первое пастырское послание Слосканса на беларуском языке, рукопись подготовленного им к печати катехизиса и личные письма. Разговор больше походил на богословский диспут, чем на допрос.

Ничего не добившись, минские власти отправили епископа Болеслава в Москву. Дали купе в мягком вагоне с одним агентом в самом купе и несколькими в соседнем. В Москве его отвезли во внутреннюю тюрьму ГПУ и там впервые тщательно обыскали, при этом сняли не только регалии епископа, но даже нательный крестик.

На Лубянке владыка пробыл 5 месяцев. Сначала его посадили в такую камеру, где с разных сторон через большие и маленькие окошки чьи-то глаза следили за каждым движением, вдобавок и через окно для подачи пищи заглядывал часовой из коридора. В коридоре кто-то громко разговаривал с часовым, подсказывая заключенным разные способы «освобождения». Из других камер доносились крики обезумевших арестантов. Если бы не молитва, здесь в самом деле можно было впасть в безумие, потому что вся окружающая обстановка взвинчивала нервы до предела. А в дверях камеры гудел вентилятор, наполняя ее таким горячим воздухом, что от него слабело тело.

Через некоторое время владыку Болеслава доставили на допрос к следователю Рыбкину. Тот сразу набросился с яростной руганью по поводу заявления. Владыка понял, что спорить с ним нет никакого смысла, самое важное, что надо делать в таких обстоятельствах, это не соглашаться ни на какие компромиссы. Между тем Рыбкин в запале высказал основные принципы советской политики по отношению к религии вообще и католицизму в частности:

> «Мы преследуем Католическую Церковь и будем преследовать до полного уничтожения. Православная и протестантская церкви делают то, чего мы желаем, только Католическая Церковь всегда создает государство в государстве, и мы не можем этого допустить. Но мы не будем повторять ошибки французской революции, которая преследовала священников как таковых, делая из них мучеников, а мы из вас делать мучеников не будем, мы всегда найдем у вас провинности перед государством».

Ничего не добившись подобными заявлениями, он внезапно изменил тон и совершенно спокойно произнес:

> – Да, мы знаем, что вы невиновны. Более того, мы знаем, кто вам подложил военные карты – здесь он назвал вымышленную персону и рассказал вымышленную историю о том, почему Н.Н. подложил их.

Владыке Болеславу было ясно, что это лицо и вся история являются фикцией, но тем более было понятно, что фактически следователь снял обвинение, а тем самым и основания для дальнейшего содержания в тюрьме. Поэтому он сказал:

> – Если вы утверждаете, что я в этом не виноват и что вам известно лицо, совершившее провокацию, то я заявляю, что мое свидетельство было поспешным и необдуманным.

Секретарь поспешил занести эти слова в протокол.

Казалось бы, после такого заявления Рыбкина епископа Болеслава должны были немедленно отпустить. Вместо этого его отвели назад в камеру и пожелали получить от него собственноручное жизнеописание со всеми датами. Желание следователя он исполнил, только дату хиротонии указал неточно.

Как уже сказано, сидеть в одиночной камере пришлось долго. Чтобы чем-то занять время и подготовить себя к возможным неожиданностям, владыка Болес-

лав стал делать 30-дневные подборки молитв и записывал их, так как в камере были бумага и ручка с чернилами. Через окно для раздачи пищи часовые видели, что арестованный ежедневно что-то пишет. Они думали, что это некое заявление. Поэтому не могли понять, почему каждый раз, когда комендант тюрьмы спрашивал у владыки:

– Имеете ли какие-нибудь жалобы или заявления?

Он отвечал:

– Нет, не имею.

Через четыре недели комендант потерял терпение:

– Скоро ли вы подадите обещанное вами заявление?

– Я вовсе не обещал подавать какое-то заявление.

– А что же вы пишите?

– Молитвы.

Можно представить, какое впечатление произвели эти слова на коменданта. Он пулей вылетел из камеры, а владыка и дальше писал свои молитвы.

На Соловках

Благодаря молитвенной практике время шло быстро. Стало легко на душе. Нервы успокоились, а часовые удивлялись: откуда у заключенного взялось радостное настроение, несмотря на весь тюремный ужас? С того времени его и допросами больше не мучили, вызвали только однажды. Окончательно убедившись, что нет никаких оснований для суда, владыку Болеслава постановлением Особого совещания ГПУ приговорили к трем годам заключения в Соловецком лагере. Об этом ему объявили только на сборном пункте, где находилось множество заключенных, предназначенных для отправки в разные лагеря.

По дороге на Соловки эшелон ненадолго задержался в Ленинграде. Здешние верующие каким-то образом узнали об этом и принесли ему немного продуктов. А ленинградский католический епископ Антоний Малецкий смог добиться свидания и поговорил с ним, разумеется, через решетку.

По приезде на Соловецкий пересыльный пункт заключенным пришлось начать свою «новую жизнь» новыми мучениями. Всех их, обессиленных долгой дорогой, на протяжении трех часов заставляли кричать принятые в лагере приветствия. Потом загнали в переполненный барак. Конвоиры, недолго думая, скомандовали: «На ребро»! Число мест удвоилось и вновь прибывшие тоже легли, правда, теперь все лежали как сельдь в бочке. Воздух в бараке был вонючий и душный. По ночам часто всех поднимали и выгоняли с вещами наружу, а через какие-нибудь десять минут загоняли назад в барак.

В пересыльном пункте оказались католические ксендзы, в том числе беларусы. Были также двое грузинских священников – латинского и восточного обряда. Православных священников было много, и это были лучшие из них. Общие страдания уничтожали конфессиональные предрассудки, которые веками насаждали царские власти. Все духовные держались одной большой семьей. Православным понравилось католическое приветствие «Хвала Христу!» и они предложили ввести взаимное приветствие между православными и католическими

священниками: «Христос с нами!» с ответом на него «Есть и будет!», и это было принято.

Отношение лагерного начальства к заключенным было жестоким. В карцер бросали за малейшую оплошность. Однажды владыка Болеслав, подметая дорожку возле ограды своего лагеря, увидел через колючую проволоку в соседнем женском лагере сестру ксендза Василевского, свою прихожанку из Могилева и заговорил с ней. Часовой это заметил, владыку немедленно наказали тремя сутками карцера.

6 апреля 1928 года из пересыльного пункта 13 священников отправили по Ухтинскому тракту. Среди них было двое католиков, в том числе владыка Болеслав. В дорогу дали на всех одну буханку хлеба и немного соленой рыбы. В пути им пришлось встречать Пасху. Один священник приберег к этому дню кусок колбасы, и вся группа таким маленьким лакомством отметила Великий Праздник.

Здание бывшего управления Соловецкого лагеря

Группе приказали остановиться на 103-м километре. Здесь был всего один барак. Днем заключенные тяжело работали, ночью по очереди охраняли провиант. В том же бараке они проводили богослужения: алтарем был стол, чашей – подставка для яиц. Облатки священники принесли с собой, вино делали из изюма, присланного в посылке.

Как только началась весна, по тракту стали приходить большие партии заключенных – строить дорогу. Грунт вокруг был болотистый, по нему полумертвые люди таскали на плечах бревна. Бревнами мостили дорогу, но они на глазах тонули в болоте. Тогда сверху клали новый настил и так из пяти или шести рядов затонувших бревен получалась гать. Сколько людей полегло возле этих настилов, один только Бог знает.

Изматывающая работа, холод, нехватка еды и теплой одежды сильно подкосили здоровье владыки Болеслава. Он тяжело заболел, но, несмотря на это, должен был охранять мешки с овсом и продуктами на складе. На этом складе его и нашел ксёндз Язеп Бородуля из Лепеля, исполнявший обязанности почтальона по всему Ухтинскому тракту протяженностью 175 км. Он был знаком с одним медиком и этот последний помог отвезти владыку в пересыльный лазарет. Здесь владыка пробыл недолго, вскоре его доставили на Поповский остров. Там он встретил беларуского ксендза Казимира Юршана, сильно страдавшего от цинги. На Поповском острове владыка Болеслав тоже долго не оставался, его здоровье настолько ухудшилось, что врачи признали его инвалидом (это в 35 лет!) и отправили в лазарет на Соловецкий остров.

Первое знакомство с Соловецким лазаретом не предвещало ничего хорошего. Здесь было столько больных людей, что едва удалось найти место в коридо-

ре. Только через несколько дней один врач-заключенный, сам православный иеромонах, смог перевести владыку в палату. Лазарет мало отличался от обычного лагеря, но все же люди могли здесь отдохнуть, и это было лучшим лекарством.

Когда владыка Болеслав немного пришел в себя, его сочли здоровым и отправили в так называемую «поповскую роту», состоявшую в основном из духовных особ. Обычно они исполняли обязанности сторожей. Владыка попал в камеру, где уже было 8 католических священников. Совместное проживание позволило им наладить регулярные богослужения. Сначала они происходили в Германовской часовне, а после того как ее закрыли в конце октября 1928 года, прямо в камере, каждую ночь от полуночи и до 5 часов утра. Обысков по ночам здесь не делали, в коридорах же дежурили заключенные, симпатизировавшие священникам.

Соловки. Кремль за Святым озером

Православные архиереи из «поповской роты» сначала служили в православной церкви, находившейся за здешним кремлем, а после ее закрытия служб больше не проводили. Католическую часовню и православную церковь закрыли по требованию «безбожной тройки» во главе с неким Петровым, явившейся на Соловки в октябре 1928 года. Эта тройка обыскала бараки священников, надеясь обнаружить литургические книги и утварь, но ничего не нашла.

С января 1929 года начальство Соловецкого лагеря стало переводить священников в Троицкую штрафную командировку на остров Анзер. Владыку Болеслава отвезли туда 30 января. К лету там было 24 духовных лица, из них 22 католических, один православный епископ и один украинец юрисдикции Липковского митрополита, а к концу года собралось уже 425 православных и 38 католических священников.

На острове стояли три барака. Один пустой без окон и дверей, другой с зарешеченными окнами предназначался для заключенных, третий был разделен на две части. В одной размещалось начальство, в другой — заключенные. Их было здесь, что селедок в бочке. Когда сюда привезли владыку, на нарах оказалось только одно свободное место, которое прежде занимал православный архиепископ Воронежский Петр (Зверев). Он 21 января заболел тифом и вскоре умер в лазарете, поэтому другие заключенные боялись ложиться на его место, а владыке выбирать не приходилось.

Работа в Троицкой командировке была очень тяжелой — надо было таскать бревна. Чтобы хоть немного облегчить свой труд, заключенные сделали некое подобие воза и таскали его вручную, назвав это изобретение ВрИДЛо (Временно Исполняющий Должность Лошади). Но и в этом гиблом месте католические священники наладили регулярное отправление Службы Божией (разумеется,

тайно). У них даже была настоящая чаша, которую они прятали в выдолбленном пне.

Материальное положение священников в лагере на Анзере было неодинаковым, потому что одни получали посылки, другие – нет. Лагерное же питание неумолимо вело к дистрофии. Поэтому на общем собрании священники решили создать христианскую общину, в которой всё, что кому-то присылается, становится общим и отдается избранному старосте. А он обязан делить это между всеми. Старостой избрали владыку Болеслава. Несколько позже и лагерное начальство поручило ему назначать священников на работу. Это позволяло хоть на какое-то время освобождать от работы больных и обессиленных, заменяя их кем-нибудь другим.

Работа была разная, но всегда тяжелая. Надо было или пилить деревья и таскать бревна в указанное место, или зимой расчищать места под новые бараки-землянки, выдалбливая мерзлый грунт словно камень. Работать на морозе приходилось по 16 часов. После этого люди приходили в бараки настолько усталыми и задубевшими, что долго не могли ни пить, ни есть!

Медицинский осмотр летом 1930 года показал, что все священники страдали воспалением сердечной мышцы (миокардит) и мышечных волокон (миозит), то есть, все они превратились в полуинвалидов. Но такой вывод не повлек за собой ни малейшего послабления режима. Более того, священникам запретили обращаться к врачам-специалистам, имевшимся на Соловках. Правда, отношение к другим заключенным было еще более жестоким.

В том океане страданий, которым являлись Соловецкие лагеря, крайне неприятно было видеть, что помимо издевательств лагерной администрации часто и сами заключенные ухудшали свое положение. Мужские и женские бараки были всегда разделены колючей проволокой, какие-либо связи между ними запрещались. Но, несмотря на это, творилось такое распутство, что здесь не место его описывать.

Лишь там, где содержались монахини, они своим примером истинно ангельской чистоты удерживали других женщин от падения – это была поистине апостольская работа в женских бараках. Владыка Болеслав с радостью узнал, что беларуские женщины, а между ними и некоторые бывшие его прихожанки, отличались такой же примерной чистотой и добродетельным влиянием на окружающих, что и монахини. Но в остальных лагерных пунктах падения нравов ужасало.

Смертность заключенных на Соловках являлась высокой, однако взамен умерших постоянно приходили новые транспорты, поэтому лагеря всегда были переполнены. На острове Анзер из примерно 1000 заключенных в 1929 году умерли около 700. Здоровье владыки Болеслава в 1930 году сильно ухудшилось из-за переутомления и недоедания.

Десять дней на свободе

17 сентября 1930 года кончился трехлетний срок заключения владыки Болеслава. Он заранее подал заявление в управление лагеря с просьбой об освобождении. Но только 13 октября его вызвали в лагерную канцелярию и приказали

собираться «с вещами» для отъезда. Однако приключения на этом не кончились: то возникали трудности с транспортом, то докучали проверками на каждой остановке. Наконец владыка оказался в поезде, ехавшем в Ленинград.

Удивительные ощущения испытывает человек, выходящий из заключения, а тем более из такого лагеря как Соловки. Поначалу даже не верится, что ты уже на свободе. Именно такие чувства испытывал владыка Болеслав. Только миновав Петрозаводск, где кончились непрерывные проверки документов, он освоился с мыслью, что в самом деле находится на свободе.

Приехав в Ленинград, владыка направился на квартиру епископа Малецкого, но там его не застал, а прислуга посоветовала ему дальше не искать, так как уже был поздний вечер. Следующим утром, после богослужения, владыка Болеслав снова постучал в двери епископа Малецкого. Тот, увидев старого знакомого, одетого еще на соловецкий лад, так испугался, что владыка сразу понял, в условиях какого террора живет теперь католическое духовенство в СССР. Не пытаясь больше никого искать, он в тот же вечер (31 октября) выехал в Могилев.

Во время его отсутствия Могилевской архиепархией руководил генеральный викарий ксёндз Петр Авгло. Этого 70-летнего священника агенты ГПУ так запугали, что он подписал предложенный ему текст заявления о том, что в СССР нет никакого преследования за веру, и это заявление опубликовали в газетах.

Епископ приехал в Могилев днем 1 ноября. Генеральный викарий, хотя и получил телеграмму из Ленинграда «приезжает Болеслав», просто не верил своим глазам. Владыка отправил службу в храме и с этой минуты не имел ни минуты покоя: стали приходить люди со своими заботами и печалями. Первым пришел генеральный викарий и, встав на колени, просил прощения за свое свидетельство. Он рассказал, что чекисты мучили его три дня, а затем пообещали открыть католические храмы и освободить ксендзов от налогов, если он подпишет приготовленную ими бумагу. Он сдался и подписал, но увидел, что большевики его обманули, поэтому не мог успокоиться. Он даже послал письмо в Рим с просьбой об освобождении от обязанностей генерального викария. После долгого молчания пришла открытка, подписанная Д'Эрбини, в которой говорилось, чтобы он спокойно продолжал службу.

Прежде всего отец Болеслав должен был получить документы для проживания в Могилеве, поэтому незамедлительно отправился в ГПУ. Так его встретили с удивлением:

– А, так вы уже на свободе!

– Как видите.

– И что вы думаете теперь делать?

– В первую очередь пришел прописаться и получить от вас документы необходимые для проживания в Могилеве.

– Ну, это теперь не так просто, потому что уже стали фигурой для католиков и всех контрреволюционеров. Подумать только, вернулся с Соловков!

– Это значит, что никакой вины за мной нет.

– Видимо, произошло какое-то недоразумение с вашим освобождением. Если хотите выехать в Смоленск, то мы дадим вам необходимые документы и оплатим проезд.

– Нет, хочу остаться в Могилеве, а если я здесь нежелателен, то можете меня арестовать и выслать, куда вам нравится.

– Гм, раз так, то обождите немного.

После получасового ожидания в коридоре владыку позвали в канцелярию и сказали придти на следующий день за окончательным ответом. Назавтра, отправив службу в кафедральном соборе и произнеся проповедь, владыка снова пошел в ГПУ. Там после долгого бесплодного «диспута» по церковным вопросам, начальник ГПУ сказал ему, что он может остаться в Могилеве, но не должен никому говорить, что ему предлагали уехать в Смоленск. Документов, однако, не дали никаких.

Общее положение Католической Церкви в Беларуси являлось тогда более чем печальным. Храмы закрывали один за другим, священников арестовывали. Верующие, ограбленные коллективизацией и подавленные террором, не могли платить огромные налоги за пользование костёлами. Никакого выхода из всего этого не было.

Повторный арест

В субботу 9 ноября 1930 года около 11 часов вечера вооруженные агенты ГПУ явились в башню кафедрального собора, где временно проживал владыка Болеслав. Искать там было нечего, поэтому они без всяких проволочек арестовали владыку и отвели в местную тюрьму. Оттуда его быстро перевезли в Минск, где начальником ГПУ вместо Гродиса был уже Шапиро.

Тюрьма в Минске оказалась переполненной, ведь это было время разгрома беларуской «нацдемовщины» и завершения принудительной коллективизации. Среди арестованных владыка встретил нескольких знакомых, в том числе отца Виктора Валентиновича из Логойска; этого пожилого католического священника чекисты отправили на поселение в Сибирь и там он погиб.

Бутырская тюрьма в Москве

Владыку Болеслава навестил 10 декабря ксёндз Альбин Шатило – последний католический священник, еще оставшийся в Минске на свободе. Через двойные решетки он со слезами на глазах поведал владыке, что положение стало неимоверно тяжким. Власти потребовали от него платить налог в 5000 рублей за храм и 7000 рублей за себя, и он понятия не имел, откуда взять столь огромную сумму. Агенты ГПУ следили за каждым его шагом и устраивали разные провокации, поэтому он ожидал ареста в любой момент. На прощание ксёндз пообещал прислать владыке свою сумку с сухарями, бельем и носками, подготовленную на случай ареста. На следующий день 11 декабря владыку отправили в Москву, но перед самой отправкой он успел получить передачу от Шатило, и она очень ему пригодилась.

Путешествие в Москву прошло без приключений, но то, что пришлось увидеть в пути, ужасало – повсюду бесконечные колонны людей, депортируемых в Сибирь.

В Москве владыку доставили в Бутырскую тюрьму и поместили сначала в МОК (мужской одиночный корпус), а потом в общую камеру. На второй или третий день пребывания в общей камере в Бутырку пригнали новую партию заключенных – из Орла. Среди прибывших оказался бывший московский декан и настоятель парафии Святых Петра и Павла ксёндз Петр Зелинский. Большевики арестовали его еще в 1923 году по делу архиепископа Цепляка и с тех пор швыряли из одной тюрьмы в другую. Владыка освободил для него место на нарах рядом с собой. Там на нарах они исповедались друг другу и отпустили грехи, а уже утром декана Зелинского вызвали с вещами и отправили неизвестно куда.

Следователи ГПУ и в этот раз не смогли предъявить владыке никаких обвинений. Несмотря на это постановлением Особого совещания от 19 декабря 1930 года его выслали в Сибирь.

При доставке из одной пересыльной тюрьмы в другую на всем протяжении долгого путешествия в Сибирь надзиратели каждый раз устраивали тщательный обыск. Но у владыки практически не было вещей. Еще в Бутырской тюрьме его обокрали уголовники, которых тюремное начальство специально сажало к политическим – чтобы сделать их пребывание в тюрьме еще более тяжелым.

Первый этап пересылки Москва – Свердловск происходил в очень трудных условиях. Тюремный вагон со смрадным воздухом был забит людьми до отказа, в нем кишели паразиты. Транспорт прибыл в Свердловск в канун Рождества. Там владыке Болеславу несколько раз предлагали выехать из Советского Союза, но он каждый раз говорил в ответ, что является епископом Минским и Могилевским и не может самовольно покинуть место своего назначения. Отвергая предложения большевиков, владыка всегда вспоминал слова своего консекратора Д'Эрбини: «Мы вас хиротонизируем на мученичество и благословляем на рассудительность».

Правда, в тех тяжелых обстоятельствах рассудительность была соединена с великим терпением, потому что отдать жизнь было гораздо легче, чем работать во славу Бога и его святой Церкви!

В Свердловске в первый день Рождества, когда на дворе трещал сибирский мороз с ветром, всех заключенных отправляли на работу. Но владыка Болеслав категорически отказался:

> – Сегодня праздник Рождения Христа и я на работу не пойду, потому что я ссыльный за религиозные убеждения.

Этот аргумент подействовал, на работу его не погнали, но в качестве наказания перевели до вечера в камеру к уголовникам. Вечером арестанты вернулись с работы едва живые, большинство отморозило себе уши, руки и даже ноги.

Кормили в свердловской тюрьме очень плохо, и не было никакой возможности прикупить что-нибудь из еды, так как в тюрьме отсутствовал ларек. Поэтому голод мучил все время.

Из Свердловска владыку Болеслава 27 декабря отправили в Иркутск. Здесь весь транспорт заключенных загнали в камеры с выбитыми окнами и без нар.

Всем угрожала смерть от холода, поэтому люди объявили голодовку. Это помогло, на следующий день их перевели в другие камеры, но в наказание за протест выпускали в клозеты только два раза в день, так что параши в камерах были переполнены. Лучше не вспоминать, какая от них стояла вонь!

Здесь кормили не лучше, чем в Свердловске: утром давали кружку кипятка и 300 граммов хлеба на весь день, днем миску воды, в которой болталось немного муки и такую же миску вечером. Арестанты продавали последние вещи, чтобы купить в тюремном ларьке хоть что-то из еды. И еще один штрих: людей непрерывно атаковали полчища вшей, с которыми приходилось вести отчаянную борьбу.

Из Иркутска владыку перевезли в Красноярск. Прибыл он туда 30 января 1931 года и должен был ожидать в тюремном изоляторе дальнейшего транспорта в Енисейск. Отношение к заключенным в красноярском изоляторе было крайне жестоким. Всех выгоняли на принудительные работы, не обращая внимания ни на истощение, ни на болезни. Нередко надзиратели сбрасывали бессильных больных людей с нар на пол и избивали ногами до потери сознания. К тому же камеры не отапливались, а «питание» оставалось таким же, как в Свердловске и Иркутске. Ко всему этому надо добавить ужасную матерщину надзирателей, чекистов и уголовников. А в присутствии духовных лиц матерщина всякий раз принимала характер изощренного богохульства.

Владыку Болеслава время от времени вызывали на допросы. Однажды следователь сказал ему, что в Красноярске еще действует католическая церковь и что ее настоятелем является отец Церпенто. Это был друг владыки по семинарии. Он написал ему открытку и спустя некоторое время получил от него передачу с едой и одеждой.

Транспорта в Енисейск ожидала также целая группа грузин. Хорошо организованные, они смогли получить подводу и теплую верхнюю одежду. Владыка Болеслав познакомился с ними и по их совету написал заявление следователю о включении в эту группу. Как ни удивительно, его просьбу удовлетворили, даже выдали на дорогу кожух и валенки. Путь от Красноярска до Енисейска (337 км) занял 8 дней, с 1 по 8 марта. Местные крестьяне, сами бедные, сочувствовали ссыльным и по мере возможности помогали.

Пересыльная тюрьма в Енисейске

В Енисейске всей группе, с которой приехал владыка Болеслав, дали какое-то подобие паспортов и сказали: «Вы свободны, но должны отмечаться в милиции каждые пять дней». Пришлось искать квартиру и возможность пропитания. Здешние жители относились к ссыльным неплохо, однако найти жилье было трудно. Владыка напрасно стучал во многие двери, пока один человек не посоветовал ему обратиться к набожной женщине, жившей в собственном доме с не-

сколькими комнатами. Она никогда не сталкивалась с католиками, поэтому после приветствия удивленно спросила:

– Кто же ты такой будешь?
– Ссыльный католический епископ.
– Католический епископ? А ты в Бога веришь?
– Верю.
– А в Христа Спасителя веришь?
– Верю.
– А Богородицу почитаешь?
– И Богородицу почитаю.
– Ну, коли так, то хорошо, пойдем смотреть квартиру.

Это была искренне верующая душа, она приняла неизвестного ей человека с настоящим христианским гостеприимством, хотя могла иметь за это большие неприятности от властей. О том, до какой степени люди здесь опасались друг друга, может свидетельствовать такой факт. В доме у той женщины, где остановился владыка Болеслав, жил еще и ссыльный украинец, но за все время они не сказали друг другу ни слова.

Енисейск, улица в 20-е годы

Лишь духовные могли сблизиться между собой. В Енисейске епископ Болеслав познакомился с местным православным священником, родители которого приехали когда-то из Беларуси. Он был благочинным для Енисейского округа. Матушка благочинного подарила владыке рюмку, которая могла служить чашей. Этот подарок оказался очень кстати, так как владыка ежедневно служил Службу Божию в своей комнатке, и туда приходили ссыльные на исповедь и для Святого Причастия, а в то время ссыльных из Беларуси в Сибири было полным-полно.

Внезапно свободная жизнь в Енисейске кончилась. Днем 26 мая, когда владыка обедал у одних новых знакомых, туда явились агенты ГПУ и показали бумагу, предписывавшую им произвести обыск по месту проживания, а его самого арестовать и отправить в распоряжение Туруханского ГПУ. Снова пришлось идти в тюрьму. Там его сначала посадили в камеру к староверам, а на другой день перевели в камеру с надписью на дверях «смертник» и оттуда не выпускали даже в клозет. Но при этом не сказали ни слова о смертном приговоре. Владыка потребовал объяснения, а не получив его, объявил голодовку. Это помогло, ему разрешили выходить из камеры, как и другим заключенным, и сказали, что он не осужден на смертную казнь. Кормили в здешней тюрьме очень плохо, но к счастью новые знакомые по Енисейску приносили передачи.

В «смертной» камере пришлось сидеть до 16 июня. В этот день отплывал пароход в Туруханск, владыка Болеслав в сопровождении агента ГПУ отправился

к окончательному месту своей ссылки. Плавание заняло 6 дней. Наконец, 22 июня пароход остановился в Новотуруханске. Там арестантам велели обождать «на воле» несколько дней, пока не пойдет новый транспорт в Старотуруханск. Впрочем, бежать отсюда было некуда.

В Новотуруханске владыка Болеслав встретил нескольких старых знакомых по Свердловской пересыльной тюрьме – с отмороженными руками. Они в страшных муках ждали смерти как избавления. Гниющие заживо люди, точнее, полутрупы – это ужасное зрелище, но большевики приучили людей к ужасам всякого рода.

Чтобы прожить в Новотуруханске несколько дней, пришлось искать помещение. Владыка начал с того, что отправился к местному православному священнику. В ходе беседы выяснилось, что он беларус. Отец Иван принял владыку Болеслава со всей радостью. Его дом был подобен избушке на курьих ножках: свободное место нашлось лишь на одного человека. Отец Иван без малейших колебаний выделил это место владыке. Словом, по-христиански поделился последним. В этой тесноте было что-то уютное, ибо чувствовалось, что между людьми присутствовал Христос.

Пароход «Красноярск» с баржой на реке Енисей

Через неделю владыка Болеслав ехал на барже в Старотуруханск – снова в обществе агента ГПУ. Сначала центр Туруханского края находился там, но затем его перенесли в новое селение, а в Старотуруханске остались всего 13 семей. Он стоит на реке Туруханке, недалеко от ее впадения в Енисей и в 37 км от Новотуруханска. Население занимается рыболовством.

Чтобы представить себе условия жизни в Туруханском крае, надо знать, что здесь начинаются районы вечной мерзлоты. Это означает, что даже летом земля оттаивает не более, чем на полметра. Там нет лесов, вообще растительность очень бедная – только редкий кустарник. Животный мир тоже небогат. Зато летом появляется невероятное количество мошки – мелких насекомых-кровососов. Мошка тучами налетает на людей и на животных. В шутку говорят, что она по-советски наглая и голодная. Чтобы хоть как-то от нее спасаться, необходимо в жилищах днем и ночью держать дымокуры, но тогда дым ест глаза.

Перед отправкой в Старотуруханск отец Иван сказал владыке, что там он сможет найти приют у его старой знакомой Марии Григорьевны. Небольшая колонна ссыльных прибыла сюда в ночь с 30 июня на 1 июля 1931 года. Так как стояло лето, ночью было светло, какой-то человек шел по улице и показал владыке дом Марии Григорьевны. Узнав, что незнакомец имеет отношение к отцу Ивану, она радостно встретила владыку и сразу бросилась готовить чай. Он с трудом уговорил ее не чаевничать ночью. Тогда она поставила на стол буханку хлеба и горшок молока.

В доме Марии Григорьевны уже спали 14 человек, но нашлось место и для 15-го, а назавтра для владыки отгородили занавеской отдельный закуток и дали сетку на кровать, защищающую от мошки.

В Старотуруханске было немало ссыльных из разных углов Советского Союза. Владыка Болеслав встретил там даже своего земляка, латвийского пограничника. Когда-то он исправно ловил на границе советских шпионов, но однажды его самого схватили советские пограничники и отправили в глубь Сибири. Среди ссыльных были люди самых разных вероисповеданий, даже язычники, поклонявшиеся Солнцу.

Ссыльные должны были раз в пять дней отмечаться в сельсовете, а в остальном они были вполне свободны, включая место проживания и способ пропитания. Впрочем, выбор последнего ограничивался только что созданным рыболовецким колхозом. Но владыка в колхоз не вступил. Вместе с бывшим пограничником он стал единоличником. Им повезло: они нашли лодку, принесенную паводком неизвестно откуда, и работали гораздо лучше, чем новоявленные колхозники. Впрочем, рыбы в Туруханке было очень много, и рыба эта была хорошая, только ужасно докучала мошка. Приходилось мазать лицо, шею и руки дегтем или жечь рядом с собой какую-нибудь сильно пахучую дрянь.

Туруханск, затерянный в Сибири...

В своем закутке владыка Болеслав ежедневно правил Службу Божию. Но у него не было ни гостий, ни вина. После коллективизации посылки приходили редко и стали совсем тощими. Некоторым знакомым владыка сам написал, чтобы больше посылок не присылали.

Иногда местные жители приходили к нему с просьбой крестить детей, но поскольку они считали себя православными, он сначала пытался отказываться:

— Я ведь по-вашему не окрещу.

— Все равно, батюшка, лучше Вы крестите, чем наша тетя Валентина (это была бабуля, крестившая детей из-за отсутствия священника).

После таких слов отказаться было невозможно, и владыка крестил всех, кого приносили или приводили.

15 ноября 1932 года в Старотуруханск внезапно явился начальник Туруханского ГПУ Гендель и лично обыскал помещение, где жил владыка. Но ничего не нашел, кроме нескольких номеров газеты «Безбожник». Это его сильно удивило. Он сказал: «Видимо, вы стали прогрессивным священником». На самом деле «прогрессивный священник» искал в этом мерзком листке крупицы хоть какой-то информации о положении религии. Никаких других источников у него не было.

Великая неожиданность

Буквально через день – 17 ноября – домой к владыке явились агенты ГПУ, арестовали и повезли в Новотуруханск. Там ему сказали, что его отправляют в Красноярск. В ответ на это владыка заявил протест: почему при аресте ему не сказали взять с собой вещи. Протест был принят: он получил подводу для поездки туда и обратно. Правда, вещей было немного, к тому же часть их владыка отдал Марии Григорьевне, но самое необходимое прихватил с собой.

В Советском Союзе арестованный никогда не знал, что его ждет. Так было и с владыкой. В компании четырех других таких же горемык он ехал в Красноярск и думал, какую новую подлость приготовило ему ГПУ?

Путь длиной 1400 км занял на санях 35 дней. В это время морозы чередовались с оттепелями, холодная сырость пробирала до костей. По дороге случилось много разных неприятностей. Например, пришлось провести трое суток в Енисейской тюрьме, в холодной камере без окон и без освещения.

В Красноярск этап прибыл 2 января 1933 года. Следователь ГПУ встретил владыку Болеслава довольно вежливо и сообщил ему, что через пару дней его отправят в Москву. А пока отправил в изолятор, уже известный владыке своим холодом и голодом. К счастью, здесь он провел только три дня. Уже 5 января автомобиль отвез владыку на станцию и оттуда в сопровождении двух конвоиров и одного агента ГПУ он в отдельном купе поехал в Москву.

В «белокаменную» приехали 11 января, здесь одна неожиданность стала следовать за другой. После недельного пребывания во внутренней тюрьме ГПУ (так называемом «собачнике»), где камеры были неимоверно переполнены, и после ежедневных допросов, владыку 18 января отвезли в Бутырскую тюрьму. Там как всегда тщательно обыскали, но потом... отправили в баню! После бани еще раз обыскали и поместили в одиночную камеру, совсем не похожую на обычные советские камеры: здесь стояла кушетка с матрасом, накрытым суконным одеялом, сверху лежала небольшая подушка, в углу стоял стол с табуретом, было чисто. Кормили четыре раза в день и – неслыханное дело – утром пришел парикмахер, который побрил и подстриг владыку. Владыка Болеслав терялся в догадках – чтобы все это могло значить? Правда, «роскошная жизнь» продолжалась всего два дня.

Днем 20 января его посадили в автомобиль и привезли к огромному зданию, на котором красовалась надпись «Верховный суд СССР». Можно было подумать, что планируется какой-то суд, именно этого ждал владыка, когда под конвоем вошел в огромный зал. В зале сидел за столом сотрудник ГПУ. Через пару ми-

Зэки в санях

нут ожидания туда в сопровождении другого чекиста вошел человек, одетый по-европейски, положил на стол какие-то бумаги и обратился к владыке:

– Вы епископ Слосканс?

– Да, я епископ Слосканс.

– Позвольте представиться. Я доктор Билманис, посол латвийского правительства в СССР и принес добрую весть, что благодаря стараниям нашего правительства вы завтра поедете в Латвию. Святейший Отец благословляет вас, а епископ Ранцанс приветствует и ждет.

– Нет, я никуда за пределы СССР не поеду.

– Почему так?

– Потому что я хиротонизирован на руководство Могилевской митрополией и желаю остаться в тюрьме, или в лагере, но не покину митрополию против воли Святейшего Отца.

– Я вам говорю, как официальный представитель латвийского правительства, что ваше освобождение запланировано по согласованию с Апостольским Престолом, и что Святейший Отец четко высказал свою волю, чтобы вы использовали возможность для выезда в Латвию.

– Если такова воля Святейшего Отца, то разумеется я ее исполню.

Беседа кончилась тем, что доктор Билманис дал владыке Болеславу 100 рублей на дорогу и пакет с бутербродами.

Простившись с латвийским послом, владыка прошел через двойной обыск и вернулся в свою одиночную камеру.

На следующий день 21 января пополудни, когда владыка уже был в зале ожидания на вокзале, латвийский посол, который тоже приехал на станцию, тихо сказал ему:

– Я вас прошу не рассказывать о том, что вы тут пережили, ибо таково условие вашего освобождения.

Вместо ответа владыка подошел к начальнику конвоя и громко спросил:

– Правда ли, что меня освобождают под тем условием, что я не имею права говорить о своих переживаниях?

Начальник молчал. Владыка повторил вопрос. Наконец тот ответил: «Официально мы ничего не знаем».

Перед тем, как посадить в вагон, владыку опять тщательно обыскали и забрали все, что имело хоть какую-то ценность. Деньги, правда, не забрали, но сказали, что советский закон запрещает их вывозить, поэтому лучше что-то купить на них в буфете, иначе конфискуют на границе. Но в буфете пригарничной станции Бигосово особого выбора не было. Владыка купил там «сладости» и бутылку «коньяка». Эти «сладости» никто в Латвии не решился хотя бы попробовать, а «коньяк» знатоки назвали обычной самогонкой, только подкрашенной.

Днем 22 января 1933 года после короткой процедуры обмена на какого-то коммуниста владыка Болеслав переехал из Бигосово на латвийскую пограничную станцию Индра. Там его уже ждали епископ Ранцанс и толпа старых знакомых. Впервые за последние 15 лет владыка ощутил, что находится на свободе, среди свободных людей. Это чувство невозможно описать, его можно только пережить.

Из Латвии епископ Болеслав написал письмо в Рим и вскоре получил ответ, чтобы незамедлительно приехал туда. Приехал он в Рим утром, в Великую Среду, и в тот же день ему была назначена аудиенция у Святейшего Отца Пия XI. Как взволнованный отец встречает любимого сына, вернувшегося домой после суровых испытаний, так встретил Папа епископа Болеслава. Он сошел с престола, с раскрытыми объятиями направился к вошедшему в зал страдальцу, прижал его к своей груди и трижды поцеловал. Беседа продолжалась один час и 15 минут, потому что было о чем поговорить.

Папа римский Пий XI

В Риме владыка Болеслав оставался более года, до мая 1934, и получил звание ассистента Апостольского престола. Потом он посетил ряд стран Западной Европы. Возвращаясь в Латвию, побывал в Западной Беларуси – в Пинске, Тараканях и Альбертине, где имелись храмы восточного обряда. Поселился в Риге, работал профессором католического теологического факультета Рижского университета, одновременно был духовником в Духовной католической семинарии.

Новая буря – новое изгнание

Волны Второй мировой войны утопили независимость прибалтийских стран. 16 июня 1940 года большевики установили свой режим в Латвии. Начались массовые аресты и депортации. В числе жертв большевистского террора оказались близкие родственники владыки Болеслава. В ночь с 13 на 14 июня 1941 года из Латвии было вывезено 14 тысяч человек, среди них находились брат владыки (с тремя сыновьями) и его сестра.

А 26 июня, уже после начала войны с Германией, когда сотрудники НКВД собирались бежать из Даугавпилса, где в то время находился владыка, они искали его, чтобы арестовать и увезти с собой. Но девушка, работавшая в НКВД, успела предупредить владыку об аресте. Он спрятался в Новом костеле под алтарем Богоматери. Чекисты выломали запертые двери храма и обыскали все помещения, но напрасно. Тогда они стали угрожать расстрелом женщине, убиравшей храм, чтобы она сказала, где спрятался «враг народа». Однако та не испугалась приставленного к груди револьвера и не выдала. Поиски прервала воздушная бомбардировка. Только чекисты подошли к алтарю, под которым лежал владыка, как неподалеку от костёла взорвалась бомба. Они испугались и убежали.

На смену большевикам в Латвии, как и в Беларуси, пришли нацисты. Сначала их повсюду приветствовали как освободителей, но вскоре разочаровались. Однако и в самом горьком разочаровании нельзя оставаться бездеятельным. В Беларуси активисты национального движения делали все возможное для того, чтобы укрепить свои позиции. Не оставляли они без внимания и религиозную жизнь.

Однажды к владыке Болеславу пришел Константин Езовитов с двумя товарищами и предложил ему переехать в Минск. С аналогичной просьбой дважды об-

ращался ксёндз Винцент Годлевский. Но без разрешения германских оккупационных властей переезд был невозможен. В это же время к владыке обратился голландский иезуит Иосиф Пеперкорн, работавший в Латвии и желавший выехать в Беларусь. Епископ Болеслав выдал ему документ о назначении, по которому голландец получил от местного коменданта разрешение на выезд. Отец Иосиф один месяц работал в пригороде Минска, а потом бесследно исчез. Этот инцидент стал мрачным предзнаменованием. Все же владыка Болеслав подал заявление генеральному комиссару Латвии генералу Лоббе с просьбой о разрешении на поездку в Минск. Ответ был кратким: «Просьба не может быть удовлетворена» (Wir konnen nicht entsprechen). Причина отказа не объяснялась.

Негативное отношение нацистов к католической церкви усиливалось. Летом 1942 года произошли массовые аресты и расстрелы польских католических священников в Барановичском и Слонимском округах. Это злодеяние нацисты пытались лицемерно прикрыть политическим мотивом: дескать, арестовали тех, кто отказался пользоваться беларуским языком в богослужении. Однако вскоре они начали уничтожать и тех немногочисленных беларуских ксендзов, которые еще уцелели к тому времени и не только использовали беларуский язык, но и немало за него пострадали. За сравнительно короткое время погибли: греко-католический экзарх Беларуси отец Антоний Неманцевич, священники Винцент Годлевский, Станислав Гляковский, Денис Малец, Казимир Рыбалтовский, Антоний Лещевич и Юрий Каширa (двух последних сожгли в Роси заживо). Для владыки Болеслава снова обрели актуальность слова консекратора: «Мы вас хиротонизируем на мученичество, но благословляем на рассудительность».

Рассудительность призывала подождать. Ждать пришлось недолго. Летом 1944 года епископы Болеслав Слосканс и Исосиф Ранцанс получили приказ властей эвакуироваться в Германию. Там в Пфальце он перенес хирургическую операцию. А пока выздоровел, война кончилась.

В 1946 году Ватикан поручил епископу Болеславу провести визитацию беларуских католиков в Германии, Франции и Бельгии. Выполнив это поручение и доложив в Рим о положении беларуской эмиграции, владыка некоторое время оставался в Германии, но позже получил приглашение на постоянное жительство в Бельгии. Поселившись в Брюсселе, он опекал беларуских студентов-католиков, помогал композитору Николаю Равенскому, поддерживал беларуские религиозные издания.

Ватикан своим постановлением от 29 мая 1952 года назначил его Апостольским Визитатором для беларусов – католиков восточного и латинского обряда в Западной Европе.

***

Епископ Болеслав Слосканс умер в Брюсселе 18 апреля 1981 года на 89-м году жизни.

V. НАДО ПРОЧЕСТЬ

НАЗАД — В БУДУЩЕЕ

Александр Грицанов

Чудесной особенностью нынешнего исторического момента в Беларуси является тотальное безразличие верховной власти к состоянию и настроениям просвещенных умов страны, а, значит, к ее настоящему и будущему культурному облику в целом. Являясь штампованной продукцией советской воспитательно-образовательной машины провинциального образца, вожди республики не видят необходимости обращать внимание на нечто иное, нежели рост производства, привесов или центнеров с гектара. Им наивно представляется, что всё из сферы идей — несравненно более эфемерное, чем тонны и кубометры — не может представлять сколько-нибудь значимого интереса для администраторов державного или даже областного уровня.

И поскольку благодаря данному заблуждению в собственно духовное «производство» беларуской интеллигенции политическая и идеологическая цензура пока особо не вмешивается, постольку в современную эпоху всем желающим предоставляется уникальная возможность (без особой конкуренции со стороны ангажированной государством интеллектуальной обслуги) войти в «золотой фонд» национальной культуры. В этом и состоит «чудесность» среды «тутэйшэго» творчества в начале XXI столетия.

«Думать Беларусь»? Кто способен?

То ли десяток, то ли полтора десятка лет тому назад психолог Владимир Мацкевич, «широко известный в предельно узком кругу» творческих национальных кадров, пафосно отказывающихся от сотрудничества с прискорбно недалекими (как идеологически, так и исторически) структурами правящего режима, провозгласил насущную потребность в любопытном проекте — «Думать Беларусь!». Сам автор замысла предпочел в дальнейшем обойтись без подробного его исполнения или хотя бы методологической расшифровки: это потребовало бы неблагодарной кропотливой работы и вызвало бы дурно пахнущий гнев разнообразных организаций коммунистического и имперского толка, привыкших сутяжничать. Мацкевич решил более комфортным для себя способом в дальнейшем почивать на лаврах, контактируя в режиме то ли секты, то ли аристотелевского кружка «прогуливающихся и прохаживающихся» с небольшим набором юных учеников и зрелых последователей: причем первые в формате неудачных мутаций-деградаций трансформируются во вторых. При всем этом, заслуга первич-

---

Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века / Составление, перевод, научное редактирование А.Е. Тараса. Минск: «Харвест», 2010. — 544 с.

ного озвучивания в пространстве культуры РБ версии о том, что «историческая правда» и «миф» неразрывно связаны между собой и именно в таковом своем качестве должны быть использованы для конструирования суверенной и «самостийной» отечественной истории после обретения страной независимости, правомерно может быть приписана именно ему.

Вряд ли имеет смысл повторять ошибку плохих логиков и конспирологов, утверждающих, что «после того» – это означает «вследствие того». Это я к тому, что с 2006 года тогда еще не слишком известный беларуский ученый А.Е. Тарас инициировал издание серии книг «Неизвестная история». Первые же из них привлекли к себе широчайшее внимание патриотической общественности России и Беларуси*. Понятно, что с учетом наихудших традиций так называемого общего «славянского отечества», внимание это отнюдь не походило на «участие» и «желание помочь». На идеи, высказанные в книгах, немедленно ополчились критики практически из всех патриотично-идеологических лагерей. Российская сторона – за отказ от признания Кремля «колыбелью сферы кириллицы», несущего сугубо освобождающие и просветительские функции на захваченные им территории. Местные же национальные кадры – за акцентированную публикацию работ на русском языке (чего греха таить, основном для здешней общественности, вообще способной читать**). Так или иначе просветительская деятельность господина Тараса продолжилась: свет в рамках серии увидели также и другие блестящие произведения ***.

Кто в «идеологической доле» с замыслом проекта?

Следует обратить внимание на следующее: в деятельности вышеупомянутого инициатора книжного цикла присутствует не только коммерческая грамотность, но и впечатляющая идейно-политическая и идеологическая искушенность.

Скажем откровенно: в духе привычных – конформистско-завистливых – традиций местных культурных аборигенов отмеченные произведения остались бы подчеркнуто незамеченными хорошо известным немногочисленным кружком здешних «интеллектуалов» (то есть тех, кто, по выражению Бертрана Рассела, явно претендуют на значительно больший объем интеллекта, чем тот, которым они реально располагают). Но здесь случилось непредвиденное: позицию Тараса открыто поддержали такие авторитеты в области национально-государственного строительства как германская «фрау канцлер» Ангела Меркель, действую-

---

* «Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV – XVII веках» (автор – А.Е. Тарас; 4 издания в 2006 – 10 гг.); «История имперских отношений: беларусы и русские, 1772 – 1991» (коллектив авторов, составитель и редактор – А.Е. Тарас; 3 издания в 2008 – 10 гг.); «Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII – XX вв.» (автор – А.Е. Тарас, 2 издания в 2009 – 10 гг.)

** Об успехе данной серии свидетельствуют, например, переиздания одной из сравнительно новых книг: «Тайны беларускай истории» (автор – В.В. Деружинский; 3 издания в 2009 – 10 гг.).

*** «Страна Моксель: Из истории Московии XI – XVI вв.» (автор – В.Б. Белинский, 2009); «Белорусы: От «тутэйших» – к нации» (автор – Ю.В. Чернявская, 2010); «Грюнвальд, 15 июля 1410 года» (автор – А.Е. Тарас, 2010); «Костёл в нашей жизни» (автор – А.Е. Тарас, 2010) и другие.

щий беларуский президент А.Г. Лукашенко и известный беларуский политический эмигрант З.С. Пазьняк. Поскольку сделали они это, явно не размышляя над авторскими лаврами и очевидно не сговариваясь, постольку подобный разворот произвел на общественность намного более сильное впечатление, чем даже мог бы.

Так, спадар Пазьняк еще в 1993 году обнародовал собственную трактовку учения о «российском империализме». Текст этот, опубликованный в «Народной воле» и изложенный на безукоризненно-красивой «матчынай мове», не прославился вполне заслуженным образом. Он (в пылу борьбы между «католическим авторитаризмом» самого Пазьняка и «православным авторитаризмом» Лукашенко) оказался похороненным под мелкотравчатыми щепками бурных и, как правило, дилетантских идеологических и политических полемик.

«Батька» Лукашенко, в свою очередь, излагая недавно собственную физиолого-геополитическую картину мира, просветил народ о том, с каким империалистическим рвением пытаются «нагнуть» лично его (а заодно и всю Беларусь) обитатели московского Кремля и тамошнего Белого дома. Поэтому формулировка заглавия одной из книг (о характерных издревле «имперских отношениях» Москвы и Санкт-Петербурга, с одной стороны, Минска, – с другой) насторожила многих доморощенных карьеристов: ряд из них поспешил сделать вывод об обретении проектом «Неизвестная история» самой высокой из всех мыслимых в региональном масштабе властных «крыш».

Окончательно «добила» и расцветила данную проблемную ситуацию несколько дней назад госпожа Меркель. Вопреки идеалам «толерантности» и «памяркоўнасці», на которых отдельные блаженные пытались выстроить автономную отечественную державность, она жестко объявила о крахе, которым завершилась (!) экспериментальная «мультикультурная» модель в ФРГ.

Вот так базовые («заточенные» сугубо под граждан Беларуси) ценности («беларуская уникальность», здоровая принципиальная конкуренция с соседними народами и государствами, особые национальные качества беларусов – вполне сопоставимые с амбициями соседей), пропагандируемые данным издательским проектом, нашли дополнительное авторитетное обоснование.

Оформление национальной суверенности необходимо связано с осмыслением и переосмыслением отечественного прошлого: процедуры эти обязаны привести к стратегии формирования «национальной гордости» граждан РБ, дополненной ресурсом самоуважения и – одновременно – симметричного отношения к другим нациям.

«Замыкая круг»...

В архитектонике издательской серии оставалась лишь одна лакуна: древнейшая история Беларуси (или даже точнее – «предыстория беларусов»). Осмыслению этого отрезка нашего прошлого и посвящена данная книга.

В ней под одной обложкой собраны статьи самых разнообразных беларуских авторов: от патриархов отечественной мысли, докторов наук, историков Г.В. Штыхова и В.С. Титова, социолога Г.П. Давидюка – до сравнительно недавно (но стремительно) вошедших в духовную моду страны персон: А. Дерманта, О. Дерновича, В. Носевича и С. Санько. Также, безусловно, украсили сборник тексты М. Петрова, И. Ласкова, А. Бычкова и А. Микулича.

Не считая возможным воспроизводить содержание этого коллективного произведения (равно интересного и для экспертов, и для неофитов), отметим главные «ударные» его моменты.

1. Воспроизведены высокопрофессиональные антропологические и генетические материалы, свидетельствующие о том, что «беларуский, украинский и русский этносы сформировались в разном территориальном пространстве, на разных субстратных праосновах, сохранили до настоящего времени собственные генофонды, обладающие своими особенными признаками... Пресловутое восточнославянское братство является мифом» (с. 96).

2. Приведены доказательства, что «коренное (сельское) население Беларуси генетически и антропологически неизменно на протяжении, как минимум, 130 – 140 поколений, т.е. около 3500 лет» (с. 96).

3. Постулировано, что:

а) «... Основу населения будущей Беларуси во все периоды, начиная с неолита и кончая феодальными княжествами, составляли балты. Говорить о массовом переселении славян на эти земли неправомерно. Можно лишь констатировать переход древних балтских племен (ятвягов, кривичей, дреговичей, радимичей) на славянский язык» (с. 6).

б) Применительно к ранней стадии оформления здешних народов «ни о каком массовом приходе и расселении славян не может быть речи. Максимум, о чем можно говорить, так это о славянизации языка, материальной и духовной культуры» (с. 6-7).

в). «Титульным этносом (народностью) в ВКЛ были литвины (или литовцы)» (с. 8). Чьи это непосредственные предки – вопрос открытый.

В книге вполне справедливо утверждается следующее: «Предметом споров являются следующие вопросы:

– Какой этнос (этносы) были предком беларусов?

– Какой этнос (этносы) были предком летувисов?

– Кем были древние (летописные) литвины (литовцы)?

– Кто такие славяне, когда и где они появились?

– Кто кого подчинял или ассимилировал?

– Кто создал Великое Княжество Литовское?

... Исчерпывающего ответа на эти вопросы мы никогда не получим» (с. 9).

Гипотетические «братья-славяне» оказываются не генетически-антропологическим, а культурно-лингвистическим феноменом. Этот тезис видится наиболее плодотворным среди всего спектра имеющихся предположений на сей счет.

И поскольку «самостоятельная этносоциальная общность (беларуская народность), обладающая своим языком и самосознанием – в основном сложилась в XIV веке», то временные рамки анализа, заявленные в названии книги, выглядят совершенно оправданными.

Для придания проекту также и содержательной завершенности в контексте неоднократно публично обозначенных его архитектором идеологических задач (создание сбалансированной системной панорамы всей истории страны) в ближайшей перспективе планируется выход вообще беспрецедентного текста – «Беларусь превыше всего! (О национальной беларуской идее)».

Не имеет смысла утверждать, что подобной серией публикаций стратегия «думанья Беларуси» будет окончательно исчерпана. Но, кто желает, может попытаться исполнить это лучше, или – хотя бы сопоставимо. А сия задача, безусловно, общегосударственного масштаба и размаха.

(19 октября 2010 г.)

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 5

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 7.12.2010.
Формат 70 × 100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 350 экз. Заказ № 2183.

Ответственный за выпуск: *В. Н. Волкова*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт». ЛП № 02330/0494199 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220103, г. Минск, ул. Кнорина, 50, корп. 4, к. 401а.

На март 2011 года планируется издание книги М.В. Кирчанова «Интеллектуальная история беларуского национализма» (240 – 256 стр.). Тираж ограничен. Желающим ее приобрести (в т.ч. по почте наложенным платежом) следует послать предварительный заказ по адресу:

А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131. Или: skramasaks@inbox.ru

Содержание книги

Введение: Интеллектуальная история национализма

Глава 1. Беларуский националистический дискурс: тексты и контексты

(1) «Нашая Бацькаўшчына – гэта беларуская зямля»: классический националистический дискурс

(2) «Каб зьвінелі над зямлёю песьні вольных касінёраў»: национал-романтизм в современной беларуской идентичности

(3) «Сёння большасць беларусаў не ідэнтыфікуе сябе з беларускай культурай»: современники

Глава 2. Национализм и идентичность в БССР

(1) Идентичность в БССР: проблемы и противоречия

(2) «Шчэ не змоўк гук радзімае мовы»: диссиденты

(3) «На Беларусі Бог жыве»: национализм в БССР

Глава 3. Беларуский национализм и идентичность: дискурс диаспоры

(1) «Сумна мне, Божа, на чужой старонцы»: эмигранты

(2) «Для несьмяротнай Беларусі»: национальное и маргинальное в поэтическом воображении беларуской эмиграции

(3) Эмиграция и изгнание в современной национальной беларуской памяти

Глава 4. Вільня, ВКЛ, БНР...: «места памяти» – социальной, национальной и географической в беларуском национализме XX века

(1) Беларусь утраченная: Белосток и Латгалия в беларуской национальной памяти

(2) «Вільню ў нас ніхто ня змог забраць»: Вильня на воображаемых беларуских картах Восточной Европы

(3) ВКЛ, БНР и БССР: государственная парадигма в интеллектуальной истории современного беларуского национализма

Глава 5. Беларусь, Belarus, Беларусия: постсоветская, постколониальная, постнациональная

(1) «Нацыяналізм – сьмерць каляніяльнай імпэрыі»: политики

(2) «Імпэрыя мінае як дым»: постколониальная Беларусь

(3) Интеллектуальные дебаты и проблемы развития беларуской идентичности

Глава 6. Политическая традиция современного беларуского национализма: проблемы нтеллектуальной истории

(1) Беларусь между Западом и Востоком: европейская идея и проблемы развития современной беларуской идентичности

(2) «Польские» и «русские» концепты «Другого» в современном беларуском националистическом воображении

(3) Религиозные координаты в политическом воображении современного беларуского национализма

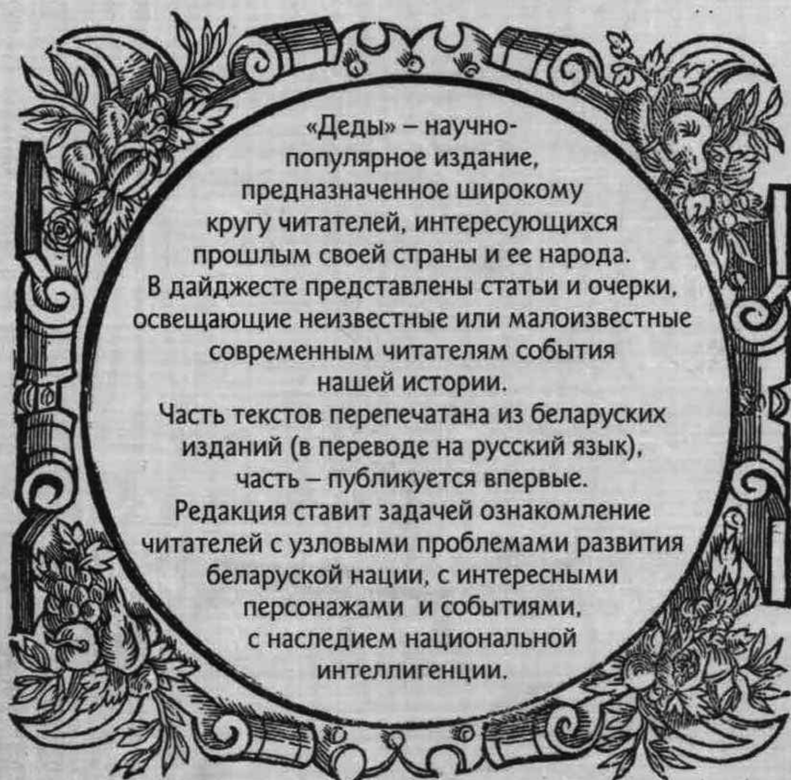
Глава 7. «Гісторыя», «нацыя», «ўлада»: интеллектуалы и национализм в Беларуси

(1) Изучение беларуского национализма как форма поддержания идентичности

(2) Национальный пантеон и проблемы развития беларуской идентичности

(3) Литература и национализм: литературные исследования как форма актуализации беларуской идентичности

Заключение

«Деды» – научно-популярное издание, предназначенное широкому кругу читателей, интересующихся прошлым своей страны и ее народа.

В дайджесте представлены статьи и очерки, освещающие неизвестные или малоизвестные современным читателям события нашей истории.

Часть текстов перепечатана из беларуских изданий (в переводе на русский язык), часть – публикуется впервые.

Редакция ставит задачей ознакомление читателей с узловыми проблемами развития беларуской нации, с интересными персонажами и событиями, с наследием национальной интеллигенции.

ISBN 978-985-16-9244-2

ISSN 2075-5376

